Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18 30 СЕНТЯБРЯ № 17—18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА"

Главлит № А—22362 Тираж 75.000

Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

На под'еме.

Обострение классовых противоречий и классовой борьбы во всем мире— ярко бросающийся в глаза факт экономической и политической действительности наших дней. Мы встречаемся с этим фактом и в нашей советской действительности, несмотря на глубокое различие наших условий социалистического строительства и диктатуры пролетариата от условий капиталистических и колониальных стран. С одной стороны, мы имеем совершенно бесспорный и не прекращающийся п о д ' е м активности рабочего класса на базе роста хозяйства; имеем весьма заметный рост активности деревенской бедноты, проявившийся еще на советских перевыборах 1927 г., а в последние месяцы давший себя знать бурным ростом колхозов. С другой стороны, мы имеем несомненный рост активности враждебных советской власти классовых групп.

Не так далеко еще время, когда среди представителей этих групп была довольно популярна ставка на «мирное» перерождение советской власти, на изменение ее политики в интересах буржуазии в пользу буржуазно-капиталистических путей экономического развития. Даже кое-кто из видных европейских дипломатов не был чужд такой ставке. Сейчас от надежд на мирную буржуазную реставрацию в Советском Союзе осталось очень мало, остались, пожалуй, только одни приятные воспоминания. Факты убедительно доказали тем, кто еще недавно об этом мечтал, что развитие экономических отношений в Советском Союзе идет не в сторону расширения капитализма, а в сторону его ограничения. Частник не только не захватил за последние годы никаких новых экономических позиций, но вынужден шаг за шагом отступать под напором госпромышленности, госторговли и кооперации. А развернувшееся после XV с'езда интенсивное строительство социалистических элементов в сельском хозяйстве, энергичное и весьма небезуспешное наступление на деревенского кулака вырывает почву из-под ног у той довольно распространенной у нас еще недавно породы буржуазных идеологов, которая надежды на реставрацию капитализма в Советском Союзе связывала главным образом с «мирным» ростом кулачества, которая, в лице Устрялова, мечтала о том, как

ордена трудового знамени в скором времени начнут украшать «могучие» кулацкие груди.

Вынужденные защищаться от растущего напора рабочего класса, крестьянской бедноты, органов советской власти, капиталистические элементы нашей страны оказывают ожесточенное сопротивление, частично переходя от скрытых форм борьбы с нами к прямым и открытым. Это в порядке вещей. Чем больше бьет по ним политика советской власти, тем энергичнее становится сопротивление. Мы видели воочию еще недавно, как кулак пытался бороться с советской властью путем хлебной забастовки; он и сейчас продолжает эту борьбу путем прямого натравливания середняка и бедняка на советскую власть и ее оргвны, путем преследования рабкоров, селькоров и т. д. Нэпман в городе пытался и пытается теперь дезорганизовать и сорвать нашу торговую политику. В факте падения производительности труда в некоторых районах и предприятиях отражается не только частичное падение трудовой дисциплины, не только расхлябанность кой-каких профорганов, но и отдельные явления вредительства, саботажа или пассивности со стороны, правда, очень немногих представителей технического персонала, которым не дают спать спокойно лавры героев шахтинского дела. Закрытие мелких промышленых и торговых частных предприятий, которые не в состоянии выдерживать конкуренцию с государственными, сокращение штатов советских учреждений создает кадры безработных, недовольных советской властью и проводимой ею политикой.

Эта политика твердого и энергичного проведения индустриализации, дальнейшего укрепления ведущей роли рабочего класса в хозяйстве страны, интенсивного роста социалистических элементов в сельском хозяйстве при систематическом ограничении капиталистических элементов во всей экономике, в стране, в которой не уничтожены классы, в которой еще преобладает мелкое индивидуальное хозяйство и, которая находится в окружении враждебных капиталистических стран,—эта политика, конечно, не может не порождать известных политических трудностей, которые мы преодолеваем и будем преодолевать дальнейшим сплочением рабочего класса, дальнейшим ростом его активности, дальнейшим об'единением вокруг пролетариата широких пролетарских и полупролетарских масс деревни, дальнейшим укреплением союза с середняком. Естественно, что в этой борьбе перевес сил и шансы победы целиком на нашей стороне.

Но враждебные советской власти группы имеют могучего союзника за рубежом. Шахтинское дело наглядно показало, на какую могучую поддержку иностранного капитала опирается работа по срыву нашего социалистического строительства, какие огромные средства не жалеет тратить иностраный капитал на эту работу. Смешно думать, чтобы он ее прекратил теперь, смешно думать, чтобы он отказался от применения гораздо более решительных средств воздействия на советскую власть, если только для этого создастся мало-мальски подходящая обстановка. Растущая экономическая мощь Советского Союза, успешное строительство социализма во всех областях его жизни, улучшение материального положения широких масс в то самое время, когда капитализм повсеместно ухудшает это положение, обострение классовой борьбы во всем мире неизбежно будут толкать международный империализм к продолжению и усилению его борьбы с Советским Союзом, которая в один прекрасный день может вылиться в прямую интервенцию.

Выступление волынского воеводы Юзевского показало, что весьма влиятельные польские военные и политические круги спят и видят во сне новый поход на Киев. Оно вовсе не было случайным, как не была случайной румынская поездка Пилсудского, как не были случайными новые репрессии польского фашизма против рабочего и национально-революционного движения (закрытие белорусского школьного товарищества и т. д.). Подготовка к нападению на Советский Союз в соседних с нами странах продолжается. Она продолжается прежде всего в Польше и Румынии.

Разумеется, от подготовки еще очень большая дистанция до самого нападения, поскольку фашизму приходится тысячу раз подумать, прежде чем решиться на новый поход на Киев, не принесший ему особой славы и в 1920 году. Приходится учесть глубокий кризис западной ориентации германских правящих кругов, обострение своих взаимоотношений с Германией и дальнейший рост в Германии реваншистских настроений в отношении Верхней Силезии и Данцигского коридора, приходится учесть свое собственное, неособенно блестящее, внутреннее положение: жестокий неурожай, перспективы экономических затруднений и роста рабочего движения. Еще менее блестящим можно считать внутреннее положение ближайшего союзника польского фашизма—Румынии, где борьба широких крестьянских масс против буржуазно-помещичьей диктатуры находится почти на грани революционных форм.

Но если даже польский фашизм не решится на военную авантюру, которая очень легко может стоить ему головы, одно бряцание оружием, которое он позволяет себе, ободряемый враждебной политикой против СССР основных империалистических стран (женевская речь Бриана), является новым фактором активизации антисоветских элементов внутри СССР, особенно петлюровских элементов на Украине (где мы в этом году имеем довольно сильный неурожай, тяжело ударивший по крестьянству), остатков меньшевиков в Грузии, дашнаков в Армении,—одним словом, всех тех, кто свои контрреволюционные планы связывает с перспективой военного нападения на Советский Союз и кто получает непосредственную материальную помощь от правительств, подготовляющих это нападение, хотя, разумеется, не приходится переоценивать политического веса и влияния ни петлюровцев, ни грузинских меньшевиков, разбитых идейно, обанкротившихся, давно утративших свое влияние на народные массы.

Правда, иш антисоветский лагерь приобрел за последнее время нового союзника: жалкие остатки троцкистско-сапроновской оппозиции, окончательно скатившиеся к меньшевизму, пытаются политически организоваться, заменивши собой в антисоветском лагере окончательно разложившуюся и сданную историей в архив меньшевистскую партию. Но едва ли это подкрепление много даст нашему антисоветскому лагерю, несмотря на то, что меньшевистские идеи троцкисты преподносят под коммунистическим флагом. Несомненно, что троцкистские эпигоны меньшевизма являются только идеологическими выразителями тех мелкобуржуазных кругов, которые в своей борьбе против советской власти и коммунистической партии фактически примыкают к кулацко-нэпмановскому блоку, будучи в руках этого блока фактическим орудием разложения тех рабоче-крестьянских масс, на которые опирается наша партия и советская власть и к которым непосредственно этот блок не может подойти с откровенной проповедью буржуазной реставрации.

С организующимися за пределами партии остатками троцкистской оппозиции наша партия должна вести такую же борьбу, какую она до сих пор вела с антисоветскими мелкобуржуазными партиями, от которых теперь троцкистская оппозиция ничем не отличается по существу, кроме своей коммунистической фразеологии.

До сих пор мы говорили о прямых формах борьбы буржуазии и мелкой буржуазии против рабочего класса и советской власти, обострившейся за последнее время. Но прямой борьбой дело не ограничивается. Борьба продолжается и в более скрытых формах воздействия враждебных элементов на отдельные нестойкие элементы партии, на советский аппарат. Это воздействие идет прежде всего по линии бытового разложения отдельных групп членов партии, засасывания их окружающей буржуазно-мещанской средой, приводящего не только к индивидуальному разложению отдельных единиц, но и к превращению их в орудие чуждых экономических и политических интересов. Все крики троцкистов о том, что буржуазии удалось подчинить себе политику нашей партии, были, разумеется, демагогическим вздором и наглой клеветой. Но отсюда вовсе не следует, что разлагающему влиянию буржуазных элементов не могли и не могут поддаваться отдельные группы членов партии, действительно перерождающиеся, действительно отрывающиеся от классовой базы, действительно скатывающиеся часто к нашим классовым врагам. Хлебозаготовительная кампания начала этого года и целый ряд таких громких дел, как артемовское и смоленское, показали наличность таких элементов не только в нашем советском, кооперативном, но также и в партийном аппаратах. Здесь сплошь и рядом бытовое разложение шло рядом с бюрократическими извращениями, с идейным и психологическим отрывом от масс, с высокомерным и барско-пренебрежительным отношением к их запросам и нуждам, со склонностью заменять политическую связь с массами методами командования, администрирования, зажима.

На ряду с этим мелкобуржуазное влияние на отдельные элементы партии может происходить и в чисто-идеологических формах. Это влияние продолжает, хотя и в слабой форме, оказывать исключенная из партии троцкистская оппозиция. Мы еще и теперь встречаем внутри партии остатки троцкистских настроений, прежде всего выражающиеся в недооценке союза рабочего класса с крестьянством, в первую очередь с его середняцкой частью; в склонности рассматривать эту часть крестьянства, как об'ект чрезвычайных мер и не больше; в склонности идеализировать самые чрезвычайные меры и не мыслить себе иначе, как в виде чрезвычайных мер воздействия партии и советской власти на середняцкую часть деревни.

Рядом с этим мы встречаем иногда откровенно оппортунистические настроения: скептическое отношение в политике наступления на капиталистические элементы; недооценку кулацкой опасности, недооценку роли бедноты, как ближайшей опоры партии. Эти настроения могут мешать партии проводить линию, намеченную XV с'ездом — на под'ем социалистического хозяйства в целом, на усиленное развитие социалистического строительства в деревне, на дальнейшее ограничение капиталистических элементов.

Перед нашей партией во всей широте стоит ряд сложнейших задач: сохранение и обеспечение того темпа индустриализации, который диктуется в нашей стране внутренней и внешней обстановкой; связанное с этим сокращение себестоимости и накладных расходов, повышение производительности труда, увеличение товарных масс, понижение цен; дальнейшее разворачивание колхозного и совхозного строительства в деревне; успешное проведение хлебозаготовительной кампании в нынешних условиях, когда к общим трудностям прибавляется целый ряд специфических (распределение урожая, позднее его созревание и т. д.); укрепление мощи Советского Союза перед лицом растущего напора международного империализма. Разрешение всех этих задач в условиях обострения классовой борьбы между капиталистическими и социалистическими элементами в нашей стране требует дальнейшего под'ема активности пролетарских масс; укрепления связи рабочего класса с пролетарскими и полупролетарскими элементами деревни, укрепления союза с середняком и требует прежде всего укрепления, идейного сплочения самой партии на твердых ленинских позициях.

Партия сумеет обеспечить необходимейшие условия успешного разрешения стоящих перед ней задач, продолжая и развивая беспощадную борьбу со всеми недостатками и извращениями в отношении советского аппарата к массам, со всеми элементами проникновения чуждых классовых влияний в наш аппарат—путем дальнейшего развития самокритики и втягивания в нее масс, путем решительного отпора всем отклонениям (и терпимо благодушному отношению к ним) от линии, намеченной XV с'ездом и единогласно подтвержденной последующими пленумами ЦК.

Обострение классовой борьбы в Советском Союзе связано с обострением ее в международиом масштабе в обстановке нового пернода капиталистнческой стабилизацнн, роста ее протнворечнй, превращения соцнал-демократии в прямого союзиика буржуазни, роста военной опасиости и приближеиня революцнонной ситуации.

От нашей партнн, которая не только стоит во главе Советского Союза, ио и является руководящей партией Комнитерна, требуется макснмальиое едииство н макснмальная боевая сплочеииость вокруг ЦК иа осиове его решеиий и твердого иеуклоииого проведеиия этнх решеиий в жизиь.

Ф. Нотович.

Пакт Келлога, империалисты и СССР.

Накаиуне подписания в Париже пакта Келлога Кентербернйский и Иоркский епископы обратились к своим паствам и к подчииениому им клиру с посланием, в котором, между прочим, было сказано: «Необходимо будет в некоторых церквах использовать воскресеиье 26 августа для особых молебствий. Но если возможно будет, то необходнмо в поиедельиик 27 августа отслужить специальиые молебиы». Лорд Кэшеидэн, исполияющнй обязаииости аиглийского министра иностранных дел и в качестве такового подписавший вместо больиого Чемберлена пакт Келлога, ответнл благодарствеиным письмом епископу Кентерберийскому, в котором ои дал такую оценку подписанному договору «о запрещеиии войны». «Подписаиие договора явится самой внушительной деклара́цией, которую когда-либо делало человечество в целях сохраиеиия мира. Подписание договора исполиит народы иебывалой до сих пор надеждой избавиться от омерзительной гиусности войиы». Было ли достаточио осиоваиий у киязей английской церкви предписывать церковиый трезвон и молебствия, а у лорда Кэшеидэна, в противоположиость скупому иа слова Чембердеиу, «растекаться мыслию по древу» в честь ие совсем приятного, ио по иеобходимости терпимого пакта Келлога,—это мы увидим ииже, когда займемся его аиалнзом.

Но раньше, чем дать ему должиую оцеику и определить его место в системе международиых договоров и обязательств, иам кажется необходимым иемиого остановиться иа истории происхождеиия самого пакта Келлога.

I.

В первые месяцы 1927 г. международиое положеиие Фраиции было поколеблеио целым рядом иеблагоприятно сложившихся политических событий. Итальянская агрессия иачала чувствоваться повсюду. За Италией невидимо стояла Аиглия, иепримиримые противоречия с которой проявнлись с особой силой иа 3-й сессии подготовительной комиссии по ограиичеиию вооружеиий. Этн противоречия касались главиым образом вопросов морского и сухопутного ограиичеиия вооружений. Используя аигло-фраицузские противоречия, Германия осторожио, ио настойчиво напомииала, что пора очистить оккупироваииые рейиские области. Франко-германские торговые отиошеиия иаходились ие в лучшем состояиии. Двухлетиие торговые переговоры, часто прерывавшиеся и виовь возобиовлявшнеся, ни к чему иному, как к шестимесячиым соглашеииям ие приводили. В связи с введением иового таможеиного тарифа предстояла таможеиная войиа с Сев.-Амер. Соед. Штатами. Это предвещало ухудшеиие отиошеиий и с Америкой, которые и до того ие отличались особеиной теплотой. Вашингтоиское правительство было иедовольно отказом Пуаикаре ратифицировать америкаиско-французское соглашеиие Меллои—Бераиже о долгах, а америкаиское общественное мнеиие обвиияло Фраицию в том, что оиа ведет империалистическую и милитаристическую политику.

В это время Бриан, воспользовавшись 10-летней годовщиной вступления Америки в войну, обратился 6 апреля через парижского корреспондента американского телеграфного агентства «Ассошиэйтэд Пресс» с посланием к американскому народу, в котором он предлагал обоим народам отказаться от войны на вечные времена.

Государственные люди в Вашингтоне были вначале даже немного смущены неожиданным выступлением Бриана. Они никак не могли понять, о какой войне идет речь. Франция никогда не вела войны с Сев.-Амер. Соед. Штатами и вряд ли возможна между ними война и в будущем. Их далее удивляла и даже раздражала необычная форма обращения Бриана через голову американского правительства к американскому народу. Правительство Соединенных Штатов не подхватило обращенного к нему клича Бриана. Пресса на него также плохо реагировала.

Только 31 мая профессора Колумбийского университета Бутлер и Шотуель высказались в пользу предложения Бриана и даже предложили собравшимся на университетское празднество политическим деятелям выработанный ими проект договора между Америкой и Францией. Названные профессора открыли широкую кампанию в печати, и американское общественное мнение начало с живым интересом следить за тем, как эта кампания постепенно делала большие успехи. Тут-то и правительство Соединенных Штатов поняло, что пренебрегать лозунгом «запрещение войны на вечные времена» накануне президентских выборов не только не умно, но и весьма опасно для исхода этих выборов для республиканского кандидата. При таких условиях начались переговоры между Брианом и американским послом в Париже, а 20 июня Бриан вручил послу проект «вечного договора о дружбе». В этом проекте договора правительства Франции и Соед. Штатов «*торжественно об'являли от имени французского народа и народа Соед. Штат. Америки, что они осуждают войну и отказываются от нее, как орудия национальной политики*».

Небезынтересно отметить, что первый проект договора, автором которого был Бриан, осуждал безоговорочно *всякую войну*, как орудие национальной политики. Только 28 декабря последовал ответ Америки на официальное предложение Бриана. Но ответ был не только неожиданным для Франции, он прямо больно бил по ней.

Одобряя проект договора Бриана о вечной дружбе, Келлог в ответной ноте писал, что для дела мира будет гораздо больше сделано, если вместо двустороннего договора «все главные державы мира присоединятся к заявлению, в котором они откажутся от войны, как орудия национальной политики». Такое заявление великих держав могло бы, по мнению американского правительства, в такой степени подействовать на все прочие государства, «что вместо задуманного первоначально соглашения только между Францией и Соединенными Штатами Америки могло бы таким образом быть заключено соглашение и между всеми государствами мира».

Ответ Америки отнял сразу для Франции всякую привлекательность у «антивоенного договора». Вместо помощи со стороны Америки против Англии и Италии, а также для защиты французской системы европейских военных союзов Америка предложила включить в договор и Англию, и Италию, и Германию. Собрались попить чайку вдвоем—и вдруг целая орава неожиданных гостей, да еще притом приглашенных.

Франция охотно отказалась бы от затеянной ею же игры, но Америка богата, и прогневить ее не легко решиться. И вот с этого момента Бриан, имя которого и должен бы носить подписанный в Париже договор, доставляет Келлогу больше всего хлопот.

5 января с. г. французское правительство одобрило мысль Келлога о многостороннем договоре, но... этот договор должен быть раньше подписан между Францией и Америкой и уж в подписанном виде быть предложенным от их имени и другим державам. В этом договоре, продолжает французская нота, «высокие договаривающиеся стороны отказываются от всякой *агрессивной войны* и заявляют, что для урегулирования всякого рода могущих между ними возникнуть споров, они будут прибегать только к мирным средствам». Короче—любовь вдвоем, но если необходима всеобщность, то Франция не может отказаться от всякой войны вообще, а только от *войны агрессивной*.

Келлог прикинулся ничего не понимающим и весьма удивленным и ответил 11 января на ноту Бриана нотой, в которой он констатировал: 1) расхождение между желанием американского правительства и желанием французского, когда оно настаивает на подписании сперва двустороннего договора, и 2) что, давая согласие на предложение великим державам присоединиться к франко-американскому договору о запрещении войны, Франция его распространяет только на *агрессивные войны*. Келлог напомнил Бриану, что его проект от 20 июня прошлого года, по поводу которого он собственно и ведет переговоры, «не содержал подобного условия или ограничения». Напротив, он недвусмысленно предусматривал *отказ от всякой войны*, как орудия национальной политики.

«Я не знаю причин, которые побудили ваше правительство изменить ваше первоначальное предложение, но я определенно надеюсь, что это изменение не имеет особого значения».

Бриан удовлетворил любопытство Келлога и на вопросы роковые дал 21 января ответы прямые, а именно: 1) великие державы и почти все остальные государства входят в Лигу Наций и связаны друг с другом ее статутом, который на них накладывает известные обязательства; 2) некоторые державы, кроме того, имеют обязательства, вытекающие из локарнских договоров, и 3) обязательства, налагаемые междугосударственными договорами для гарантии нейтралитета [1]). «Все эти соглашения,—продолжает нота Бриана,—налагают на них (государства) обязательства, против которых они не могут действовать, не нарушив их». Наконец, нота напоминает, что прошлогодняя сентябрьская сессия Лиги Наций высказалась против агрессивной войны. Дойдя до этого места Бриан теряет понимание смешного и продолжает: «этим самым создано положение, которое должны принять во внимание и Соед. Штаты, хотя они к нему и непричастны, так же, как и другие государства, которые будут приглашены к переговорам».

Лучшего аргумента против Лиги Наций правительству Соединенных Штатов и самому придумать нельзя было бы. Бриан собственноручно расписался в том, что Лига Наций, Локарно и союзы Франции с ее вассалами *не допускают отказа от войны вообще*.

С большим сарказмом Келлог ответил 27 февраля на ноту Бриана. «Между односторонней и многосторонней формой договора, предметом которого является неограниченный отказ от войны, как орудия национальной политики, по моему мнению,—пишет Келлог,—разница только в степени, но не по существу. Правительство, которое может заключить подобный двусторонний договор, должно быть также в состоянии принять участие в соответствующем многостороннем договоре, так как едва ли допустимо, чтобы члены Лиги Наций поодиночке были в состоянии что-либо делать, чего они вместе делать не могут.

---

[1]) Какая скромность! Военные союзы с Польшей, Румынией, Чехо-Словакией и Югославией обозначаются только как союзы для защиты нейтралитета.

Я поэтому иадеюсь на то, что ии Франция, ин другие члены Лиги Наций не решат окончательио, что иедвусмыслеииый неограничеиный отказ от войны, как орудия иациональиой политики, задевает особые обязательства, вытекающие из статута Лиги Наций, или же, что ои несовместим с общим смыслом и общей целью Лиги Наций».

Чтобы заранее отбить охоту от бесплодных искаиий формулы для «нарушителя мира», Келлог продолжает: «если бы, однако, к такому заявлению были присовокуплены определения понятия «нападающий», как и исключеиия и ограничения этого понятия, которые определяли бы, когда народы в праве вести войну, то зиачение такого заявлеиия (отказ от войны) было бы сильно ослаблено, и его положнтельная ценность, как гарантня мира, была бы почти уничтожена».

В таком положении дело продолжалось до конца марта. В апреле переговоры принимают неожиданно другой характер. 31 марта французское правительство перешло в иаступление. Оио вручило в Вашингтоие длинную иоту, в которой соглашалось на открытие переговоров о многосторонием договоре, ио все свои возражения, уже выяснившиеся в предыдущей переписке, оставнло в силе. Слегка полемизируя, оио даже перешло в наступлеиие. «Те же затруднения в отношеииях между государствами американского коитииеита заставили правительство Соединенных Штатов присоедиииться иа 6-й паиамериканской коиференции в Гаваине к резолюции, которая также запрещает только «агрессивную войну», язвительио иапоминает нота Клоделя, переданная в Вашиигтоне.

Дав свое согласие иа многосторонний договор, Французское правительство формулировало и свои требования, которые такой договор должен учесть. А именно:

1) запрещается между участннками договора только «агрессивная войиа»;

2) остается иенарушимым право вести войны для «самообороны»;

3) договор не затрагивает обязательств, вытекающих «из предыдущих международных обязательств, как пакт о Лиге Наций, локарнские договоры, или гарантийные договоры и договоры о нейтралитете»;

4) «договор только тогда может иметь силу для государства, подписавшего его, если и остальные государства, у которых могут быть серьезные споры с участннкамн договора, его подпишут»;

5) все государства должны быть освобождены от обязательств по договору, если один из партнеров его нарушит.

Другими словами, если договор должеи быть универсальиым, то включите в иего и тех, которые больше всего награбили, и гараитируйте им награбленное.

13 апреля вашиигтонское правительство обратилось, помимо французского, к великобританскому, германскому, итальянскому и японскому правительствам с формальным предложением заключить многосторониий договор об отказе от войны, как орудия национальной политики. При этом обращении была приложена вся переписка между Соед. Штатами и Францией, и проект договора Следует обратить виимание вот иа что: американский проект договора иигде не говорит об отказе от «агрессивной войны», а от войны вообще. Америкаиское правительство прекрасно поняло, что низведеиие всего великолепно задумаиного грандиозного плана к отказу от «агрессивиой войны», как того хотела Франция, погубит все дело. Интересы презндентских выборов требовали много. Республиканскому правительству нужны успехи во внешней политике, которыми оно могло бы щеголять иа выборах.

20 апреля фраицузское правительство разослало тем же пяти великим державам свой контрпроект договора, состоявший из введения и семи статей. В этом проекте в юридических терминах точно зафиксированы все нам известные французские ограничительные толкования договора. Помимо того, в проекте были и иовшества. Первая его статья давала и определение войне, как орудию иациоиальной политики. В ией говорилось, между прочим: «высокие договаривающиеся стороны торжественно осуждают обращение к войне и отказываются от нее, как орудия национальной политики, т.-е. как орудия политики произвольной и независимой, в которой им самим приадлежала бы инициатива».

Статья 4-я ставила точки над и. Ее полное содержание было таково: «Постановления этого договора не суживают ни в какой степени прав и обязанностей, которые вытекают для подписавших договор государств из прежних международиых договоров, участиикамн которых они являются». 6 и 7 статьи устанавливали сложную процедуру присоединения других государств к «антивоенному договору». Они устаиавливали иечто в роде первоpазрядных и второразрядных участников договора.

На этом, собствеино, и кончается длительная процедура переговоров вдвоем. Фраиция для Америки уже больше не является едииственным партнером, и ее роль постепенно стушевывается перед другими участниками, которых американское правительстпо втянуло в переговоры. Американская и фраицузская точки зрения ни в чем не сблизились, свидетельством чего является содержаиие французского и американского проекта договора.

Франко-американские разногласия по поводу толкования разных предыдущих и будущих обязательств по договору, как они проявились исключительно в официальной переписке, которую мы только частично использовали, представляют прекрасный образчик непримиоимых противоречий между Европой и Америкой, поскольку французскую точку зрения поддерживали многие европейские государства, в том числе и Англия. Американско-французская контроверза, сильно смахивающая своим концом на анекдот, длилась бы еще и по сей день, если бы правительство Кулиджа не спохватилось и не обратилось с тем же предложением ко всем великим державам. Но ие прояви Франция такого упорства—Америка еще долго не решилась бы на этот шаг.

II.

В ожидании ответов от правительств на свое предложение Келлог принялся за обезоруживание своего французского противника, что ему, однако, не удалось. 28 апреля он выступил на годичном банкете американской ассоциации международного права с обширной речью, посвященной специально французским оговоркам в связи с обязательствами Франции, вытекающими из статута Лиги Наций, Локарно и союзных договоров. Рассмотрев каждый случай в отдельности он пришел к заключению, что ни Лига Наций, ни Локарно, ии договоры о нейтралитете, как их называет французское правительство, не могут быть препятствием для присоединения к проекту его договора. При этом Келлог совершил даже иекоторую нескромность, дав попутно свое толкование 10 статье статута Лиги Наций. «Статут Лиги Наций формальио не налагает никакого обязательства начать войну. Если такое обязательство вообще существует, то оно и наступает только тогда, когда оно признано государством по собственному решению». Он далее привел в подтверждение своей интерпретации 10 статьи статута такой факт. На 4-й сессии Лиги Наций была виесена резолюция, которая не сделалась постановлением Лиги Наций только потому, что имела против себя один голос. Эта резолюция, интерпретировавшая злополучную 10 статью, имела такое содержание: «Что касается обязательства

защищать независимость и территориальную целость члена Лиги Наций, то дело конституционных органов каждого отдельного члена Лиги Наций решить, в какой мере он обязан сделать употребление из своих вооруженных сил для того, чтобы выполнить это обязательство». Несколько раньше Келлог заявил, что только-что приведенное толкование 10 статьи считают совершенно правильным Великобритания и многие другие страны.

28 апреля Германия безоговорочно присоединилась к предложению Келлога и выразила полную солидарность с ним в том, что, и по ее мнению, ни статут Лиги Наций, ни локарнские договоры не находятся в противоречии с проектом Келлога. Затем последовало присоединение Италии и Японии.

19 мая Великобритания представила свой ответ. Она, во-первых, присоединилась ко всем французским оговоркам; она, во-вторых, одобрила 4 статью французского проекта; в-третьих: «Статут Лиги Наций и локарнские договоры,—продолжает английская нота,—идут между тем несколько дальше отказа от войны, как орудия национальной политики, в том смысле, что они предусматривают известные санкции против того, кто нарушает свои обязательства. Таким образом, вполне мыслимо, что могло бы возникнуть противоречие между существующими договорами и предложенным пактом, если бы не было полного согласия в том, что обязательства, вытекающие из нового соглашения, теряют свою силу в отношении стороны, которая нарушила свои обещания и предприняла враждебные действия против одной из остальных договорившихся сторон».

Этим Англия только формулировала защиту ее общих с Францией интересов. Что же касается специально великобританских интересов, то для их защиты у Чемберлена оказались хотя и менее определенные, но не менее важные по своему значению оговорки, чем французские. Великобританская нота их следующим образом формулировала: «Изложение первой статьи относительно отказа от войны, как средства национальной политики делает желательным, чтобы я напомнил вашему правительству о том, что есть известные области на земле, благосостояние и целость которых представляют особый и жизненно важный интерес для нашего мира и нашей безопасности. Правительство его величества старалось уже в прошлом создать ясность, что вмешательство в отношении этих областей им терпимо быть не может; защита этих областей против нападения представляет для Британской империи акт «самообороны». Поэтому должна быть полная ясность, что правительство его величества принимает новый договор только в том случае, если по этому вопросу будет полное согласие, что он (договор) в этом отношении не нарушит свободы его деятельности. Правительство Соединенных Штатов имеет сходные интересы, относительно которых оно заявило, что неуважение этих интересов чужим государством будет рассматриваться как недружелюбный акт. Правительство его величества поэтому думает, что высказыванием своего взгляда на вопрос, оно выражает также намерение и мнение Соединенных Штатов».

«Под известными областями» подразумевается, как расшифровал «Дэйли Телеграф»—Египет и подступы к Суэцкому каналу, а «Дэйли Геральд» прибавляет еще Персию и Афганистан. Заслуживает внимания довольно недвусмысленное напоминание о «сходных интересах» Северо-Американских Соединенных Штатов. Не в бровь, а в глаз. Чемберлен выбрал уязвимое место и заранее знал, что Америка согласится с его оговорками, раз она сама отягощена разбойничьей политикой в Никарагуа и в остальной Центральной Америке.

Англия далее требовала, чтобы каждое государство само решало, есть ли в том или ином случае налицо нарушение договора. Не оставлены без внимания также СССР и Китай. Говоря о привлечении всех государств к пакту, Чемберлен пишет: «Универсальности будет во всяком случае трудно достигнуть, и она даже может сделаться неудобной, так как существуют некоторые государства, правительства которых еще не всеми признаны, и некоторые другие, которые едва ли в состоянии удержать порядок и безопасность в собственной стране».

Англия в заключение заявила, что и все доминионы должны принять участие в подписании договора, как равноправные его члены.

Из французского и английского ответов американскому правительству стало ясно, что без учета высказанных в них оговорок ни Франция, ни Англия не присоединятся к договору. А это значит, что все труды пропадут даром. А предвыборная агитация уже бурлит в стране. И Келлог решился на очень ловкий шаг. Он повел борьбу в двух направлениях. Он дал собственную интерпретацию своему детищу, приближающуюся к французской и английской интерпретациям, но вместе с тем воспротивился внесению каких бы то ни было изменений в основной текст договора. Он согласился только на изменение введения к договору. В борьбе с Францией, добивавшейся изменения статей договора, Келлог формально победил. Таким образом договор получился с виду лучшим, чем он на самом деле, так как при первом конфликте стороны будут настаивать на том, чтобы учитывали не только юридические термины пакта Келлога, но и интерпретацию к нему.

23 июня правительство Соединенных Штатов передало всем великим державам, английским доминионам, Польше, Бельгии и Чехо-Словакии, как подписавшим локарнское соглашение, окончательный проект договора, который без изменения и был подписан в Париже.

III.

Точный текст договора таков: «Президент Германского государства, президент Соединенных Штатов Америки, его величество король Бельгии, президент Французской республики, его величество король Великобритании, Ирландии и заморских британских территорий, император Индии, его величество король Италии, его величество император Японии, президент Польской республики, президент Чехо-Словацкой республики,

глубоко чувствуя лежащий на них торжественный долг оказания содействия благополучию человечества;

будучи убеждены, что наступил момент для откровенного отречения от войны, как орудия национальной политики, для того, чтобы мирные и дружественные отношения, существующие в настоящее время между их народами, были увековечены;

будучи убеждены, что всяких изменений в их взаимных отношениях можно добиваться только мирными средствами, и что они должны осуществляться в установленном порядке и мирным путем, и что всякая нижеподписавшаяся держава, которая впредь будет пытаться проводить свои национальные интересы, прибегая к войне, должна быть лишена преимуществ, вытекающих из настоящего договора;

питая надежду, что воодушевленные их примером, все другие нации мира присоединятся к этим гуманитарным усилиям и, примкнув к настоящему договору с момента вступления его в силу, дадут своим народам возможность также воспользоваться его благодетельными постановлениями, об'единяя таким образом цивилизованные нации мира в общем отречении от войны как орудия их национальной политики, —

постановили заключить договор, н с этой целью назначили в качестве своих полномочных представнтелей, а именно: . . . . которые, после обмена своими полномочиями, признанными в порядке н в должной форме, согласились относительно нижеследующих статей:

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны торжественно заявляют от нмени своих народов, что они осуждают метод обращения к войне для регулирования международных конфликтов и отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны признают, что урегулирование нли разрешение всех разногласий или конфликтов независимо от характера их происхождения, которые могут возникнуть между ними, должны осуществляться только мирными средствами.

Статья 3. Настоящий договор будет ратифицирован высокими договаривающимися сторонами, указанными в вводной части к договору, в соответствии с констнтуциями этих стран, и он войдет в силу в отношениях между ними, как только все документы о ратификации будут депонированы в Вашингтоне.

Настоящнй договор, как только он вступит в силу, как это предусмотрено в предыдущем абзаце, останется открытым так долго, как это потребуется для присоединения к нему других держав мира. Каждый документ, устанавливающий присоединение державы, будет депонирован в Вашингтоне, и договор немедленно после депонирования вступит в силу в отношениях между державой, присоеднившейся и другими договаривающимися державами.

Правительство Соединенных Штатов должно будет снабдить каждое правительство, указанное в вводной части к пакту, и каждое правительство, которое присоединится к настоящему договору, заверенными копиями настоящего договора и каждого документа ратификации или присоеднения. Правительство Соединенных Штатов должно будет также сообщить телеграфно всем названным правительствам каждый документ о ратифнкации или присоединении немедленно после депонирования этих документов».

Как всегда с международными актами бывает, и пакт Келлога не означает того, о чем говорит его текст. Нужно принять во внимание не только его высокоторжественные декларативные статьи, но н оговоркн и интерпретацию самого Келлога. Какова же эта интерпретация, вызывающая столько законных опасений у одних и надежд,—мы думаем, что несбыточных,— у другнх?

Передавая проект договора, американское правительство передало вместе с ним и сопроводительную ноту, которая так истолковывала введение к договору: «Измененное введение этим признает принцип, что, если в будущем государство нарушит договор и прибегнет к войне, другие подписавшие договор государства этим самым освобождаются от обязательств, вытекающих из договора по отношению к этому государству. Оно также предусматривает участие всех подписавших локарнские договоры государств и этим об'ясняет, что открытие военных действий, нарушающих локарнские договоры нарушает также и этот договор, и не только остальные партнеры локарнских договоров, но также и другие страны, подписавшие антивоенный пакт, освобождаются от обязательств по отношению к этому государству».

Но оставим на время все оговорки и интерпретации, поскольку они не вошли в текст договора и не запротоколированы в специальных приложеннях, имеющих равную с договором силу.

Присмотримся ближе к нему самому и установим, что нового внесет он в международные отношения.

Из текста договора вытекает, что участники его: 1) осуждают войну, как орудие национальной политики; 2) обязываются разрешать все возникшие между ними конфликты исключительно мирным путем. Далее предусматривается, что все государства, подписавшие договор, освобождаются от всяких обязательств, вытекающих из него, по отношению к тому государству, которое прибегнет к войне для достижения своих политических интересов.

Это означает, что договор запрещает не войну вообще, а войну, как орудие национальной политики.

Но есть и допустимы войны для «самообороны», войны, вытекающие из ранее заключенных договоров, войны с целью защиты известных интересов и т. д. Как относится пакт Келлога к таким войнам?

Приведенные нами выше французские и английские оговорки и интерпретация самого Келлога дают довольно ясный ответ на поставленный вопрос.

Если мы соберем воедино французские и английские оговорки и сопоставим их с пактом Келлога, то придем к следующему результату. Наступательная война поставлена вне закона. Но разрешается вести войны: 1) по поручению Лиги Наций, 2) для защиты локарнских договоров, 3) для выполнения обязательств, взятых на себя Францией, когда она гарантировала территориальную неприкосновенность своим союзникам, 4) для защиты английских интересов в «известных» областях, 5) для защиты доктрины Монроэ. Если до сих пор была известна только одна американская доктрина Монроэ, то пакт Келлога обогатил нас еще целыми двумя: французской и английской.

Что именно так, а не иначе принимают пакт Келлога Франция и Англия, об этом говорят не только комментарии печати этих стран. Об этом заявили в официальных документах от имени своих правительств Бриан и Чемберлен. Давая окончательное согласие на подписание «антивоенного договора», Бриан 5 июля писал Келлогу: «Ничто в новом договоре не наносит где-либо вред праву самообороны. Каждый народ получает в этом отношении право защищать свою страну против нападения или нашествия. Он сам решает, требуют ли обстоятельства открыть военные действия для собственной защиты.

Во-вторых, ни одно постановление нового договора не находится в противоречии с уставом Лиги Наций, как и с постановлениями локарнских договоров или договоров о нейтралитете.

С другой стороны, нарушение постановления нового договора одной из договаривающихся сторон автоматически освобождает остальные договаривающиеся стороны от их обязательств по отношению к нарушителю договора».

Через три дня Чемберлен писал тому же Келлогу по поводу «известных» областей, что «правительство его величества принимает новый договор при предположении, что он не стеснит его свободу действий в этом отношении».

IV.

К пакту Келлога следует подойти еще и с другой точки зрения. А именно: какое влияние он окажет на консолидацию мира и безопасности и на разоружение. Иностранная буржуазная печать этим вопросам уделяет уже в течение месяцев особое внимание. Одни голоса утверждают, что он сулит европейцам мир и благоденствие и несет с собой всю экономическую мощь Америки, так как пакт Келлога означает «возврат Америки в Евро-

пу». Некоторые даже договариваются до того, что ждут от Америки полицейских услуг по отношению к побежденным нациям. А другие, как-раз наоборот, возлагают на Америку надежды, что она разобьет сковывающие эти нации цепи.

Самой яркой представительницей первого течения является известная часть французской печати, а лучше всего выразил надежды и чаяния французских империалистов бывший французский министр и нынешний член французской делегации в Женеве, пацифист типа а'ля Поль Бонкур Жорж Бонне: «В настоящем его виде (после изменения введения и интерпретации самого Келлога) пакт Келлога не является больше договором, предназначенным для замены Лиги Наций; как-раз наоборот, он образует в известной степени добавление к ней и придает ей, надеюсь, новую силу и новую жизнь. Если американские государственные деятели действительно хотят, чтобы пакт Келлога обладал действенностью, то они должны привить всем народам вполне определенное убеждение, что С.-А. Соединенные Штаты приведут все в действие против того государства, которое, будучи связанным с другими государствами посредством пакта Келлога, постаралось бы освободиться от налагаемых им на него обязательств» [1]).

«Само собой понятно,—продолжает французский «пацифист»,—что все арбитражные договоры, подписанные народами, входящими в Лигу Наций, все территориальные договоры, как, например, столь важный договор, как Локарнский, остаются ненарушимыми. Если предусмотренные договорами гарантии окажутся недостаточными, тогда начинает действовать пакт Келлога во всем своем высоком моральном значении. Ибо пакт Келлога обладает прежде всего высоким моральным значением». Увы, санкций нет, в посему приходится утешиться одним моральным значением.

Если господин Бонне, на которого его официальное положение налагает известные обязательства скромности и сдержанности, так определяет значение пакта Келлога для укрепления французской континентальной гегемонии, и при том еще в официозном венгерском органе, то журналисты по профессии уже поистине «стыда не имут».

И часть американского общественного мнения определенно опасается, что «антивоенный пакт» может вовлечь Соединенные Штаты в европейские авантюры. Именно поэтому некоторые органы печати начали кампанию против пакта Келлога и предсказывают ему такую же судьбу в сенате, какая постигла Версальский договор и статут Лиги Наций в 1920 г.

Известный знаток международного права профессор Иельского университета Эдвин Борхард подверг резкой критике пакт Келлога и пришел к заключению, что он «является чрезвычайно опасным для Соединенных Штатов и может их вовлечь в европейские войны, не позволяя им в то же время участвовать в дискуссиях между европейскими странами, предшествующих об'явлению войны».

Влиятельные круги в Германии в противоположность французским ожидают от пакта Келлога всяких благ для своей страны. Расчеты этих кругов покоятся на следующем. Остается бесспорным фактом, что, хотя Локарно и Лига Наций не оправдали всех ожиданий Германии, тем не менее она в свое время посредством Локарно использовала англо-французские противоречия для укрепления своего международного положения. Поэтому, думают они, Германия сумеет теперь посредством пакта Келлога использовать англо-американские противоречия в свою пользу. Самым ярким выразителем этого мнения является Бредт [2]). Определив пакт Келлога как более всеоб'емлющую организацию, чем Лига Наций, так как он вмещает в себя многие другие страны и Соединенные Штаты, он думает, что из пакта Келлога со временем образуется особая международная организация, которая ничего общего с Лигой Наций иметь не будет. А в этой организации руководящая роль будет принадлежать С.-А. Соединенным Штатам». «Для нас, немцев,—пишет он,—такое передвижение центра тяжести может быть только приятным. У нас нет больше с Соединенными Штатами никаких политических противоречий, и мы можем только приветствовать, если к вооруженным до зубов партнерам в Лиге Наций присоединится более могущественный, с которым они должны будут считаться и который сумеет их обуздать, когда они еще раз захотят бросить на весы всю тяжесть их военного могущества. Лига Наций до сих пор чрезвычайно хорошей роли не сыграла, и доверие к ее деятельности еще не сделалось общим достоянием всех народов. Очень возможно, что концерн, подписавший пакт Келлога, приобретет гораздо большее значение, если Соединенные Штаты сумеют взять в свои руки надлежащее руководство».

[1]) Der Kellogg—Pakt, «Pester Lloyd». 19/VIII 1928.
[2]) Der Kellogg—Pakt, Preussische Jahrbücher, август, 1928 г.

Мы, однако, думаем, что все вышеприведенные взгляды не отвечают действительности и они интересны постольку, поскольку они отражают мнения известных кругов разных стран, находящихся в различных положениях и посему возлагающих на пакт Келлога те надежды, которые они хотели бы видеть воплощенными в жизнь. Но вместе с тем, это показывает, что пакт Келлога дает широкое поле для всяких толкований и политических спекуляций.

Конечно, в буржуазной печати можно найти и довольно трезвые оценки пакта, и нам кажется, что они больше отвечают действительности.

Так, например, проф. Женевского университета Раппард дал на-днях следующее истолкование пакту Келлога. «Этот проект, когда подвергают его текст юридическому анализу, с учетом всех оговорок и интерпретаций, которым он дал место, сам по себе почти совершенно ничего не означает. Он оставляет без какой-либо санкции нарушения запрета, которым он предписывает и запрещает только военные операции, агрессивный и национальный характер которых был бы признан теми самыми, которые их начнут. Таким образом, он не запрещает никакой будущей войны, как он и не смог бы запретить мировую войну, все участники которой утверждали касательно себя, что ее природа и происхождение строго оборонительные».

Но не только швейцарский пацифист, даже публицист французского «Тан» на гастролях в немецком пацифистском органе недавно дал очень трезвую оценку договору. Граф Владимир де-Ормессон на-днях, разбирая пакт Келлога, дал ему, по нашему мнению, очень трезвую и, во многих отношениях, правильную оценку. «Мне кажется необходимым,—пишет он,—различать между тем, что приносит пакт Келлога, и тем, чего он не приносит.

Пакт Келлога не приносит с собой присоединения Северо-Американских Соединенных Штатов к политике Женевы или политике Локарно. Другими словами, пакт Келлога не вводит политически С.-А. С. Ш. в европейскую систему. В этом отношении не следует делать никаких иллюзий. С.-А. С. Ш. остаются верными своим традициям независимости. Доктрина Монроэ вовсе ни в чем не нарушена. Впрочем, пакт Келлога ни в чем не изменяет и ни в чем не обогащает гарантий, которые женевский статут или локарнские протоколы уже представили нациям, которые их подписали. Он не покоится на материальных данных.

Мы концентрировали внимание читателя только на самых характерных оценках пакта Келлога, в которых отражаются мнения различных общественных и политических кругов в разных странах. Интересно, что каждая из вышеприведенных оценок, кончается подчеркиванием, что сила

пакта не в юридических санкциях, а в той моральной атмосфере, которую он создает.

Какое же содержание вкладывает в творение Келлога сама Америка? Если мы подойдем к данному вопросу с этой стороны, то окажется, что ошибаются буквально все, кроме, может быть, Раппарда и де-Ормессона. И больше всего, пожалуй, окажется прав польский министр иностранных дел Залесский, который проливал такие горькие слезы о том, что пакт Келлога, увы, не содержит никаких санкций и гарантий для... польских великодержавных вожделений. Залесский этого, конечно, не досказал. Говорил же он, как и следует польскому министру, о гарантиях мира.

Как мы уже выше сказали, для Америки пакт Келлога имеет прежде всего значение внутриполитическое. Что же касается возможного внешнеполитического эффекта, то американцы ему придают исключительно моральное значение. Американский промышленный и банковский капитал считает, что он достаточно могуществен для того, чтобы воспрепятствовать войне, если он этого захочет. И поэтому, для него важно было подвести главные европейские страны под одну крышу, связав их моральными санкциями, нарушить которых они не захотят, зная заранее, что они этим вызовут недовольство Северо-Американских Соединенных Штатов. Но само собой понятно, что роль жандарма Америка в Европе играть не собирается. Об этом говорят не только некоторые влиятельные американские органы печати, об этом вполне определенно заявил Келлог, когда в американском общественном мнении начала проявляться тревога в том смысле, что Америка возьмет на себя обязательства по отношению к запутанным европейским делам. 15 марта Келлог произнес речь перед избранными государственными и общественными деятелями, в которой он, между прочим, сказал по интересующему нас вопросу следующее:

«Так как цель Соединенных Штатов состоит во всяком случае в том, чтобы исключить войну как фактор, поскольку это только возможно, из международных отношений, то я могу с достаточной решительностью заверить, что Соединенные Штаты, как партнер, не присоединятся ни к какому соглашению, которое прямо или косвенно, точно или молчаливо, представляло бы военный союз. Совершенно исключено, чтобы Соединенные Штаты заранее обязались сделать употребление из своих вооруженных сил против другой нации в мире».

V.

Оставим профессорам, буржуазным пацифистам и их подголоскам социал-патриотам судить о том, что собой представляет парижский договор: конструкцию мира или только мирную атмосферу.

У нас есть очень верное средство для точного определения ценности того или иного пацифистского чудодействия, это—установление связи между ним и проблемой мира и разоружения. В какой же зависимости находятся эти важнейшие вопросы нашей эпохи с парижским пактом? Как мы видим, разоружением и не пахнет в договоре, «ставящем войну вне закона». Пакт Келлога никого не обязывает к разоружению, а между тем как мы выше видели, даже Лига Наций—и та в прошлом году в своей резолюции, об'явившей агрессивную войну запрещенной, связала этот вопрос, конечно, только на словах, с проблемой разоружения.

Пакт Келлога мог бы только тогда претендовать на сколько-нибудь серьезное значение, если бы он, об'явив войну международной уголовщиной, в то же время отнял у своих участников материальную возможность совершать это уголовное преступление. Не будем, однако, строги к тому, что в «антивоенном договоре» не содержится обязательств разоружения. Присмотримся к фактам, и они нам помогут установить, действительно ли он создает то взаимное доверие между государствами, которое необходимо для укрепления мира и о котором столь упорно твердили его инициаторы? В сущности, в этом весь вопрос.

Остановимся только на выдающихся фактах.

Перед самым подписанием парижского договора Англия и Франция заключили военноморское соглашение, «цель которого,—по сообщению «Матэн»,—предоставить, с одной стороны, британскому адмиралтейству свободу применять свои доктрины и, с другой стороны, предоставить французской армии свободу регулировать свои вооружения, как ей вздумается. Французские эскадры могут теперь так развиваться, что они будут в состоянии обеспечить связь с Сев. Африкой против любой державы, кроме Великобритании. Для Англии же уменьшаются опасности, которые могут доставить постройки крупных крейсеров и крупных подводных лодок противника. Соглашение одновременно гарантирует охрану морских путей ее обширной империи посредством мелких крейсеров». Из других источников мы знаем, что англо-французское морское соглашение касается: 1) боевых судов выше 10.000 тонн; 2) авионосцев выше 10.000 тонн; 3) крейсеров ие выше 10.000 тонн и 4) подводных лодок выше 600 тонн. Как раз тех категорий судов, в которых Соединенные Штаты, в виду отсутствия у них вне материка морских баз, больше всего заинтересованы. Другими словами, Франция получает полную свободу и английскую поддержку в осуществлении континентальной гегемонии, а Великобритания—свободу действий и поддержку Франции для осуществления морской гегемонии. Что англо-французский компромисс направлен против Америки и Италии, а косвенным образом и против Германии и СССР,—этого не только никто не отрицает, но укрепление франко-английской дружбы уже определенным образом отразилось на англо-американских, англо-итальянских и англо-германских отношениях. Англо-французские маневры в Рейнской оккупированной области, совместное англо-французское выступление в Софии, английская демонстрация в албанской столице, все это факты, говорящие о восстановлении англо-французской антанты, с одной стороны, и об охлаждении Англии к Германии и Италии, с другой.

Отказ Келлога поехать в Лондон, якобы из-за отсутствия времени, в то время, когда он пять дней провел у ирландского премьера в Дублине; предложение Америки Египту подписать арбитражный договор и пакт Келлога, хотя Англия сделала оговорки относительно Египта; предложение присоединиться к договору СССР и Китаю вопреки специальной оговорке Англии,—все это говорит в достаточной степени не только о крайнем напряжении и обострении англо-американских отношений, но и о том, что Америка не придает никакого значения всем формулированным оговоркам. И нам теперь становится понятным, почему он противился их воспроизведению в статьях текста[1]). Тогда было бы их труднее игнорировать. Однако, нас в данном случае интересуют не последствия англо-французского компромисса, а только отражение этой сделки с пактом Келлога на проблеме мира и разоружения.

Если бы империалисты действительно думали об укреплении мира, а не о том, как бы пацифистским жестом обмануть общественное мнение

[1]) В уже цитированной выше речи Келлог заявил, что введение не является обязывающей частью текста.

своих стран, то им нечего было бы возобновлять военные союзы. Чего ждут от пакта Келлога и как его расценивают главные его участники?

На заданные вопросы во время дебатов в палате общин, чего можно ждать от нового договора, Чемберлен ответил, что не следует на него возлагать больших надежд. «Чем больше ожидания, — сказал меланхолически Чемберлен,—тем сильнее может быть разочарование. Договор может означать очень много, но и очень мало; то, что из него сделать можно, зависит исключительно от Северо-Американских Соединенных Штатов и их общественного мнения». Лорд Кэшендэн даже предостерег в Женеве от преувеличенных надежд в смысле ускорения разоружения через посредство парижского пакта.

Что Америка намерена сделать из пакта Келлога, она ответила устами своего настоящего и будущего президентов. 11 августа Герберт Гувер, кандидат в американские президенты, выступил в Калифорнии с предвыборной речью, в которой он наметил для С.-А. Соединенных Штатов будущую политику «разоружения», которая вытекает из факта существования многостороннего «договора о запрещении войны» и англо-французского сухопутно-морского соглашения. «Америка не хочет,—сказал Гувер,—погрузиться в европейские проблемы и поэтому отклоняет вступление в Лигу Наций. Несмотря на это, она охотно принимает участие в международных вопросах и ревностно была озабочена сокращением вооружений. Однако, лучшая гарантия мира состоит пока в соответствующем приготовлении к оборонительной войне, поэтому военный и торговый флот Америки должны находиться на такой степени могущества и боеспособности, чтобы во всякое время можно было поручиться за национальную безопасность». Передавая речь Гувера, из которой мы взяли эту цитату, корреспондент «Берлинер Тагеблатт» пишет, «что в Америке уже теперь считаются с необходимостью усиления американской судостроительной программы». И это после всех тех морских программ, которые уже утверждены и выполняются.

15 августа Кулидж произнес большую речь на собрании легионеров, в которой он обратился ко всем правительствам с повторным раз'яснением, «что в вопросах национальной обороны Америка не позволит себя оттеснить на задний план».

Из этого следует, что: 1) Америка ни на одну секунду не намерена примириться с англо-французским компромиссом и что 2) англо-американское морское соперничество вступило в еще более острую и опасную фазу.

Через 10 дней, 26 августа, французский военный министр Пенлеве выступил в Треву с обширной речью на тему: «Мир и организация французской обороны». В ней он, между прочим, говорит: «Я убежден, что еще не настало время для полного отказа от вооружений. Всякое преувеличение доверия и благородства кажется мне неуместным и опасным. Поэтому я считал необходимым дать Франции такое вооружение, которое ее защитит от нападения».

Фашистская «Лаворо д'Италия» подписание пакта Келлога отметила следующими примечательными словами: «Сегодняшний день не может быть нашим праздником, и если есть утешение для наших забот, так это то, что этот лицемерный праздник мира окутан черными тучами. Франция, Англия и Америка могут с отвращением говорить о войне, так как они владеют всем. Нам же нехватает воздуха, а горизонт для нас заперт».

31 августа брат и правая рука дуче, Арнольдо Муссолини, выступил перед призванными для отбывания учебного сбора офицерами фашистской милиции со специальной речью против лозунга: «прочь войну». В этой речи он, между прочим, заявил: «Если мы хотим быть честными, то мы должны сказать, что в этом пакте Келлога скрывается прозрачная неискренность,

для Италии поэтому, как и до сих пор, лучшая защита состоит в крепкой вооруженной силе, которая должна быть и технически и духовно воспитана, так как час судьбы может настать очень быстро».

В результате анализа «келлогиады», мы приходим к заключению, что и на сей раз, как и раньше, после нового «открытия» гарантий безопасности вооружения увеличиваются, а действительная гарантия мира неизмеримо уменьшается. Это не только наше мнение, оно уже сделалось достоянием даже широкой буржуазно-пацифистской общественности. Накануне сентябрьского пленума Лиги Наций французское отделение международной женской лиги мира и свободы обратилось с письмом к Пуанкаре и Бриану, в котором, между прочим, говорилось: «Французское отделение Лиги убеждено, что соревнование в вооружениях приведет одновременно к разорению всех государств и что, если не будут приняты серьезные меры к немедленному ограничению вооружений, то ничто не сможет помешать новому военному конфликту. Все те, которые честно хотят мира, не могут верить в искренность государств, которые присоединились к пакту Келлога, если их делегаты на ближайшем конгрессе Лиги Наций не выскажутся ясно и четко за созыв в самом ближайшем времени конференции по разоружению. Французское отделение Лиги требует поэтому от французского правительства, чтобы оно дало соответствующие инструкции своим делегатам».

Этот документ интересен как образчик того, что широкие слои мелкой буржуазии и интеллигенции начинают понимать, что все разговоры «о запрещении войны» ничего не стоят, пока не будет приступлено к разоружению.

Такая же точка зрения постепенно пробивает себе дорогу и в Германии. Упоминавшийся нами выше германский писатель Бредт приходит к точно таким же выводам: «Если действительно хотят войну отменить без затей, то для этого есть только одно единственное средство—разоружение!».

Однако, от разоружения-то и открещиваются империалисты всех стран. А вся эта дутая история с торжественным об'явлением войны «вне закона» нужна была руководителям республиканской партии для уловления голосов на президентских выборах, а всем империалистам вместе—для обмана масс и прикрытия своих действительных намерений и подготовки к новой войне. И совершенно прав известный писатель и пацифист Ромен Роллан, который заклеймил империализм, прячущийся под новую ширму, следующими примечательными словами: «Какая насмешка! Эти благородные господа хлопочут об алиби [1]). В то время как каждый вооружается для войны, они хотят сказать, когда война вспыхнет: «Это не я! Это он! Смотрите! Я войну осудил!»...

Известно, что и другой знаменитый француз Шарль Жид, на вопрос, каких последствий следует ожидать от действия пакта Келлога, ответил, что об'явление войны «вне закона» не имеет большого значения, раз две державы могут по праву бомбардировать Александрию или Никарагуа, когда они этого захотят.

VI.

Английский министр внутренних дел и налетчик на «Аркос» в Лондоне, Джойнсон Хикс, недавно в припадке откровенности заявил: «Антивоенный договор без разоружения—не что иное, как пустое мошенничество».

Наша печать своевременно разоблачила истинный характер нового пацифистского обмана и в течение месяцев доказывала советскому общественному мнению, что без разоружения не может быть и мира. Печать наших

[1]) Оправдывание отсутствием на месте во время преступления.

братских коммунистических партий за границей не мало потрудилась над тем, чтобы рабочие массы за границей уразумели эту истину.

Советская и коммунистическая печать за границей добились своей цели. Широкая волна рабочих протестов и демонстраций против пакта Келлога достаточное доказательство того, что рабочий класс разглядел обман. На этот счет не может быть и нет двух мнений. Мы выше приводили нарочно оценки пакта Келлога, принадлежащие исключительно буржуазным политикам и ученым. А эти оценки свидетельствуют о том, что парижский договор абсолютно никого не удовлетворил.

И тут сразу возникают два вопроса. Почему же рабочий класс всего мира с таким единодушием оказывал давление на свои правительства, чтобы СССР был без промедления приглашен к присоединению к пакту Келлога, и почему советское правительство с такой быстротой присоединилось к международному акту, выяснению истинного значения которого были посвящены предыдущие страницы?

Инициаторы парижского договора не пригласили Советский Союз к переговорам об «антивоенном договоре», а Англия своей оговоркой добивалась даже закрыть ему доступ к уже готовому договору, хотя всему миру известно, что никакое начинание в области укрепления мира невозможно без участия СССР и что единственное в мире советское правительство с первого дня своего существования работает над тем, чтобы войны стали невозможными.

Для осуществления этой цели оно предлагало на всемирной конференции в Лозанне, на конференции с лимитрофами, на подготовительной комиссии к конференции по разоружению всем буржуазным государствам приступить к немедленному и полному разоружению. Известна судьба всех этих предложений советского правительства. Советский проект о частичном разоружении даже не удосужились рассмотреть на 5-й сессии подготовительной комиссии. Если бы советское правительство было приглашено к выработке проекта договора о запрещении войны, оно бы первым долгом потребовало связать этот вопрос с разоружением. Оно бы далее потребовало расширения круга войн, об'являемых запрещенными. Как раз этого-то и не хотели империалисты, так как «антивоенный пакт», не налагающий ни на кого никаких обязательств и никакой войны не запрещающий, им нужен исключительно для того, чтобы успокоить общественное мнение собственных стран. В этом и кроется причина того, что СССР обошли. Как это ни странно, но наши враги намеревались даже использовать против нас то, что нашей подписи не будет под документом «о запрещении войны». Смотрите, мол, советы сторонятся дела, укрепляющего мир. А пакт Келлога без СССР должен логически сделаться орудием против СССР. То, что пакт Келлога должен был быть направлен против рабоче-крестьянского государства,—это в достаточной степени раз'яснило всему миру интервью т. Чичерина. Когда мировой пролетариат уразумел эту простую, но неизбежную истину, то он заволновался, и правительствам империалистических стран пришлось пригласить и наше правительство присоединиться к пакту Келлога.

Решением советского правительства, таким образом, руководило желание хотя бы до известной степени помешать тому, чтобы пакт Келлога был впоследствии обращен против СССР. Подписывая договор, оно выбило из рук наших врагов уже заготовленные отравленные стрелы против нашего государства и создало возможность удлинения передышки для строительства социализма в нашей стране. Ни в коем случае невозможно строить себе, однако, иллюзий в этом вопросе, думать, что мы значительно ослабили опасность империалистического нападения на СССР.

Само собой понятно, что не только одним этим желанием, несмотря на всю его для нас важность, об'ясняется решение правительства СССР. Есть и другая причина, которая побудила наше правительство присоединиться к пакту — желание разоблачить лицемерие буржуазных правительств. Нота тов. Литвинова об этом говорит открыто и громогласно на весь мир. Советское правительство присоединяется к договору потому,—говорится в ноте,—что он «об'ективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос,—вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны». Что означает это заявление советского правительства, это знают по собственному опыту все саботажники разоружения. По поводу приезда советской делегации в Женеву Поль Бонкур заметил, что теперь она «не даст нам почить на лаврах». И он не ошибся. Но не только в Женеве, но даже, будучи в Москве, она не дает «почить на лаврах» миротворцам из Лиги Наций, об этом свидетельствует недавнее письмо председателя советской делегации т. Литвинова к председателю подготовительной комиссии к конференции по ограничению вооружений при Лиге Наций г. Лаудану.

И как раз в данный момент все трудящиеся и искренно добивающиеся разоружения заинтересованы больше чем когда-либо в том, чтобы «не дать почить на лаврах» всем тем, которые тормозят дело разоружения, ибо, как раз уже после подписания пакта Келлога известный журналист Пертинакс телеграфировал из Женевы в «Эхо де Пари», что между Францией и Малой Антантой достигнуто соглашение, согласно которому они будут совместно требовать отсрочки созыва конференции по разоружению до 1930 г.

Присоединение СССР к пакту Келлога, это—гарантия для всех жаждущих мира и спокойного труда, что он будет максимально использован для того, чтобы «не дать почить на лаврах» милитаристам.

Совершенно особого внимания заслуживают советские оговорки к акту присоединения к пакту. И на главных из них следует остановиться. Во-первых, советское правительство не признало французских и английских оговорок, в результате признания которых, как говорится в советской ноте, «не осталось бы, может быть, такого места на земном шаре, в отношении которого пакт мог бы иметь применение». Оно далее расширило тот круг войн, которые, по его мнению, должны быть безусловно запрещены, а именно: 1) войны с целью подавления освободительных движений; 2) военная оккупация чужой территории и чужих портов, и 3) все виды интервенций и блокада.

Безусловно, должно быть также воспрещено государствам рвать дипломатические отношения, так как это мешает урегулированию мирным путем возникающих споров, что в конце-концов ведет к войне.

Все советские оговорки в отличие от оговорок буржуазных правительств имеют *расширительный* характер. Если те *ограничивают* случаи, к которым следует применить содержащиеся в пакте Келлога правила для разрешения споров мирным путем, то *советские оговорки расширяют рамки самого пакта и бесконечно увеличивают категорию войн, которые должны быть об'явлены международной уголовщиной*.

Известный германский международник и пацифист А. Мендельсон Бартольди накануне присоединения СССР к пакту Келлога уподобил английские оговорки темному пятну на белоснежной скатерти. Белоснежная скатерть—пакт Келлога, а пятно имеет чисто английские особенности.

Пацифист и западник Бартольди думает, что Англии должно быть очень неприятно, что ее каждый будет упрекать в том, что она испортила прекрасную вещь. «Однако, трудно дело исправить»,—продолжает он. Правда, он знает одно верное средство, но он боится, что за него его обла-

датель потребует «свободы действий в Азии». Какое же это средство? Это советская соль. Если бы ею посыпать чериое место иа скатерти, то оно выцветет и станет бледным, отчего и меньше будет выдаваться на белом фоне. Бартольди совершеино прав насчет свойств советской соли выводить английские пятна. Но он ошибся в другом. Советское правительство, верное своему прииципу, народами ие торгует и за услуги делу мира «свободы действий» в Азии или в другом месте не требует.

Мы вовсе не питаем никаких иллюзий насчет тех «благ», которые пакт Келлога принесет измученным от кошмара войн рабочим и крестьянам. Советское правительство ие принимало участия в его выработке и ие имело никакого влияния на его составителей, и ие его вииа, что ои не является ииструмеитом мира. Трудная задача советского правительства и мирового пролетариата состоит в том, чтобы даже этот акт лицемерия и обмана использовать в интересах борьбы против войны и в интересах разоблачения буржуазиых правительств.

Эта задача может быть выполнена только при всемериой и активной поддержке советской инициативы мировым пролетариатом и всеми общественными кругами, которые заинтересованы в разоружеиии и уничтожеиии войны. Эта цель может быть достигнута только в результате свержения империализма и победы рабочего класса...

Я. Никулихин.

О крупном и мелком хозяйстве в земледелии.

Перед СССР во весь рост встала теперь проблема укрупнения сельского хозяйства путем расширения сети колхозов и совхозов. С нею увязывается вопрос об усилении темпа развития сельского хозяйства и повышении его товарности. С нею же связаи и вопрос о скорейшем под'еме производительности труда в сельском хозяйстве, как основном условии к изживанию противоречий между городом и деревней. Но в этом деле партии приходится сталкиваться с большими затруднениями. Среди них не малую роль играет агитация кулачества среди бедноты и середняков о невыгодности колхозов, идеологически подкрепляемая рядом буржуазиых и мелкобуржуазных экономистов, утверждающих, что в сельском хозяйстве в отличие от промышленности нет сколько-нибудь значительных преимуществ у крупиых хозяйств по сравиеиию с мелкими. В самом мелком хозяйстве они находят ряд таких преимуществ, которые умеряют, а у некоторых экономистов даже перекрывают преимущества крупного хозяйства. Признавая часть преимуществ за крупиыми хозяйствами в земледелии, они стараются умалить их, свести к незначительным размерам. А. В. Чаянов в недавно вышедшей книге писал:

> «Природа земледельческого производства не только умеряет преимущества крупной формы хозяйства, но даже ставит естественные и весьма узкие пределы его укрупнения, делая его дальнейший рост невыгодиым» [1].
>
> «В земледелии количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над хозяйством мелким не очень значительно» [2].

И А. Чаянов действительно соответствеино своей установке иамечал такие оптимальные (предельиые) размеры с.-х предприятий, которые не могут служить идеальным типом для строящихся совхозов и колхозов.

Экономическое оправдание мелкого хозяйства в земледелии, приглаживание его отрицательных сторон со стороны буржуазных и мелкобуржуазных экономистов происходит по ряду причин. Когда дело идет о капиталистическом обществе, то это вызывается у буржуазных экономистов следующими причинами: 1) капиталистическому земледелию необходимы дешевые рабочие руки, которые оно иаходит в лице мелких собственников, так как карликовые и малодоходные хозяйства не прокармливают их семей; 2) стремлеиие иайти в лице многочисленного класса мелких земельных собственников оплот для защиты буржуазной собственности вообще. Или, по выражению Аеробое, преимущество мелкого хозяйства лежит в производстве

[1]) «Оптимальные размеры с.-х. предприятий». Изд. 1928 г., стр. 9.
[2]) Там же, стр. 7.

«духовно здоровых людей». У мелкобуржуазных экономистов это вытекало прежде из реакционной критики капитализма, а теперь у нас из мелкобуржуазных иллюзий, традиционных предрассудков, идеализации кулацкого хозяйства, недоверия к крупному коллективному хозяйству.

В качестве одной из мер к усилению процессов коллективизации с. х. необходимо преодоление враждебных нам взглядов на эффективность крупного и мелкого хозяйства в земледелии. Необходимо на каждом шагу бедняку и середняку раскрывать выгоды крупного коллективного хозяйства, обосновывая это экономически. В данной статье мы делаем попытку вскрыть основные экономические преимущества крупного хозяйства в земледелии, подвергнув критике позицию наших противников по данному вопросу. Из буржуазных экономистов об'ектом критики мы выбираем преимущественно наиболее видного, современного немецкого писателя по аграрным вопросам Аеробое [1]), который по существу сконцентрировал основные доводы в защиту мелкого хозяйства. Других мы будем касаться только вскользь и несколько больше остановимся на А. Чаянове.

Сначала мы рассмотрим основные преимущества крупного хозяйства в земледелии, чтобы за тем остановиться на тех якобы преимуществах мелкого хозяйства, на которые напирают буржуазные экономисты. В заключение подвергнем критике установленные А. Чаяновым оптимальные размеры с.-х. предприятий.

Мы будем останавливаться только на главных преимуществах крупного хозяйства в земледелии.

1. *Далеко идущее разделение труда в крупных хозяйствах по сравнению с мелкими и средними предприятиями в сельском хозяйстве.* О том, какое значение для под'ема производительности труда имеет максимально-разветвленное разделение труда, говорить не приходится. Это ярко видно на примере промышленности. Сельское хозяйство в этом отношении не представляет исключения. Центр вопроса лежит здесь в другом: в какой мере возможно разделение труда в крупном и мелком хозяйствах. Господствующей формой труда в хозяйствах мелких собственников «является не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства,—его как материальных, так и интеллектуальных условий, а потому и условий рациональной культуры» [2]). В крупном с.-х. предприятии, стоящем на уровне современной техники, труд уже является в полной мере трудом общественным (хотя разделение труда здесь еще не достигло его уровня в индустрии) Разделение труда в нем проходит как по линии внутри производственного процесса каждой отрасли сельского хозяйства (например, агрономы, мотористы, подсобные рабочие в полеводстве), так и по линии разделения труда между отдельными отраслями сельского хозяйства (специальные техники, мастера и рабочие по техническим культурам, свиноводству, птицеводству, молочному скоту, садоводству, огородничеству, в предприятиях по переработке и т. д.). Это разделение труда дополняется наличием специального научно-подготовленного опытного организаторского труда, а последний в рациональной постановке хозяйства играет огромнейшую роль.

Аеробое вынужден признать выгоды такого разделения труда, но в своей книге пытался умалить и его. Он ссылался при этом на то, что разделение труда ограничено величиной и числом машин, что свои кузнецы и шорники в крупных предприятиях дороже обходятся деревенских (стр. 538—539). Дело, конечно, не в кузнецах и шорниках, хотя они тоже имеют свое значение. Их может быть, дороже иногда содержать, но они оправдывают с лихвой издержки тем, что в любой момент при их наличии можно исправить поломку инвентаря, порчу упряжи без того, чтобы терять время на отвозку в соответствующие отдаленные мастерские, особенно в период горячих полевых работ. Притом несколько крупных предприятий могут сообща содержать кузнечные и ремонтные мастерские, чем удешевить работу. *Но главное заключается в другом, а именно в том, что более широкое разделение труда возможно здесь в основных производственных процессах сельского хозяйства (полеводстве, скотоводстве и т. д.).* С укрупнением предприятия вводимые более крупные и выгодные машины требуют целый штат специально обслуживающих их рабочих. Дальше, как мы указали, разделение труда становится возможным между отдельнными отраслями не только в сфере добычи сырья, но в сфере его переработки на предприятиях с.-х. индустрии, входящих в состав крупных хозяйств. В мелком же хозяйстве разделение труда ничтожно как по числу производственных отраслей, так и по вынужденности для каждого члена семьи разбрасываться на разнообразные с.-х. работы. От этого труд слабо квалифицируется, является малопродуктивным.

2) *Большая возможность применения машин и их более полное использование в крупных хозяйствах.* Об огромном значении машин в сельском хозяйстве теперь уже почти не спорят. Они удешевляют производство, повышают производительность труда, ускоряют выполнение производственных процессов и повышают качество работы [1]). Именно благодаря только большому применению машин в с. х. С.-А. С. Ш. за последние 75 лет средняя норма обработки земли на 1 рабочего, занятого в сельском хозяйстве, поднялась с 12 акров до 34 акров (а в некорых районов до 100 акров). Производством продуктов питания и сырья органического происхождения в С.-А. С. Ш. теперь занято всего одна четверть [2]) населения, остальное—в индустрии, торговле и т. д. Только машины во всех странах позволили перейти от трехполья к многополью.

Но зато спор идет о том, где лучше применимы машины, где могут дать наибольшие выгоды.

Аеробое утверждает, что уменьшение размеров машин, их удешевление, изобретение универсального типа машин умаляет преимущество крупных хозяйств в отношении пользования машинами (546). Пользование электрическим током (особенно на кооперативных началах) позволило, мол, мелким и средним предприятиям технически догнать крупные предприятия (стр. 547). Еще Давид на этот счет значительно раньше писал: «Все сельскохозяйственные машины, не исключая и парового плуга... в равной степени доступны как крупному, так и мелкому хозяйству» [3]), при об'единении в товарищества, при организации проката. Другие уверяли, что для преимуществ крупного хозяйства, мол, мало оснований, ибо «область применения механической работы в сельском хозяйстве ограничена, так как здесь узки рамки, допускающие вообще замену ручной работы машиной» [4]).

---

[1]) A e r o b o e. «Allgemeine Landwirtschaftliche Betriebslehre». Sechste Auflage. Berlin. 1923.

[2]) Маркс—«Капитал», т. III, ч. 2, стр. 350.

[1]) Все машины по обработке почвы повышают качество работы (многолемешные плуги, особенно с тракторной и электрической тягой, дают ровную и глубокую вспашку). Но и часть уборочных машин дает возможность полнее собрать урожай. Так, например, электрическая молотьба повышает выход зерна из соломы на 5% (по данным Берлейза Метьюза). Производство с применением машин обходится много дешевле: к примеру, если десятина ручной косьбы стоит 3 рубля, то самой простой сенокосилкой—1 р. 80 к. (А. Мануилов).

[2]) По данным журнала «Американская торговля и промышленность», IV—28 г., лиц, занятых в с. х. С.-А. С. Ш. оставалось только 23%.

[3]) Цитируем по Суханову—«К вопросу об эволюции с. х.», стр. 58—59.

[4]) А. Мануилов—«К теории с.-х. эволюции», стр 20.

Мы считаем эти утверждения сугубо ошибочными. Размеры мелких хозяйств не дают возможности так широко применять машины, как это допускают размеры крупных. Нормальная нагрузка машин требует обрабатываемой площади (гект.):

	По данным Селезнева [1]),	Н. Лопатина,	Бруцкуса [3])
Сеялки	52	65—85	60 [4])
Сенокосилки	94	76,5 [2])	58
Жатки	44	65	76 [5])
Тракторы	100	—	—
Конные грабли	—	—	90

Даже эти данные, по большинству уже теперь мелких машин, говорят о том, что единоличные мелкие хозяйства не могут рентабельно использовать машины (велика норма амортизации). Там, где они приобретаются и мелкими сел.-хоз. предприятиями, в огромной степени оказываются мертвым капиталом.

Кооперативные товарищества, хотя несколько и поправляют дело, но не снимают преимуществ крупного хозяйства. Они ведь преимущественно об'единяются для покупки и владения машинами, но не об'единяют мелких участков в одно крупное хозяйство, не обобществляют самого сельскохозяйственного производства (за исключением предприятий с.-х. индустрии), раздробленность производства остается, приводит к нерациональному использованию машин. Прежде всего частая перевозка машин, особенно механических двигателей с целым комплексом прицепных орудий и машин, с одного участка на другой, частая раскладка и заправка машин, означает большую потерю времени, ведет к далеко не полному использованию машин и при условии применения их мелкими собственниками на обычных кооперативных началах.

Только в условиях переходной экономики, как СССР, высшая форма кооперативного движения в лице колхозов может вести сельское хозяйство по пути действительного укрупнения!

Следует отметить еще одно важное обстоятельство. В мелком хозяйстве применение машин происходит спорадически. Наибольшая же эффективность машин достигается только при введении системы (целого комплекса) машин, что доступно исключительно крупному хозяйству. Сам Аеробое вынужден косвенно признать это в главе, где он говорит о лучшем ведении с. х. вообще. Он пишет: «благоприятное отношение между состоянием инвентаря само по себе гораздо важнее для успеха, чем отношение между инвентарем и почвой» (193). Такое благоприятное соотношение внутри с.-х. машин и орудий менее всего возможно в мелком хозяйстве, даже кооперированном.

Неверно, что изобретение универсального типа машин умаляет преимущество крупных хозяйств перед мелкими. Как раз наоборот. Послевоенный прогресс в технике с.-х. машиностроения, удешевивший и усовершенствовавший трактор, электроплуг, открывающий эпоху в изобретении комбинированных с.-х. машин, выполняющих в один прием несколько производственных операций (например, жнея-молотилка), сушильные и прочие установки, которые для своего рентабельного использования должны быть крупными и иметь большую нагрузку и т. п.—все это идет как раз по линии пред'явления новых требований на укрупнение хозяйства. Все эти новые машины ведут к наиболее полному использованию применяемой механической энергии, лучшему по качеству выполнению работы и ее удешевлению. Результаты достигаются при этом поразительные. Так, например, пшеница, убираемая комбинированной жнеей-молотилкой, «получается более высокого качества, при чем пропадает не больше 1—2% или от ½ до ¼ того, что пропадает при работе с обыкновенными машинами. Комбинированная машина дает экономию в среднем два бушеля на акр, сберегает много времени, требует для управления ею на 3—4 человека меньше, чем обыкновенная машина и т. д. При работе с этой машиной снятие одного бушеля пшеницы обходится в 4 цента, т. е. на 19 центов дешевле, чем при работе по старому методу» [1]). Тракторная пахота лучше и обходится дешевле, чем пахота рабочим скотом, но электроплуг перекрывает трактор во всех отношениях. По расчетам англичанина Бараэйза Метьюса стоимость работы на тракторе внутреннего сгорания обходится 8 ш. 6 пенсов в день, а на электрическом 6 шил. (при вспашке 5 акров в день), при чем при пахоте электрическим трактором основной слой почвы не придавливается (меньше вес, ток способствует пропуску влаги в почву, вспашка получается ровная) [2]). Если трактор внутреннего сгорания требует для своего применения минимум обрабатываемой площади от 60 до 100 гектаров (но более полная и рентабельная нагрузка его достигается на площади 150—200 га), то применение электропахоты требует еще больше [3]), а комбинированные жней-молотилки—несколько сот десятин и успешнее применимы в хозяйствах с несколькими тысячами десятин земли. В С. Ш. С. А. все более теперь раздаются голоса, что размер большинства существующих ферм (средний размер 160 акров или около 60 га) не отвечает уровню новой техники.

По мнению одной авторитетной американской комиссии, экономное использование земли в пшеничных районах требует «при современных методах машинного производства фермы, размером более чем 1000 акров». Сельское хозяйство в ближайшее время будет переживать настоящую техническую революцию. И эта революция будет упираться в нерациональность мелкого земледелия. (Недаром под влиянием техники процессы концентрации с. х. усилились в С.-А. С. Ш.). Пользование электрической энергией, которая допускает дробление и передачу из районных и центральных установок даже в мелкие хозяйства, несомненно, может содействовать некоторому под'ему и последних. В ряде стран она уже нашла широкий доступ в с. х. (в Швеции еще к 1926 г. было электрифицировано 40% обрабатываемой площади). Но и здесь крупные хозяйства имеют преимущества. Сам Аеробое вынужден был оговориться, что пользование электроэнергией мелкими хозяйствами имеет место преимущественно при работах на дворе, «чем при применении в полевых орудиях» (547). Крупное хозяйство при машинной «пахоте и молотьбе может значительно экономить в работе» (548). При чем следует учесть огромное значение экономии на концентрированных передачах, на более рациональном использовании энергии для освещения жилых, скотных и хозяйственных построек. Электрический провод требует крупного обобществленного хозяйства, а рациональная эксплоатация электроэнергии требует в конечном счете планового хозяйства.

И, конечно, чудовищно неправы были все те, которые утверждали, что с. х. ставит узкие рамки для применения машин. Прежде считали, что механизация полеводственных процессов доступна главным образом в районах экстенсивного земледелия. Современная механизация и машинизация с. х.

[1]) Статья в «Экон. Обозрен.», кн. 3. 1928 г.
[2]) Чаянов—«Оптимальн. размеры с.-х. предприятий». 1928 г., стр. 24.
[3]) Бруцкус—«Экономия с. х.». 1923 г.
[4]) Простая рядовая сеялка.
[5]) Самосброска.

[1]) А. Г. Боссе—«Плановое Хозяйство» № 4, 1928 г., стр. 178.
[2]) «Электрификация», № 4. 1927 г.
[3]) Метьюс говорил: «Приобретение электротрактора выгодно лишь для кооперативных об'единений фермеров..., но в Англии фермеры пока настроены против этого. Однако, выгоды перехода на электрическую энергию в конце-концов окажутся достаточно убедительными» («Электрификация» № 4. 1927 г.).

С. Ш. С. А. целиком опровергает этот взгляд [1]). Если раньше опологеты мелкого хозяйства в земледелии, как на якорь спасения, указывали на отсутствие машин по обработке льна, при полевых работах над техническими культурами, в садоводстве, огородничестве и т. п., то теперь машина решительно пробила себе доступ и в эти «заповедные» отрасли. Введение за последние годы специальных тракторов для окучивания, трансплантеров для рассаживания растений, машин для уборки плодов, специальных машин для работ над волокнистыми растениями, широкая механизация производственных процессов в крупных животноводческих хозяйствах—открывают теперь эру механизации и в районах интенсивного сельского хозяйства. Машина продолжает свой победный путь. Большим, сдерживающим препятствием на этом пути является крайняя раздробленность земледелия, наличие огромного массива мелких хозяйств.

3. Более рациональное использование свойств почвы и животных доступно только крупным с.-х. предприятиям, что составляет их существенные преимущества. На под'ем производительности труда в земледелии, на его доходность оказывает влияние не только степень разделения труда, степень применения машин, но оказывает влияние вся в целом рациональная постановка хозяйства. Прежде всего, конечно, огромное значение оказывает правильное использование свойств почвы. Известно, что различные почвы обладают неодинаковой пропускной способностью света, тепла и воды, содержат различное количество далеко неоднородных питательных элементов. При чем отдельные культивируемые человеком растения пред'являют совершенно различные требования на влагу и питательные вещества. Но разностороннее использование питательных веществ почвы достигается при правильном сочетании (севообороте) различных культурных растений. Аеробое прав, когда писал: «Не вопрос—рентабелен ли посев тех или других культур или какие отдельные культуры наиболее рентабельны, но вопрос о наиболее целесообразном отношении культур и наиболее целесообразной смене культур, следовательно, вопрос, какой севооборот даст наиболее благоприятные результаты для всего полеводства,—является решающим для сельского хозяйства». И дальше: «Севооборот есть органическое целое в отношении использования почвы», и «отдельные растения есть нечто совершенно несамостоятельное» [2]). Именно при правильном чередовании растений, при благоприятном их сочетании издержки производства обходятся дешевле, урожай бывает выше, борьба с сорняками проходит легче, почва не истощается, а повышается в плодородии, эффективность вводимых в нее минеральных удобрений выше. Восполнение взятых растениями из почвы питательных веществ или пополнение теми из них, которых недостает для определенных растений, может быть тоже совершенно различным, смотря по тому, какой будет применен севооборот.

Но как правильный севооборот, так и умелое пользование удобрениями, благоприятное сочетание всех мероприятий лучше всего достижимо и больше всего принесет дохода именно в крупных хозяйствах. Во-первых, потому, что мелкие размеры хозяйств ставят узкие границы правильному севообороту (потребности семьи и скота вынуждают к культивированию определенных культур, да и все хозяйство не большое, не на чем рассчитывать, «планировать» севооборота). Во-вторых, потому, что для изучения свойств почвы, для умелого пользования удобрениями и т. д. нужен труд подготовленных агрономов и организаторов, что не под силу мелкому хозяину

[1]) Известный экономист-аграрник Е. Норс в своей недавней статье «О проблемах америк. с. х.» заявил, что «прогресс с. х. поставлен теперь на высоту достижений промышленности».

[2]) Аеробое стр. 216—222.

(участковые агрономы не могут сыграть и десятой доли того, что может достигнуть агроном, работающий внутри самого хозяйства).

Значит, на каждую единицу затраченных средств и примененного труда крупные хозяйства при более правильном использовании почвы и удобрений получают большее количество урожая. Но не только преимущество их в количестве, оно есть также и в качестве. Крупное хозяйство выпускает отборные семена, однородное зерно и картофель, сортировочный лен и т. п. А. Мануилов подтверждает, что «разведение селекционного материала, культура новых сортов растений и пород животных возможны только в крупных хозяйствах, хотя и имеющих незначительную земельную площадь» (3). Все это дополнительно влияет в сторону повышения эффективности крупных хозяйств.

Но в с.-хозяйстве дело не ограничивается одним только полеводством. Имеются другие отрасли: животноводство, птицеводство, огородничество и т. д. Рациональная постановка их опять-таки лучше всего достижима в крупных хозяйствах. Возьмем к примеру продуктивное животноводство, имеющее большое значение, как средство использования огромного количества солнечной энергии, заключенного в отходах от хлебов, отбросах от переработки и т. д., которые иначе бы пропадали. Известно, что разные корма, заключающие в себе неодинаковый состав питательных веществ, действуют по разному на животное. От умелого распределения (сочетания) кормов прежде всего зависит степень продуктивности однородных животных. С другой стороны, качественно неоднородный скот обладает различной способностью переработки в продукцию одинакового по об'ему и сочетанию корма. Лучший по качеству скот в таком случае дает на много больше продукции, использование им кормов часто в два и более раз эффективнее, чем плохим по качеству скотом. По Келльнеру корова, дающая 5 литров молока в день, воспринимает в среднем 75% пищи на поддержание своего организма и 25% идет собственно на образование продукции. Корова же, дающая 20 литров в день, наоборот,—40% корма относит на поддержание и 60% на образование продукции [1]).

На ряду с правильным кормлением и лучшим отбором по качеству скота большое влияние на его продуктивность оказывает правильный уход за скотом, хорошее помещение для его стойлового содержания, своевременная помощь ему в период заболеваний. Для всего этого нужны на ряду со средствами опытные специалисты: животноводы, ветеринары и т. п., что недоступно, конечно, мелкому хозяйству (последнему на помощь в этом деле может притти только об'единение в кооперацию). Мелкое хозяйство, как правило, обладает худшим по качеству скотом, худшими и ограниченными в размерах кормовыми ресурсами. Поэтому на единицу скота и кормов получается не только меньшее количество продукции, но и качеством оно значительно хуже.

Аеробое совершенно неправ, когда он говорит, что мелкие хозяйства превосходят крупные в уходе за скотом тем, что избегают частой смены ухаживающих (546). Все «превосходство» мелкого собственника здесь заключается в более частом бесцельном топтании около своих животных. Никакая заботливость не повлияет на продуктивность животных, если нечем заботиться, мало знаешь, как заботиться, и предмет заботы обладает малой эффективностью в поглощении кормов. В отношении же производства и при-

[1]) Специалист Лейтман определил, что количество масла, от одной голландской коровы из 16, имевшихся в поместье, полученное на 1.000 фунтов живого веса в 300 дней было ровно 82 килогр.; от другой же при совершенно одинаковом корме было уже получено 146 килогр. масла, так что последняя при одинаковых условиях дала в год на 64 килогр. масла больше, или, считая по 2 марки за килогр. на 128 марок больше прибыли в год, чем первая корова (цитируем по Хаккерту—«Индустриализация с. х.», русский пер., 1928 г.).

обретения кормов со стороны мелкий собственник поставлен в худшие условия по сравнению с крупным. В деле же руководства образованием прироста продукции в животных мелкому собственнику нехватает ни опыта, ни знаний. Привлечения труда специалистов повышает рентабельность предприятия, но оно возможно только в крупных предприятиях. Прогрессивные капиталисты в роде Форда это хорошо понимают. Форд пишет: «Содержание скота в небольших скотных дворах влечет за собой чрезвычайно большую потерю времени и труда. При содержании скота в общественных помещениях формеры получили бы гораздо больше, чем при содержании маленьких стад на своем участке. Это положение применимо ко всему живому инвентарю фермы». («Сегодня и Завтра», с. 203). И какую бы другую отрасль мы ни взяли, более рациональная ее постановка, достижение большей производительности труда и доходов возможно именно в крупных хозяйствах.

4. Издержки к единице обрабатываемой площади, к сумме продукции на машины, постройки, транспортный инвентарь, рабочий скот и т. п. в мелком с.-х. предприятии неизмеримо выше, чем в крупном.

В мелких хозяйствах происходит огромная растрата средств, потенциальных ресурсов на излишние постройки, транспорт, инвентарь и рабочий скот, поскольку они используются с далеко не полной нагрузкой и в громадном количестве оказываются излишними. Чем больше мелких хозяйств, тем больше требуется построек, скота, повозок, упряжек, орудий, хотя бы они нужны были всего только на незначительную часть года.

Об излишних расходах на этот счет дает представление следующая табличка, которую мы составили из нескольких таблиц, приведенных по данным статистики Прусского Министерства Финансов перед войной.

Ценность построек и инвентаря на гектар земли в отдельных по размерам хозяйствах составляла к самым крупным хозяйствам свыше 1.000 га, принятым за 100:

	300 га	60 га	12 га	3,5 га	2 га
В Кенигсберге . . .	102	102	104	151	207
„ Даициге.	98	101	118	187	220
„ Потсдаме	99	101	116	195	211
„ Позене	103	104	121	191	233
„ Бадене	101	98	115	205	247

Таким образом, чем ниже размеры хозяйства, тем больше ценность построек и инвентаря, несмотря на то, что они неизмеримо хуже механизированы и машинизированы, далеко не так многосторонне снабжены средствами производства. По переписи 1925 года % хозяйств в Германии, применявших с.-х. машины, к общему числу в каждой группе был следующий: до 2-х га—10,9%, 2—5 га—66,3%, 5—20 га—93,0%, 20—100—98,7%, свыше 100 га—98,8%. При чем паровые плуги применяли по группе 5—20 га—7,2%, группе 20—100 га—81,2%, свыше же 100 га—95%. Механической пахотой пользуются преимущественно самые крупные хозяйства, при чем и состав машин подобран у них наиболее рационально, давая наивысший эффект. Та же картина подтверждается и менее совершенными данными по нашей стране. По данным Н. Макарова, низшие группы крестьянства (до 5 га) имеют затрат на постройки на 1 га в 4 раза больше по сравнению с высшими группами (20 га и выше) [1]. По данным К. А. Вернера и П. Г. Дубровского, погектарная стоимость построек в имениях от 110 до 220 га была 32—35 руб., для больших латифундий 18 руб. (по Тамб. губ.). То же и по орудиям. По данным земских складов Херсонской губ., у посевщиков 0—11 га на 110 га посева было в 2½ раза больше плугов, в 4½ раза больше буккеров, в 7 раз больше веялок, чем у посевщиков свыше 110 га [1]. Значителен перерасход и на транспортный инвентарь (повозки, упряжь) [2].

[1]) «Пути сельского хозяйства», № 2. 1926 г., стр. 6.

Но самый тяжелый перерасход в мелких хозяйствах,—это перерасход на тягловый скот вследствии его недостаточного использования и слабосильности. Так, например, до войны в Вологодском уезде на каждые 110 га посева приходилось лошадей в хозяйствах до 22 га—42,4 шт., а в хозяйствах свыше 650 га—12,5 шт. [3]), т.-е. в мелких хозяйствах лошадей оказалось в 3 с лишним раза больше. По данным английских исследователей рабочий скот, где нет механических двигателей, с'едает 24% пшеницы, 67% овса и 44% сена, производимого на них. У бедняка лошадь с'едает большую часть урожая. Перерасходы мелких хозяйств в сравнении с крупными, однако, этим не ограничиваются. Они идут также, по линии осушения и орошения почвы; установки изгородей, отопления, освещения и т. п., о чем здесь мы не имеем возможности подробно говорить.

Однако Аеробое эту растрату ресурсов мелкими предприятиями в сельском хозяйстве ставит им в добродетель, освящает ее. «Если на один гектар земли в мелком производстве повсюду выпадают гораздо большие вложенные средства на строения, чем в крупном предприятии, то это есть доказательство того, что мелкое производство гораздо больше потребляет строительных материалов и труда, чем крупное производство» (565). То же в отношении орудий, машин, повозок, упряжи. Значит,—говорит Аеробое,—«занятые на заводах, мастерских, их изготовляющих, через мелкое производство больше находят средства питания, чем через крупное производство» (стр. 565). Дальше вывод: «народохозяйственно рассматривая, дают мелкие предприятия на много больше, затем следуют средние предприятия» (стр. 586). Это утверждение Аеробое явно ошибочно. Пред'явление большего спроса на излишние орудия, строительные материалы и т. п. мелкими хозяйствами в земледелии означает нерациональное расходование ресурсов, растрату производительных сил. Большая часть средств здесь обрекается на положение мертвого капитала. Народное хозяйство в целом только выиграло бы, если бы этот перерасход при укрупнении земледелия (при его обобществлении) был направлен на дополнительное приобретение недостающих машин, механических двигателей в сельском хозяйстве, на его электрификацию, на под'ем его техники до уровня системы машин, чем была бы уничтожена одна из главных причин (на ряду с социальными) отсталости земледелия по сравнению с промышленностью. Раздробленность земледелия мешает его индустриальному преобразованию. А только через последнее возможен под'ем производительности труда в сельском хозяйстве до уровня промышленного. В результате мы имели бы не только более высокое оплодотворение индустрии спросом со стороны сельского хозяйства, но одновременно и быстрый под'ем производительных сил в самом сельском хозяйстве. Спрос не только не сократился бы, но вырос и принял бы более рациональное направление.

5. По сбыту с.-х. продуктов, по закупке индустриальных товаров (особенно средств производства), по издержкам переработки с.-х. продуктов по оборотным средствам мелкие предприятия поставлены в значительно худшие условия по сравнению с крупными. Это настолько ясно, что не нуждается в пояснении, в подкреплении цифрами или описании.

[1]) См. данные у Суханова—«К вопросу об эволюции с. х.», стр. 58.

[2]) Смотрите данные на этот счет в статье Селезнева—«Экон. Обозрение» № 3. 1928 г.

[3]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 70.

* * *

Рассмотрев основные, решающие преимущества крупного хозяйства, мы перейдем теперь к разбору тех якобы «преимуществ» мелкого хозяйства, которые видит буржуазная и мелкобуржуазная экономия.

Аеробое видит их в следующем: 1) мелкие хозяйства, мол, полнее используют в работе труд женщин и детей, заинтересовывают семью (стр. 535); 2) лучше приспосабливаются к благоприятному рабочему времени, легче справляются с неблагоприятными природными условиями; 3) «достигают более благоприятвого уравнения труда между летней и зимней работой, которое мы встречаем в мелких и средних предприятиях по отношению к крупным» (535); 4) «под конец следует рассмотреть, как значительное преимущество мелких и средних предприятий, что в них гораздо меньше крадут или присваивают себе, чем в крупных предприятиях». Кто не верит, вопрошает он, «спросите исповедника в деревне» (537). Еще прежде Аеробое и ряд других писателей ссылался на трудности контроля в крупных с.-х. предприятиях.

Ссылки на эти преимущества мелкого хозяйства, конечно, не выдерживают критики. Первое из них, которое указал Аеробое, означает не что иное, как чрезмерную эксплоатацию мелким собственником труда женщин и детей своей семьи, надрыв ее здоровья, задержку в развитии молодого поколения. Это показывает то, что производительность труда и доходность хозяйства мелкого собственника настолько низка, что даже для крайне неудовлетворительного сведения концов с концами приходится перегружать тяжелой работой всех членов семьи. Аеробое позабыл при этом отметить три вещи: 1) что и крупные капиталистические предприятия тоже прибегают широко к эксплоатации труда женщин и детей, и главным образом из семей самих мелких собственников, чем снимается сама постановка вопроса о преимуществе, 2) могут существовать крупные предприятия некапиталистического характера (социалистические), где может быть использован труд женщины и детей, но без надрыва сил, здоровья, без задержки их общественного и культурного развития (при машинах, на легких полевых работах, в огородничестве, садоводстве и т. д.), 3) могут быть крупные предприятия (социалистические), работники в которых будут заинтересованы в труде, станут выполнять его не подневольно, а радостно, работая не на капиталистов, а на себя.

Неверно также, что мелкие предприятия будто бы что-либо выигрывают от лучшего приспособления к благоприятному рабочему времени. Не выигрывают они, а только теряют. Крупные предприятия, которые располагают лучшими и в достаточном количестве машинами, механическими двигателями и рабочим скотом, имеют больше возможностей своевременно управиться с необходимыми с.-х. работами, лучше использовать благоприятную погоду, чем это может сделать мелкий собственник, выезжающий главным образом на мускульной силе своей семьи и своего слабого, малочисленного рабочего скота. В случае дождливой погоды крупное предприятие, при современном прогрессе в области исскуственной сушки, застраховано от больших потерь трав и хлебов. Рентабельны же только крупные сушилки. То же самое можно сказать и в отношении исскуственного орошения.

Не имеется у мелких хозяйств и преимуществ в области уравнения труда между зимней и летней работой. Вопрос следует поставить шире, а именно, прежде всего и главнее всего о более равномерной нагрузке рабочей силы и рабочего скота в сельском хозяйстве в течение целого

вегетационного периода (от ранней весны до первых морозов), что имеет решающее значение, поскольку это и составляет производственный период в сельском хозяйстве. Известно, что на равномерную нагрузку оказывает огромное влияние чередование с.-х. работ, чередование обработки почвы, посева, ухода и уборки хлебов, технических культур, трав и корнеплодов [1]).

Но чередование пахотных культур и особенно успешное разведение корнеплодов и зеленых кормов связано как раз с требованием правильного севооборота, возможности для которого больше, как мы уже видели, у крупных хозяйств. Утверждения Аеробое о севообороте применительно к крупным хозяйствам, стоят в явном противоречии с тем, что он говорит через 300 страниц о преимуществах мелкого хозяйства.

Но дело не только в одном выборе севооборота. Огромное значение на равномерное распределение рабочей силы оказывает наличие с.-х. машин. Последние, на ряду с соответствующими размерами хозяйств, в значительной степени обусловливают само существование намеченного севооборота. Чем больше хозяйство имеет с.-х. машин, двигателей, тем, значит, скорее оно управится с чередующимися с.-х. работами, тем легче может обойтись без дополнительной рабочей силы в периоды наивысшей концентрации с.-х. работ, которые бывают в смягченной форме и при любом рациональном севообороте. Для мелкого хозяйства, бедного с.-х. машинами, особенно механическими двигателями, эти периоды концентрации с.-х. работ вызывают, во-первых, страшное перенапряжение рабочей силы, во-вторых, они суживают возможности для разносторонних посевов культур, не исключая корнеплодов и зеленого корма. Именно в мелком хозяйстве существуют огромные ножницы в степени напряженности труда между периодом уборки лугов и хлебов и остальными периодами с.-х. работ. В крупном механизированном хозяйстве эти ножницы не велики, и требование на увеличивающиеся производственные работы возмещается введением механических двигателей и наиболее совершенных, быстро работающих уборочных машин (особенно жнеймолотилок).

Аеробое и ряд других писателей все же утверждают, что мелким хозяйствам удается благоприятное уравнение труда между зимней и летней работой. При этом они ссылаются на домашнее ткачество, прядение, зимний ремонт своими силами инвентаря, упряжи, повозок, построек и т. д. Но эти мифические преимущества разлетаются впрах, если мы учтем следующие два обстоятельства. 1) Зимний труд мелкого собственника и его семьи в том виде, как он происходит в условиях мелкого хозяйства, является крайне низким по своей производительности, мало оплачивается и в громадной мере означает колоссальную растрату труда; 2) крупное хозяйство в свободное от полевых работ время имеет возможность занять своих рабочих более производительным трудом в предприятиях по переработке с.-х. продуктов (винокурение, крахмало-паточное производство и т. п.), по дополнительному уходу за скотом в зимний период, приведением в порядок лесов и т. п.

Насчет краж, слабости контроля и руководства в крупных предприятиях в с. х. нет нужды сколько-нибудь пространно останавливаться. Слишком уже невесом данный аргумент. К тому же, развитие техники уничтожает самую почву под этими суждениями. Развитие полевых телефонов, мотоциклов и автомобилей облегчает дело руководства и контроля за производственными операциями в крупных хозяйствах. Наконец, в крупных хозяйствах социалистического типа сами производители заинтересованы в охране общественного имущества и в установлении товарищеской трудовой дисциплины.

---

[1]) 1-е окучиваине сахарной свеклы связано с короткой фазой роств. 2-е, 3-е окучивание не так связвио, может быть растянуто. При картофеле растягиванне времени для окучиваиня, предоставляет еще большие возможности.

Тем более смешно видеть, когда Аеробое в поисках «преимуществ» ссылается на нетребовательность мелких собственников и «благотворное» действие кнута задолженности. Он пишет: «При нетребовательности играет также важную роль воля и возможность во время нужды суметь по одежде протягивать ножки. Но это, как правило, относится только к мелким и средним предприятиям» (стр. 559).

Задолженность мелких собственников заставляет напрягать все силы (стр. 561). Но это не добродетель, а несчастье мелких собственников. В капиталистическом обществе, на ряду с иерациональностью мелких хозяйств, их давит еще гнет помещика, ростовщика, банковского капитала и синдикатов промышленников (сахарозаводчиков и т. п.).

Борьбе за укрупнение мелких хозяйств, за организацию крупных общественных хозяйств без пауперизации масс там предстоит еще борьба за уничтожение капитализма.

* * *

Буржуазные экономисты, рассуждающие о преимуществах мелкой собственности, отделываются обычно общими рассуждениями, притом, как мы показали, глубоко ошибочными. Они избегают сравнений действительной доходности крупного и мелкого хозяйства в их цифровом выражении: тогда факты били бы им прямо в лицо.

Мы приведем на этот счет ряд данных.

По послевоенным материалам с.-х. институтов Чехо-Словакии мы имеем производительность труда на 1 рабочего в кронах в хозяйстве от 2—5 гект. в 2 раза ниже, чем в хозяйствах 20—100 гект. и почти в 3 раза меньше, чем в хозяйстве свыше 100 гект. в среднем по всем исследованиым отраслям с. х. Отсюда следующая закономерность: «с возрастанием размеров хозяйств увеличивается народохозяйственный доход иа единицу труда» [1]). Конечно, результат получился бы еще более выразительным, если бы была проведена большая диференциация хозяйств свыше 100 гект., были бы проведены данные о хозяйствах в несколько сот и тысяч гектаров.

По данным английского института экономических изысканий продажи, приходящиеся на каждого человека, занятого в хозяйстве в 50 акров, меньше в 2 раза, чем в хозяйстве свыше 250 акров [2]).

По даиным обследования НК РКИ СССР, доходность 1 рабочего дня в мелких бедняцких и середняцких хозяйствах в 2, а в ряде мест даже в 3 и больше раз ниже, чем в хозяйствах зажиточных, капиталистического типа. При чем с увеличением размеров хозяйства доходность рабочего дня все время подымается. (См. данные об этом в сборнике «К вопросу о социалистическом переустройстве деревни», под ред. т. Яковлева, стр. 131).

Но и кулацкие хозяйства есть еще мелкие сами по себе хозяйства. Применение рационализаторских методов, механической силы и машин в них крайне ограничено. Они эффективнее только по сравнению с единоличными карликовыми, бедняцкими и середняцкими хозяйствами. Но, как правило, они уступают намного лучшим колхозам и совхозам в урожайности, в производительности труда. Так, иапример, иа Украине на обработку и посев одной

[1]) Статья проф. В. Бодлика в «Русск. экон. сборнике», т. III и IV, под ред. Прокоповича, на основе материалов, собранных институтом с.-х. счетоводства чешского с.-х. совета и институтом с.-х. экономии чешской высшей технической школы.
[2]) В хозяйстве 50 акров они составляли 168 фунтов, в хозяйстве 150—250 акров—222 ф., в хозяйстве свыше 250 акров—316 фунтов стерлингов. («Пути с.-х.», № 1, 1926 г., стр. 27).

десятины под ячмень требовалось: бедняку—16,7 дня, середняку—12,2, кулаку—11,3, колхозу же только—7,8 дня [1]). Значит, производительность труда в колхозах в 2 с лишним раза выше, чем в бедняцких хозяйствах, и в 1½ раза выше, чем в кулацких.

Для того, чтобы ускорить под'ем производительности труда в сельском хозяйстве СССР, ускорить под'ем с.-х. продукции в стране и на этой основе поднять крестьянство с того низкого уровня, на котором оно стоит сейчас, на этой основе двигаться быстрее и безболезненнее вперед по пути высокого темпа индустриализации страны, необходимо теперь форсировать процессы укрупнения в сельском хозяйстве.

* * *

Из сказанного выше вытекает для нас не только необходимость укрупнять сельское хозяйство, строить массу новых колхозов и совхозов, но и сами-то эти колхозы и совхозы создавать более крупных размеров. Мелкие и средние по размерам хозяйства, как мы убедились из предыдущего изложения, менее рентабельны, чем крупные. Но не так думают некоторые из работающих у нас мелкобуржуазных и буржуазных экономистов. А. В. Чаянов в своей работе «Оптимальные размеры с.-х. предприятий» [2]) пытался, с одной стороны, доказать, что количественные выгоды крупных хозяйств перед мелкими с. х. не так велики и что с увеличением площади хозяйства скоро наступает предел, когда дальнейшее укрупнение становится невыгодным, так как повышается себестоимость. Оптимальные размеры для укрупнения хозяйств Чаянов определил:

В хозяйствах		залежной системы	1960—2180 дес.
„	„	экстенсивн. трехполья (без удобр.)	875—980 „
„	„	удобряемого „	545—655 „
„	„	плодоперемен. системы	218—273 „

С этой грани дальнейшие укрупнения хозяйства вызывают повышение издержек производства на 1 десятину (см. стр. 65, 70, 73, 79 его книги).

Укрупнение дает еще «весьма значительный количественный эффект только при переходе от карликовых хозяйств к хозяйствам, могущим использовать полностью основной сложный инвентарь» (стр. 8).

Было время, когда народнического толка экономисты в споре с марксистами отрицали преимущества за крупными хозяйствами даже по отношению к парцельным (карликовым) крестьянским хозяйствам. Признание этих преимуществ Чаяновым теперь лишний раз доказывает, насколько правы были в этом споре марксисты. Правда, Чаянов это свое отступление сопровождает разговорами о том, «что качественные свойства мелкого хозяйства покрывают в значительной степени его количественную слабость» (стр. 5). Какие это качественные свойства, Чаянов так и не сказал, но они давно известны и сводятся к перегруженности работой всей семьи и к искусству голодать.

Однако, Чаянов, отступив, не сдал всех своих позиций. Он остался защитником если не карликовых, то мелких и средних хозяйств вообще. Он стремится «проблему о преимуществах крупного и мелкого хозяйства перевести в проблему, направленную на поиски оптимальных размеров хозяйства в земледелии, т. е. таких размеров, в которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйства взаимно бы уравновешивались» (стр. 10).

[1]) Доклад т. Яковлева на Всесоюзном с'езде колхозов.
[2]) Изд. 3-е. 928 г. (переработан. и дополненное).

Это «взаимное уравновешивание» он стремился доказать подобием «об'ективных» ученых расчетов и обоснований. Но как мы покажем дальше этой об'ективности не оказалось у проф. Чаянова. Свои расчеты в основном он выводил из совершенно неверных предпосылок.

Исходная теоретическая предпосылка А. Чаянова гласит: «никакой концентрации в пространстве здесь за исключением процессов первичной переработки с. х. продуктов провести невозможно» (ст. 7. Подчеркнуто нами. *Я. Н.).*

С. х. в своей основе есть «использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли. Человек не может солнечные лучи, падающие на 100 дес., собрать на одну» (стр. 7).

Это положение Чаянова глубоко ошибочно. «Концентрация в пространстве существует и для земледелия, и притом не только в сфере переработки, но и в полеводстве. Известно, что на одну и ту же единицу площади может быть приложено различное количество рабочей силы, механической и животной двигательной силы, машин, может быть вложено различное количество удобрений. В зависимости от этого получаемая продукция может разниться в несколько раз. Известно также, что и степень собирания растениями солнечной энергии падающей на единицу площади пока еще крайне незначительна и может сильно возрасти. Она может быть повышена в несколько раз в зависимости прежде всего от числа урожаев в вегетационный период с каждой единицы площади. Можно получить один, а можно и два и больше урожаев, если правильно чередовать посевы и влиять на ускорение созревания и уборку готовых растений[1]). Дальше, в зависимости от качества обработки земли, качества семенного материала, количества питательных элементов, вложенных в землю, изменяется и степень поглощения растениями солнечной энергии в период одного урожая. «Растениями в лучшем случае используется менее 1% всей солнечной энергии. Если найти способ увеличить коэффициент полезного действия растений, то получилась бы сказочная цифра. Так, при полной утилизации солнечной энергии урожай картофеля достигал бы 750 кг. с 1 кв. метра»[2]). Уровень современной с.-х. техники, химии, биологии еще далек от того, чтобы использовать хотя бы значительную часть расточаемой солнцем энергии. Но по мере их развития коэффициен использования ее будет подыматься, он и теперь уже неизмеримо выше в крупных и рационально поставленных с.-х. предприятиях. Концентрация производства в пространстве не только возможна, но даже и существует.

Чаянов же повторяет давно избитый довод всех буржуазных экономистов, что нельзя солнечные лучи со 100 десятин собрать в одну, нельзя человечество прокормить с 1 десятины. Но на это можно возразить тем, что нельзя с одной фабрики одеть население целой страны, с одного завода удовлетворить всю потребность в металле. В вопросе о концентрации нет особых закономерностей для с.-х. в отличие от промышленности. Концентрация промышленности также находит себе известные пределы, также требует размещения на известном пространстве. Отсталый уровень техники земледелия при капитализме, частная собственность иа землю и т. д. были причинами слабой концентрации земледелия, а вовсе ие в силу каких-то природных свойств земле-

[1]) К примеру, иа ферме Плэисборо, в штате Нью-Джерси с одиой и той же площади а одио лето снимаются последовательио урожаи ржи, люцериы, бобов; ферма работает точио фвбрика, без перерыаа. Хозяйстао с 242 гектарв дает на 12.000 фунт. стерл. продукции. («Электрификация», № 4, 1927 г.).

[2]) В. Кулнкоа—«Пути Иидустрнализвции» № 7—8. 1928 г.

делия[1]). О размерах хозяйства в земледелии так же, как и в промышленности следует судить главным образом по количеству применяемых средств производства и производимой продукции. Часто «мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.» (Ленин)[2]), при чем количество земли, говорил Ленин, свидетельствует только косвенно о развитии хозяйства, а стоимость продуктов свидетельствует уже прямо и притом во всех случаях.

Само собой разумеется, крупное хозяйство нельзя уместить на какой угодно площади. Крупное хозяйство требует и более или менее широкой под собой базы в лице значительных размеров земельной площади. Но было бы ошибкой признак крупности хозяйства сводить только к размерам площади и во всех случаях судить о размерах хозяйства по занимаемому пространству. Мы нарочно подчеркнули прежде всего эту ошибку Чаянова, потому что с нею у него связаны ошибки в тех последующих предпосылках, по которым им велись все цифровые расчеты о выгодности предельного укрупнения с.-х. предприятий.

Так, например, Чаянов в согласии со своим первым положением заявляет: «За исключением усадебных установок, молотильных, маслодельных и других всякого рода построек и других принадлежностей усадьбы, сельский хозяин, увеличивая свое производство, в большинстве случаев должен умножить число предметов, а не увеличивать их размеры» (стр. 8, подчеркнуто нами. *Я. Н.).*

Чаянов признает увеличение мощности усадебных установок, но отрицает их за полевыми орудиями и машинами. Это, конечно, сугубо неверно. Современные комбинированные жнеи-молотилки по своей производительности во много раз превосходят обычные жатвенные машины. Техника механической пахоты все более ориентируется на мощные двигатели, на комбинированные машины по подготовке земли к посеву. Удешевление работы может быть достигнуто не только «при переходе с лошадиной тяги на тягу тракторную» (что вынужден признать и Чаянов), но и при переходе от тракторов малой мощности к тракторам с большой мощностью, особенно переходом к электропахоте. С каждым дальнейшим укрупнением хозяйства, вовсе не необходимо в той же степени умножить число орудий и машин, а вопреки Чаянову, создается возможность ввести более мощные и эффективные машины, и главное с укрупнением хозяйства возможна система машин. Это стало теперь частым явлением в крупных хозяйствах С. Ш. С. А. и Германии. Тем, что Чаянов игнорировал современное развитие техники, ориентировался на старые машины, руководствовался принципом простого умножения с.-х. машин, тем значит скорее наступал у него предел выгод от амортизации. Падение нормы амортизации в хозяйствах удобряемого трехполья, плодосмена у него есть, например, только до 327 га. Дальше погектарная норма амортизации остается одинаковой, как бы ни увеличивались размеры хозяйств. Это—явная нелепость, так как есть ряд машин, реализация которых более рентабельна, а иногда только и возможна в хозяйствах во много раз больших размеров, чем

[1]) Из самих чаяиоаских расчетоа, если учесть затраты, труд челоаека и животных и т. д., вытекает, что стоимость вложеииых средств производства и приложениого трудв а хозяйстве плодопеременной системы при оптимальиом размере в 273 га составляют 21.225 руб., в то время как при залежной системе в 2.070 га онв составляет 14.402 р., т. е. по сумме средств производства первое хозяйстао крупнее второго, что подтверждает закон концентрацин.

[2]) Т. IX, стр. 231.

327 га. «Экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно оказывается отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом» (Ленин)[1]). Чаянов смотрит даже не вперед, а в прошлое, он даже не пытается встать на уровень современной техники.

Еще более вопиющая ошибка Чаянова в том, что он, отвлекаясь от современной техники, допустил соответственно и одинаковую производительность труда во всех группах рассматриваемых хозяйств. В зависимости от потери времени на передвижения он повышал издержки на рабочую силу от мелких хозяйств к более крупным. Но он совершенно исключил то, как более высокая техника крупных хозяйств с лихвой компенсировала эти потери. Чем крупнее хозяйство, тем больше, по Чаянову, обходились погектарные издержки на рабочую силу. Так, например, погектарная затрата рабочих дней в чаяновских расчетах для хозяйства в 32 га почти в 2 раза больше, чем в хозяйстве с 7.250 га (12,91 и 23,80 дней).

Подобное отвлечение от роста производительности труда с увеличением предприятия, с увеличением применяемых механических двигателей и более совершенных машин, отвлечение также от факта привлечения в крупные предприятия более квалифицированного труда является крупнейшей ошибкой Чаянова. Все расчеты Чаянова стоят в кричащем противоречии с действительностью, со всем направлением с.-х. техники. В доказательство мы сошлемся на большое хозяйство в 100.000 акров (около 33 тыс. гектаров) «фермерской корпорации Кембелля в Гардине, Монтана» (С. Ш. С. А.), где «вспашка, сеяние, жатва и молотьба производятся в гигантском масштабе машинами. Издержки производства все уменьшаясь дошли в 1925 году до 8 долл. на акр (официально признанной нормой является 16,5 долл. на акр для производительной фермы). Широко применяется комбинированная машина, сократившая рабочее время с 3 час. до ¾ на акр»[2]). Если бы следовать чаяновским расчетам, то погектарная затрата рабочих дней должна была бы здесь, при таком громадном увеличении хозяйства, как раз наоборот, повыситься не менее чем в 3 раза. Одно это может вскрыть всю фальшь чаяновских расчетов.

Четвертой важнейшей предпосылкой, Чаяновым выдвигался вопрос о транспорте. «Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутрихозяйственного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее при укрупнении хозяйства наступает это поглощение» (стр. 10). Но к этим выводам Чаянов пришел, во-первых, потому, что он отвлекся от роста производительности труда, чем смазал выгоды крупного хозяйства, во-вторых, потому, что и в вопросе о транспорте Чаянов также совершенно отвлекся от прогресса техники. Для него существует только тягловый скот, но не существует ни полевых железных дорог, ни автомобилей, ни тракторов. Он ссылается в своих расчетах на нормы Тюнена и Montenon'm'a, относящиеся еще к 1839 году. 90 лет прошло с тех пор, техника далеко шагнула вперед, но Чаянов ничего вокруг себя не видит, кроме лошадей и быков; он совершенно игнорирует происшедшую механизацию пахоты, механизацию транспорта, удешевление того и другого. Так, например, в Америке механический транспорт вдвое сократил транспортные расходы. Если прежде доставка пшеницы обходилась в 30 центов за тонномилю, то теперь—15, хлопка—прежде 48 цент., теперь—18 ц., кукурузы—раньше—33, теперь—17 ц.[3]) за тонномилю.

[1]) Том IX, стр. 74.
[2]) А. Боссе—«Плановое Хозяйство», № 4, 1928 г.
[3]) «Американская торг. и пром.», апрель 1928 г.

По подсчетам Крафта, расход на упряжное животное на километр-марок по шоссе выражается 0,42, по мостовой—0, 27, по полевой ж. д.—0,07. Но полевая железная дорога и работа грузовых автомобилей доступна только крупным хозяйствам, так как для своего выгодного использования они требуют крупных средств и большой нагрузки перевозимых тяжестей. Чаянов сознательно прошел мимо всех этих выгод механического транспорта, ибо они целиком на стороне крупного хозяйства. Он сознательно прошел мимо широкого применения теперь мощной и более дешевой механической энергии.

О том, как понижение расходов на труд людей и на тягловую силу животных может раздвинуть рамки оптимума с.-х. предприятий, говорит и сам Чаянов: «Примем, что заработная плата с 1 р. 20 к. понизилась до 1 рубля, а стоимость рабочего дня лошади с 80 к. до 50 к. Это увеличило бы так размеры оптимума[1]):

	При высоких зарплатах он был.	При низких зарплатах стал.
Залежная система	1960—2180 га	2620—3270 га
Удобряемое трехполье. . .	875— 980 „	820—1090 „
Плодопеременная систем. .	218— 273 „	435— 545 „

Но это предположение Чаянова вскрыло всю его предвзятость к крупному хозяйству, ибо оно предположено одинаковым для всех хозяйств. (Дешевой рабочей силой людей и лошадей в чаяновском примере одинаково пользуются и мелкие, и средние предприятия; здесь нет преимуществ у крупного хозяйства). В действительности дело идет совсем по-иному.

Понижаются издержки на труд и двигательную силу преимущественно и больше всего в крупных хозяйствах; при чем не вследствие сокращения оплаты рабочего дня, наоборот, она постепенно поднимается, а исключительно по причине роста производительности труда, механизации обработки земли, механизации работ по нагрузке, разгрузке, механизации перевозки. Если учесть, что крупное предприятие использует вполне эти преимущества, а мелкие только в ничтожной степени, то, несмотря на большую пространственность крупного предприятия, общие издержки его должны быть на много ниже. Так, в упоминаемой нами огромной фермерской корпорации Кэмбелля нет ни одной лошади, все работы механизированы, а издержки производства вдвое ниже средних издержек. Наконец, пространственность не всегда является удорожающим фактором, даже при прежнем уровне техники. Могут быть крупные предприятия, имеющие общее управление и установки, но разбитые на несколько особых единиц (хуторов), когда число выездов из центра хозяйства сокращается до минимума.

Но мы знаем, что техника не стоит, а прогрессирует. Если бы дело обстояло так, как расписывает Чаянов, то как об'яснить тот факт, что в Германии и Америке под влиянием прогресса техники усилились теперь процессы к образованию крупных комбинированных с.-х. предприятий, усилилось возникновение с.-х. акционерных обществ? С точки зрения Чаянова, это—противоестественный факт. Но он просто вытекает из необходимости рентабельно и рационально ставить с.-х. производство. Последнее же достижимо при укрупнении предприятий, что теперь отлично понимают сами передовые организаторы с.-х. предприятий. Понимают и лучшие аграрники за границей. Так, напр., Норс недавно писал, что за последние годы «тенденция к укрупнению ферм и к широкой кооперативной организации рационализировала фермерское хозяйство». («Ам. Тор. и Пр.», VI—28 г.).

Отвлечение Чаянова от прогресса техники, отвлечение от повышенной производительности труда при широкой механизации производства и транс-

[1]) Чаянов, стр. 82.

порта вскрывает всю его механику определения оптимума с.-х. предприятий, всю его необ'ективность, делает эти определения фальшивыми. В корне фальшив и самый подход Чаянова к разрешению проблемы. Он исследовал влияние «трудоинтенсификации» на оптимум с.-х. предприятий, но совершенно обошел анализ «капиталоинтенсификации» (влияние увеличения машин, усадебных установок и т. п.), что действует в сторону увеличения размеров оптимума).

Чаянову и кому-либо другому невозможно отрицать погектарное сокращение издержек на амортизацию построек, сокращение общих расходов с каждым дальнейшим укрупнением хозяйства. Чаянов, как мы видели, неправильно ставит узкие пределы сокращению издержек на амортизацию с.-х. машин. В целом же графа по всем этим показателям показывает в его таблицах понижение издержек по мере укрупнения хозяйства, хотя и недостаточное. Но ведь не в этом лежит центр тяжести издержек с.-х. производства, особенно начиная от средних и поднимаясь все к более крупным предприятиям. Он лежит в расходах на рабочую силу, на скот, механическую энергию. Чаянову потребовалось извратить действительность, чтобы по этим основным графам показать нерентабельность крупного хозяйства.

В %% к общей сумме издержек на десятину [1])

Размеры предприятия (в дес.).	Издержки на амортизацию построек, с.-х. инвентаря и общие расходы.		Подесятин. затраты на работы по обработке, посеву, уборке и перев.	
	Плодоперемен. система.	Удобр. трехполье.	Плодоперемен. система.	Удобр. трехполье.
29	46,5	73,2	53,5	26,8
176	15,1	34,1	84,9	65,9
272	7,6	18,1	92,4	81,9
2940	3,2	7,0	96,8	93,0
6630	2,2	4,5	97,8	95,5

Чем крупнее хозяйство, тем ничтожнее издержки по 1-й графе, тем больше увеличивается их доля по второй. Ясное дело, что при неправильной предпосылке повышения с укрупнением хозяйства суммы абсолютных издержек на рабочую силу и тягловый скот отвлечение от механической силы должно очень скоро ставить довольно узкие границы рентабельности укрупнения с.-х. предприятий, должно выгоды укрупнения в этих узких пределах свести к небольшому количественному выражению. Фокус этот довольно прост, несмотря на ученый туман. Он достигнут фальсификацией той действительности, какая есть. А она ярко и недвусмысленно говорит о большей производительности труда, о большей рентабельности предприятий в наиболее крупных с.-х. предприятиях.

Идеалом Чаянова являются с.-х. предприятия средних размеров верхушки кулацкого типа или среднего кооперативного об'единения. Чаяновские оптимумы исключают экономическую целесообразность коллективизации целых крупных селений и тех крупных государственных совхозов, которые намечены теперь в СССР. Больше того, если следовать чаяновским оптимумам, то надо огромное большинство старых совхозов или раздробить или произвести от них урезки земли местному населению, ибо размеры их площади далеко превышают чаяновские нормы. (Среднее количество гектаров у совхозов по Уралу 4.020, Сибири—10.850, Сев. Кавказу—12.500, а в районах интенсивного земледелия—692 га, что для последних также превышает

[1]) Высчитано нами по абсолютным цифрам Чаянова, взятым в табл. со стр. 79 и 73.

чаяновские нормы для хозяйств с плодопеременной системой). Но жизнь уже показывает, что этого не только не надо делать, но нужно укрупнять совхозы. Тов. Маркевич на основе недавнего опыта украинского совхозоб'единения утверждает, что «возможно из одного центра вполне рентабельно обрабатывать хозяйства (крестьян. *Я. Н.)* площадью в 10 тысяч га и, следовательно, не расселять села с 600—700 дворов». Тем более успешно возможна организация одного крупного хозяйства, разбитого на несколько крупных экономий, имеющих общие предприятия и управление.

Отвергая оптимумы Чаянова, мы не отрицаем существования вообще оптимумов для сельскохозяйственных предприятий. Мы старались только показать, насколько в корне ошибочны вся установка и выводы Чаянова в этом вопросе.

Земельным органам нельзя руководствоваться расчетами Чаянова об оптимуме с.-х. предприятий. Нам нужны совхозы не в 1.960—2.180 при залежной системе, не в 545 га при удобряемом трехполье, как полагает Чаянов, а по 30—40 тысяч гектаров по примеру фермы Кэмбелля. Нам нужны артели, коммуны, товарищества не в 218—273 га как предел укрупнения при плодопеременной системе, а в несколько сот и даже тысяч десятин. Только тогда в них может быть проведена широкая механизация производства, может быть поднята в несколько раз производительность труда, и они окажутся до конца жизненными, крепкими. Только тогда наиболее ярко будут показаны выгоды товарищеского труда; и совершенно прав проф. Лященко, когда писал: «при 20—30 гект. использование трактора и механизация всего хозяйства становятся настолько неполными, что они делаются экономически маловыгодными и непригодными». Опыт показал, что из развалившихся за последние годы колхозов преобладающая часть падает на мелкие об'единения, а выживали из них и наибольшую эффективность показывали наиболее крупные коллективные об'единения [1]). Преобладающий тип мелких колхозов надо превратить в преобладающий тип действительно крупных с.-х. предприятий, перестроенных по индустриальному образцу. Крупные совхозы, к организации которых теперь приступлено, при широкой их механизации и умелой постановке, несомненно, станут рентабельными сел.-хоз. предприятиями.

---

[1]) По Украине средний размер распавшихся артелей был 29 гек., товариществ по общественной обработке земли—46 г., в средний размер существующих—90, тов. по общ. обработке земли—70, коммун—240 гект.

К. Орагвелидзе.

Переходное хозяйство, как предмет теоретического анализа.

I. Необходимо ли определение предмета анализа?

Теоретическое изучение советской экономики значительно продвинулось вперед за последние годы. В нашей научной литературе мы имеем целый ряд интересных оригинальных положений, которые могут и должны войти составной частью в теоретическую систему, дающую научное об'яснение развития советского хозяйства. Тем не менее мы еще не можем сказать, что у нас уже имеется марксистская теория переходной экономики, как вполне сложившаяся система взглядов. Разработка различных проблем находится на различных стадиях. Более того, отдельные вопросы совершенно не затронуты еще марксистской мыслью.

Но если преждевременно говорить о существовании сколько-нибудь цельной теории переходной экономики, то вполне своевременно говорить о необходимости создания такой теории. Вряд ли нужно мотивировать это положение, вряд ли нужно указывать, какое громадное практическое значение имеет для мирового борющегося пролетариата марксистская теория переходного хозяйства [1]).

Теоретический анализ переходной экономики не может быть правильным и исчерпывающим, если не ясно, что нужно анализировать. Предмет анализа должен быть дан с самого начала. Далее, метод анализа не может быть правильным, если не ясно, что нужно подвергнуть анализу при помощи этого орудия научного исследования.

Когда Маркс писал свой «Капитал», предметом его анализа являлось капиталистическое производство, как реально существующее, развивающееся бытие. Этим определенным об'ектом определялся и метод теоретического анализа Маркса.

То же самое следует сказать и о теории переходного хозяйства. Установление предмета анализа должно предшествовать выяснению метода анализа. Абстракции вполне уместны и научно плодотворны только там, где создана ясность в вопросе о том, для чего служат эти абстракции, для чего они предназначены.

Установление предмета анализа для нас имеет не только теоретическое, но и сугубо-практическое значение. Если мы говорим о предмете анализа, то это значит, что этот предмет существует вне нашего мышления, вне нашего созерцания, как реальное бытие; следовательно, это значит, что

[1]) Тов. Ленин говорит: «Революционному пролетариату нужно (и вообще, и теперь сугубо) конкретное определение его задач перехода, постепенных шагов от старого к новому» («Ленинский Сборник», кн. III стр. 494).

мы должны признавать реальное существование исторически определенной ступени хозяйственного развития (переходного хозяйства)—положение ясное и приемлемое для революционных марксистов-коммунистов, но далеко не ясное и не приемлемое для многих, именующих себя марксистами и социалистами.

Тов. Ленин не раз указывал на необходимость научного определения переходного хозяйства, как исторически определенной и необходимой ступени развития коммунистического общества, на практическое значение этого определения. «Когда в своих возражениях против нас наши противники, мелкобуржуазные демократы, меньшевики и эсэры, говорят: вы разбили крупный капитализм, а вместо этого у вас прет изо всех пор самый худший спекулятивный, ростовщический капитализм, то на это мы им отвечаем: если вы воображали, что от крупного капитализма мы можем перейти прямо к коммунизму, то вы не революционеры, а реформисты или утописты»... [1]) (разрядка наша. *К. О.*). В другом месте тов. Ленин писал: «Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социальной революции, — это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап перехода от капитализма к коммунизму» [2]) (разрядка наша. *К. О.*).

Итак, не все называющие себя марксистами и социалистами признают необходимость переходного хозяйства.

Реформисты не признают необходимость переходного периода. Они не хотят понимать и неизбежности диктатуры пролетариата. В чем корни ошибки реформистов? «Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы. Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. Меньшевики «признают» наличие классов, их борьбу, но они не доводят идею классовой борьбы до конца, останавливаются на полпути. В основе меньшевистской концепции лежит боязнь перед социальной революцией. Меньшевики боятся классовой борьбы, доведения этой борьбы до конца и поэтому выдвигают теорию механического перерастания капитализма в социализм. Для переходного периода, для диктатуры пролетариата, как особой стадии развития, нет места и в этой теории.

По мнению реформистов всякого рода, нет вовсе переходного хозяйства, как реального бытия, следовательно, нет самого предмета анализа. Поэтому понятно, что у них не может быть и методов анализа и самой теории переходной экономики. Для нас же очень важно установить прежде всего предмет анализа, вот почему научное определение переходного хозяйства, как особой стадии развития, имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Воображать, что можно непосредственно перейти к социализму без промежуточных ступеней, без ожесточенной классовой борьбы—это значит быть не революционером, а реформистом или утопистом.

Революционные марксисты-коммунисты должны, напротив, выдвигать этот вопрос о переходном хозяйстве, давать ему научное определение, сделать его предметом своего анализа. Замазывать этот вопрос,—это значит поступать по-реформистски, это значит сделать науку о переходном хозяйстве невозможной. Революционные марксисты-ленинцы

[1]) Ленин, Речь о субботниках... «Правда», № 245, 1927 г.
[2]) Ленин, «Государство и революция», изд. «Кр. Новь», 1923 г., стр. 104.

не могут не признавать переходного хозяйства, как особой стадии развития. Только в этом случае возможна особая методология этого вопроса и сама теория переходной экономики.

II. Понятие переходного хозяйства.

Что такое переходное хозяйство, как предмет анализа? В чем сущность этого понятия?

Остановиться на этом вопросе необходимо тем более, что не все пишущие о переходном хозяйстве имеют правильное представление о сущности этого хозяйства.

Известно, что Маркс впервые выдвинул положение о неизбежности переходного периода, положение, которое упорно замалчивается и замалчивалось социал-демократами. Он писал: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике переходный период, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата» [1]).

То же самое говорил тов. Ленин во многих своих произведениях. Приведем только одно место. «Теоретически не подлежит сомнению,—писал тов. Ленин,—что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период» [2]).

Вот это хозяйство эпохи диктатуры пролетариата, или переходное хозяйство, является предметом нашего анализа. Терминологически не совсем точно говорить о переходном хозяйстве или о переходной экономике, так как слово «переходное» можно понимать и в смысле перехода от феодализма к капитализму и т. д. Здесь нет определенности. Маркс и Ленин очень осторожно подходили к этому вопросу. Они говорили не о переходном хозяйстве, что неопределенно, а о хозяйстве при диктатуре пролетариата. Но здесь мы оставляем в стороне терминологическую сторону дела, подразумевая под переходным хозяйством хозяйство эпохи диктатуры пролетариата. Таким образом, переходное хозяйство служит для нас просто сокращением.

Переход от капитализма к коммунизму не есть кратковременный период или этап развития. Кратковременность переходного периода можно себе представить только теоретически, если мы теоретически допускаем переход от чистого капитализма к чистому социализму. Разумеется, и такая абстрактная постановка вопроса не исключает неизбежности переходного периода и диктатуры пролетариата. Тов. Н. Бухарин правильно замечает, что «вопрос о диктатуре рабочего класса у Маркса ставился, как вопрос о диктатуре рабочего класса вообще, т.-е. о диктатуре, уничтожающей капитализм в его чистом виде» [3]).

Но о таком кратковременном переходном периоде в реальной действительности не может быть и речи. Тов. Ленин писал, что «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может». Пролетариат свергает не абстрактный капитализм, а капитализм конкретный. Поэтому и переходный период должен быть длительным. «О целом периоде перехода капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, при чем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство» [1]). Рождение нового, коммунистического общества, «муки родов» неизбежно растянутся во времени и составят целую историческую эпоху. Тов. Ленин прямо говорит в своей известной работе против ренегата Каутского: «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха» [2]) (Разрядка наша. *К. О.*).

[1]) Маркс, «Критика готской программы», 1919 г., стр. 32.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 347.
[3]) Н. Бухарин, «Атака», ГИЗ, изд. 1-е, стр. 98.

Это правильное теоретическое положение необходимо подчеркивать, ибо его не признают наши противники; но, подчеркивая правильность этого положения о длительности периода переустройства общества на коммунистических началах, необходимо помнить, что речь идет об исторически ограниченном периоде, что переходное хозяйство не будет вечным, а преходящим явлением. Было бы непростительно для революционного марксиста скатиться с правильной диалектической точки зрения на метафизическую точку зрения неподвижности переходной системы хозяйства.

Марксизм обязывает понимать переходное хозяйство, как развивающееся социальное бытие, как хозяйство, находящееся в движении. Принцип развития применим и к переходной экономике. Правильно рассматривать ее—значит рассматривать ее в процессе развития, в процессе становления.

Переходное хозяйство имеет свой исходный и конечный пункты. Его исходным пунктом является капитализм, крах капитализма, экспроприация экспроприаторов, а конечным пунктом — социалистическое общество. Исторические границы переходного хозяйства, поэтому, даны в его исходном и конечном пунктах. Оно представляет собой движение от первого пункта ко второму.

Вопрос об исторических границах переходного хозяйства как-будто с первого взгляда совершенно ясен. Но стоит только немного подумать над ним, и тогда перед нами встанут новые вопросы, которые требуют ясного и более определенного ответа.

Известно, что Маркс делил развитие коммунистического общества на две фазы: на первую и вторую фазы коммунизма. Ленин не раз подчеркивал важность этого деления, называя первую фазу — социализмом, а вторую — коммунизмом. Основной идеей Маркса и Ленина здесь была идея развития. Эти великие ученые представляли себе и коммунистическое хозяйство, и переходное хозяйство не как застывшие системы хозяйства, а как хозяйства развивающиеся.

Но что представляет собою переходное хозяйство? Является ли оно движением непосредственно к высшей фазе коммунизма или движением к низшей, первой фазе коммунизма (или к социализму, по выражению Ленина)? Должны ли мы понимать переходное хозяйство, как первую фазу коммунизма или же оно является ступенью к этой фазе?

Вопрос этот не совсем ясен, и поэтому на нем необходимо остановиться.

Следуя примеру тов. Ленина, назовем первую фазу коммунистического общества социализмом, а вторую фазу—коммунизмом.

Какова связь между переходным хозяйством, социализмом и коммунизмом? Какова научная разница между этими понятиями? Можно ли отождествлять переходное хозяйство с социализмом?

По нашему мнению, следует различать друг от друга как исторически, так и логически не только коммунизм от социализма, но и социализм от переходного хозяйства. Конечно, все эти эпохи примыкают друг к другу, но в целях правильного анализа необходимо их изучать отдельно друг от друга, не забывая и связи между ними.

Понятия коммунизма и социализма не тождественны, как и понятия социализма и переходного хозяйства. Смешение этих понятий привело бы

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 269.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 467.

к ряду неправильных теоретических выводов. Правильное же разграничение этих понятий дало бы нам точное определение предмета, теории переходной экономики.

Послушаем, что говорит по этому вопросу автор «Закона первоначального социалистического накопления» Е. Преображенский. У Маркса,—говорит Преображенский,—мы не находим «сколько-нибудь законченного изложения мысли насчет отличия социализма от коммунизма, но из ряда его формулировок видно, что он различал эти два этапа в развитии общества. Он различал их не только с той точки зрения, что при социализме существуют еще классы, а, следовательно, и государство, но и с точки зрения системы производства и распределения при социализме и коммунизме. Мало этого. Мы находим у него еще и то, что можно было бы назвать переходными мерами от капитализма к социализму, а не к коммунизму»[1]) (разрядка наша. *К. О.)*.

Из этой цитаты видно, что Преображенский понимает социалистическое общество, как классовое общество. Далее оказывается, что коммунизм отличается от социализма не только системой распределения, но и системой производства.

Читатель имеет полное основание спросить, а где же у Преображенского переходное хозяйство? В приведенной цитате Преображенский говорит о переходных мерах от капитализма к социализму, но не это составляет у него переходное хозяйство. Переходное хозяйство у Преображенского, действительно, имеется, но оно не представляет чего-нибудь отличного от социализма. Понятия социализма и переходного хозяйства, по его мнению, тождественны. Это видно из следующего места его статьи: «Первая фаза коммунистического общества», это—тот самый период, который в другом месте Маркс называет «периодом революционного преобразования» капиталистического общества в коммунистическое, периодом, когда государство не может быть ничем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата. Иными словами, «первая фаза», это есть социализм, система общества, когда еще не ликвидировано классовое деление общества, хотя и ликвидированы в основном эксплоататорские классы, когда именно поэтому еще существует государство, когда и на системе распределения еще зияет «родимое пятно» капиталистического строя»[2]) (разрядка наша. *К. О.)*.

Следовательно, Преображенский устанавливает следующие три положения: 1) социализм тождественен с переходным хозяйством; 2) социализм есть классовое общество и 3) при социализме существует диктатура пролетариата. Такова, по мнению Преображенского, точка зрения Маркса и Ленина на поставленные вопросы.

Для того, чтобы понять сущность предмета теории переходного хозяйства, необходимо дать на все поставленные вопросы правильные марксистские ответы. Необходимо разграничить понятия переходного хозяйства, социализма и коммунизма. Тогда станет ясной и ошибочность положения Преображенского.

Поставим сначала первый вопрос: что такое социализм (первая фаза коммунизма) в отличие от коммунизма (высшая фаза коммунизма)?

Во-первых, при социализме нет никаких классов. Социалистическое общество есть бесклассовое общество. Оно не знает ни класса рабочих, ни класса капиталистов и помещиков, ни класса крестьян. Здесь мы имеем социалистический способ производства, т.-е. производство, основанное на принадлежности средств производства всему обществу. Социализм не знает частной собственности на средства производства. Разрыв между трудом и условиями труда, характерный для капитализма, в социализме окончательно уничтожается и восстанавливается их единство на базе высокой производительности труда.

Во-вторых, еще продолжает существовать буржуазное право. Распределение продуктов по потребностям не осуществляется. Полного равенства между людьми еще нет. Равенство осуществлено в полной мере только по отношению к средствам производства. Отсюда и неравенство по отношению к предметам потребления, которые распределяются не по потребностям, а сообразно затратам труда производителями.

В-третьих, государство отмирает как государство, ибо нет классов и некого подавлять. Оно еще не отмирает совершенно, но оно отмирает, как классовое государство.

Такова точка зрения Маркса и Ленина на социалистическое общество. Достаточно привести несколько мест из Маркса и Ленина, чтобы убедиться в этом. В «Критике готской программы» Маркс дает блестящую и вполне исчерпывающую характеристику социализма или первой фазы коммунизма. «В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обменивают своими продуктами. Равным образом и труд, употребленный на производство продуктов, не проявляется в виде ценности, как бы свойственной самим продуктам, так как здесь в противоположность капиталистическому обществу работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно... Господствующий здесь принцип, очевидно, тот самый, который регулирует обмен товаром, поскольку обмениваются одинаковые ценности. Содержание и форма изменились потому, что в силу изменившихся условий никто не может давать ничего, кроме своего труда, и что, с другой стороны, только предметы личного потребления могут находиться в собственности отдельного лица. Но что касается до распределения этих предметов между производителями, то господствующий здесь принцип тот же, что и при обмене товарных эквивалентов: определенное количество труда в одной форме обменивается на то же количество труда в другой форме... Равное право является неравным правом за неравный труд. Оно не знает классовых различий, потому что все люди являются только работниками того же порядка, но оно молчаливо признает естественные привилегии неравенства индивидуальных способностей, а, следовательно, и производительных способностей индивидуумов»[1]) (разрядка наша. *К. О.)*.

В этой цитате Маркс ясно подчеркивает, что в социалистическом обществе частная собственность на средства производства уничтожается. С уничтожением производственных отношений уничтожается также и категория стоимости, а, следовательно, и категория денег, капитала и т. д. Социалистическое общество мыслится Марксом, как натуральное бесклассовое общество.

Точка зрения т. Ленина вполне совпадает с точкой зрения Маркса. «Социализм есть уничтожение классов»[2]),—говорит Ленин.—Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять

[1]) «Вестник Ком. Академии», № 12, стр. 50.
[2]) «Вестник Ком. Академии», стр. 67.

[1]) Маркс, «Критика готской программы», 1919 г., стр. 15—16.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

поэтому какой бы то ни было к л а с с нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освещающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм» [1]).

Было бы утопизмом думать, что можно сразу уничтожить буржуазное право и по отношению к средствам производства, и по отношению к распределению предметов потребления. Сначала уничтожается частная собственность на средства производства, классы и государство, как орудие подавления. Это есть социализм. Впоследствии устраняется неравенство по отношению к распределению предметов потребления, полностью отмирает государство. Это есть коммунизм. Здесь нет утопизма, а правильно показан х о д р а з в и т и я, р е а л ь н о е д в и ж е н и е.

Не трудно понять, что изложенная здесь точка зрения Маркса и Ленина в корне противоположна взглядам Преображенского. У Преображенского социализм, это—к л а с с о в о е общество, у Маркса и Ленина—б е с к л а с с о в о е; у Преображенского социализм допускает буржуазное право (частную собственность не только на п р е д м е т ы п о т р е б л е н и я, н о и н а с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а), у Маркса и Ленина при социализме остается только частная собственность на п р е д м е т ы п о т р е б л е н и я. Преображенский считает, что при социализме диктатура пролетариата должна существовать, к а к о р у д и е к л а с с о в о г о п о д ч и н е н и я, ибо остались классы. Маркс и Ленин, наоборот, считают это невозможным, ибо п р и с о ц и а л и з м е н е т к л а с с о в; наконец, Преображенский представляет себе, что при социализме категория стоимости и товарное хозяйство еще должны существовать, ибо остается частная собственность на средства производства и классы. Маркс и Ленин, наоборот, считают, что социалистическое хозяйство есть н а т у р а л ь н о е х о з я й с т в о, что оно не будет вовсе знать категории стоимости, ибо там не будет соответствующих производственных отношений.

Рассмотрим теперь другой вопрос. Можно ли комментировать Маркса таким образом, будто он, говоря о социалистическом хозяйстве, имел в виду переходное хозяйство, будто эти понятия, по мнению Маркса, вполне идентичны?

Вопрос этот можно рассмотреть на конкретном примере советского хозяйства.

Эпоха советского переходного хозяйства открывается крахом капитализма, экспроприацией экспроприаторов. Экспроприация экспроприаторов означает уничтожение класса буржуазии и помещиков, но она не уничтожает классов вообще. Социализм есть уничтожение классов, но пролетарская революция свергает и экспроприирует только класс буржуазии и помещиков. Мелкие производители, крестьяне, ремесленники и т. д. не экспроприируются. Следовательно, остается класс мелких производителей и класс рабочих, как господствующий класс. Экспроприация буржуазии и помещиков является условием социалистического переустройства всего общества. «Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная» [2]). Задача пролетариата в эпоху его диктатуры заключается в том, чтобы р а з р е ш и т ь э т у к а р д и н а л ь н е й ш у ю и с л о ж н е й ш у ю п р о б л е м у п е р е х о д а м е л к о г о ч а с т н о г о п р о и з в о д с т в а н а с о ц и а л и с т и ч е с к и е р е л ь с ы, п р о б л е м у у н и ч т о ж е н и я к л а с с о в ы х р а з л и ч и й в о о б щ е и п р е в р а щ е н и я в с е х

[1]) Ленин, «Госуд. и революция», 1923 г., стр. 116.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 351.

ч л е н о в о б щ е с т в а в р а б о т н и к о в с о ц и а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а.

Следовательно, уничтожив класс буржуазии и помещиков, пролетариат кладет первые основы социалистического способа производства. Переходный характер экономики заключается в том, что пролетариат должен преобразовать все хозяйство в социалистическое, преодолеть оставшиеся классовые противоречия. Но было бы ошибочно об'являть все хозяйство социалистическим. «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, о т р и ц а л п е р е х о д н ы й х а р а к т е р э т о й э к о н о м и к и. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение «Социалистическая Советская Республика» означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а в о в с е н е п р и з н а н и е д а н н ы х э к о н о м и ч е с к и х п о р я д к о в с о ц и а л и с т и ч е с к и м и» [1]) (разрядка наша. *К. О.*).

Тов. Ленин далее отмечает, что в нашей экономике имеются пять различных хоз. укладов, в том числе и социализм. Но ошибочно об'являть всю экономику социалистической. От экспроприации помещиков и капиталистов мы получили только возможность строить самые первоначальные формы социализма, но коммунистического еще в этом ничего нет. Если мы возьмем наше настоящее хозяйство, то мы увидим в нем е щ е о ч е н ь с л а б ы е з а ч а т к и с о ц и а л и з м а и г р о м а д н о е г о с п о д с т в о с т а р ы х х о з я й с т в е н н ы х ф о р м, выражающееся либо в преобладании мелкого хозяйничания, либо в самой дикой, безудержной спекуляции... Если мы поставим вопрос, что представляет собой современный экономический строй Советской России, то мы должны сказать, что о н я в л я е т с я з а к л а д ы в а н и е м о с н о в с о ц и а л и з м а в к р у п н о м п р о и з в о д с т в е, п е р е р а б о т к о й с т а р о г о к а п и т а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а п р и у п о р н е й ш е м с о п р о т и в л е н и и к а п и т а л и з м а, п р о я в л я ю щ е м с я в м и л л и о н а х и м и л л и о н а х ф о р м» [2]) (разрядка наша. *К. О.*).

Как видим, Ленин в приведенных цитатах дает совершенно ясную и определенную характеристику природы советского хозяйства. Наше хозяйство в целом не есть социалистическое хозяйство, ибо мы здесь имеем только начало строительства самых первоначальных форм социализма, закладывание основ социализма в крупном производстве. С другой стороны, советское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство, как это доказывают меньшевики и эсэры, ибо здесь мы имеем экспроприацию капиталистов и помещиков и зарождение нового, социалистического способа производства. Советское хозяйство есть переходное к социализму хозяйство, ибо оно об'единяет в себе черты старого и нового, ибо здесь мы имеем кусочки, частички, элементы капитализма, социализма и других форм хозяйства. В советском хозяйстве мы имеем борьбу за социалистическое переустройство всего общества под руководством пролетариата.

Советское хозяйство об'единяет в себе пять укладов. Мы имеем в единой хозяйственной системе сожительство, сосуществование и вместе с тем борьбу этих пяти укладов. Преобладающим укладом является мелкое крестьянское производство. Ведущим началом является социалистический способ производства.

Но что означает существование этих различных укладов? Это означает существование частной собственности на средства производства (капиталистической, мелкой и т. д.) на ряду с общественной государственной собственностью. Это означает, далее, существование различных классов (крестьян, капиталистов, рабочих). Общество является еще классовым, хотя сде-

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 203.
[2]) Ленин, Речь о субботниках.. «Правда» № 245, 1927 г.

лал крупный шаг вперед для уничтожения классов (экспроприация буржуазии и помещиков). Класс капиталистов еще не уничтожен окончательно, ибо на основе мелкого товарного производства развиваются новые элементы капитализма. Борьба между социализмом и капитализмом вовсе не кончена. Она закончится тогда, когда удастся повести за собой мелких производителей и перестроить их хозяйство на началах крупного общественного производства. Только тогда окончательно будут подрезаны корни капитализма и восторжествует социализм [1]).

Государство не устраняется, ибо еще остаются классы. Диктатура пролетариата нужна, ибо еще необходимо подавление класса, подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых. Но это уже п е р е х о д н о е г о с у д а р с т в о, то-есть не государство в собственном смысле слова. Победа социализма приведет к отмиранию диктатуры пролетариата, как орудия подавления классов, ибо при социализме классов не будет.

Итак, при социализме мы имеем уничтожение частной собственности на средства производства, уничтожение классов и государства, отмирание категорий товарно-капиталистического хозяйства и натурализацию общественных отношений производства.

В переходном хозяйстве мы имеем о б щ е с т в е н н у ю собственность на средства производства, но на ряду с ней и ч а с т н у ю собственность (мелкую и капиталистическую). Класс капиталистов в основном уничтожен, но остался класс мелких производителей, который рождает класс капиталистов. Общество еще не перестало быть классовым. Категории политической экономии еще продолжают существовать, но они уже подорваны в своей основе.

В социалистическом обществе государство отмирает, как орудие подавления класса эксплоататоров, ибо классы здесь уничтожаются окончательно. В переходном хозяйстве должно существовать государство в форме диктатуры пролетариата, ибо оно необходимо еще для подавления классовых врагов пролетариата. Переходному периоду в экономике соответствует переходный период и в сфере политики. Диктатура пролетариата является переходной государственной формой.

Из всего вышеизложенного вытекает, что между переходным хозяйством и социализмом имеются крупнейшие различия, несмотря на общность некоторых черт. Социалистическое общество не отделено китайской стеной от переходного хозяйства. Оно развивается в недрах переходного хозяйства, но это обстоятельство вовсе не дает нам основания уничтожить вообще понятие переходного хозяйства, понятие социалистического хозяйства и т. д. Такое деление имеет большое познавательное значение.

Понятия социалистического и переходного хозяйства можно понять в связи друг с другом, но не следует забывать и об их отличительных особенностях. Смешение этих понятий, как и их противопоставление, может привести к целому ряду крупнейших ошибок как в области теории, так и в области практики. Смешение, отождествление этих понятий теоретически ошибочно и практически вредно, потому что снимается с порядка дня ряд основных проблем переходного периода, которые должны и могут быть разрешены в переходном периоде. Противопоставление же этих понятий не дает нам возможности понять связь социализма с переходным хозяйством, развитие элементов социализма в переходном хозяйстве.

Следовательно, надо видеть не только отличительные, но и общие черты переходного хозяйства и социализма. Переходное хозяйство не есть социа-

[1]) Тов. Ленин говорит: «Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали». (Собр. сочин., т. XVII, стр. 427).

листическое хозяйство, но только оно может нам дать понимание возникновения социалистического хозяйства, которое не рождается сразу, а зарождается и развивается в недрах переходного хозяйства.

Переходное хозяйство является совершенно своеобразной системой хозяйственных отношений, особой исторически необходимой формой сосуществования и борьбы различных хозяйственных укладов. Ведущим началом, гегемоном в этой системе хозяйства выступает социалистический сектор хозяйства, ставящий своей задачей уничтожение, вытеснение капиталистических элементов и переделку, перестройку мелкого производства на социалистических началах.

Мы сказали, что т е о р и я переходного периода должна изучать эту своеобразную систему, проанализировать закономерность хозяйственного развития в эпоху диктатуры пролетариата.

Но перед нами здесь встает следующий вопрос: можно ли вообще говорить о т е о р и и переходного хозяйства? Требует ли наш предмет т е о р е т и ч е с к о г о анализа?

Политическая экономия изучает производственные отношения капитализма, законы его развития, которые выступают как слепо действующие экономические законы. Т е о р е т и ч е с к и й анализ здесь необходим, ибо только он может вскрыть под внешней оболочкой ценности действительные отношения людей в производстве.

Дело в корне меняется при социализме. Если исчезает социальное бытие капитализма, то тем самым исчезают и предмет политической экономии и экономические категории, как различные определения этого предмета. Политическая экономия, как т е о р е т и ч е с к а я наука, отмирает. Общественные закономерности становятся осознанными закономерностями, не нуждающимися в т е о р е т и ч е с к о м анализе.

Как же обстоит вопрос с переходным хозяйством? Можно ли говорить здесь о б э к о н о м и ч е с к и х п р о б л е м а х и к а т е г о р и я х? Требуют ли общественные отношения людей в производстве и экономические закономерности т е о р е т и ч е с к о г о анализа или они ясны без этого анализа?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо дать дальнейшее определение переходного хозяйства, как предмета теоретического анализа. До сих пор мы выясняли понятие переходного хозяйства, подчеркивали его необходимость и указали, что оно должно стать предметом особой теории. Но если переходное хозяйство является натуральным или если оно тождественно с социализмом, то оно не нуждается в теоретическом анализе. Точка зрения Преображенского (тождество понятий переходного и социалистического хозяйства) логически приводит к невозможности теории переходной экономики.

Предметом нашего теоретического анализа является не просто переходное хозяйство, а переходное хозяйство в товарной форме. Переходное хозяйство, как длительный процесс, мы можем мыслить только как товарное хозяйство. К выяснению этого чрезвычайно важного теоретического вопроса мы и перейдем сейчас.

III. Обязательна ли товарная форма для переходного хозяйства?

Проблема товарности переходного хозяйства является актуальнейшей проблемой не только для теории переходной экономики, но и для практики пролетарской революции. Эта проблема будет стоять после победы пролетарской революции почти во всех странах, как основная проблема, ибо это есть проблема хозяйственных взаимоотношений между победившим пролетариатом и оставшимися классами, проблема переустройства в с е г о общества на социалистических началах.

Почему пролетариат должен допустить свободу торговли, производство на рынок, деньги и т. д.? Не лучше ли организовать экономические отношения с крестьянством на началах натурального продуктообмена? Иначе говоря, почему пролетариат должен допустить нэп? Случайно ли допущение товарной формы в условиях переходного периода? На эти вопросы необходимо дать ясный ответ.

В нэпе мы имеем практическое разрешение кардинальнейшей проблемы переходной экономики, проблемы взаимоотношений пролетариата и крестьянства. В нэпе мы имеем, вместе с тем, такое разрешение указанной проблемы, что движение идет вперед, в направлении к социализму, а не назад, как это можно было думать с первого взгляда. В нэпе мы имеем укрепление позиций социализма, его абсолютный и относительный рост, что является залогом социалистического преобразования всего хозяйства. Гениальность Ленина заключается не только в том, что он обогатил марксизм постановкой и разрешением крестьянского и национально-колониального вопроса в эпоху империализма, но и в том, что он поставил и разрешил эти вопросы в эпоху переходной экономики с точки зрения движения к социализму.

Маркс и Энгельс вообще очень мало писали о переходном периоде; у них мы не находим прямого ответа на поставленный вопрос. Но если мы более основательно вдумаемся в то немногое, что нам оставили Маркс и Энгельс, увидим, что по существу решение коренной проблемы переходной экономики мы имеем в учении марксизма. Ленин дал дальнейшее гениальное развитие мыслей Маркса и Энгельса, открыл и указал *конкретные* формы хозяйственного сожительства пролетариата и крестьянства в эпоху строительства социализма.

Если теоретически допустить возможность перехода от чистого капитализма к чистому социализму, тогда, разумеется, проблема хозяйственных отношений пролетариата и крестьянства, проблема их сожительства, проблема нэпа и т. д., совершенно снимается с порядка дня победившего пролетариата. Но такое допущение было бы бессодержательным допущением и упрощенством.

Пролетарская революция произойдет раньше, чем капитализм достигнет конечного пункта своего развития, полной экспроприации мелких производителей. Мелкие производители остались в эпоху империализма, они останутся еще долго в эпоху диктатуры пролетариата. Было бы наивно думать, что пролетариат должен ждать с революцией до тех пор, пока капитализм не достигнет теоретически мыслимого, но практически невозможного, кульминационного пункта своего развития. Социалистическое преобразование должно начаться раньше, говорит Энгельс. «Нам было бы бесполезно ожидать с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своих крайних последствий, когда последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвами крупного производства» [1]).

Это замечательное положение Энгельса не было понято меньшевиками, как и гениальное положение Маркса о необходимости переходного периода. Его и невозможно понять, если об'являть слова Маркса о переходном периоде и диктатуре пролетариата чистой случайностью, простой обмолвкой, как это делает, напр., Карл Каутский.

На самом деле, случайностью не является ни положение Маркса, ни положение Энгельса. Энгельс развивает лишь дальше положение Маркса о необходимости переходного периода. Более того. У самого Маркса мы находим признание того, что в эпоху диктатуры пролетариата останется класс мелких производителей и крестьян, с которым пролетариат должен установить

[1]) Энгельс, «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», 1905 г., стр. 42.

правильные взаимоотношения. «*Там*,—говорит Маркс,—*где крестьянин в своей массе является частным земельным собственником, где он даже образует более или менее значительное меньшинство, как во всех континентальных государствах Зап. Европы*, где он не исчез и не заменен в сельском хозяйстве батраками, как, например, в Англии, там будет следующее: *либо он станет препятствовать и приведет к крушению всякую рабочую революцию, как это было до сих пор во Франции, или же пролетариат* (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он не думает, что принадлежит к нему), *должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и он сам перейдет на сторону революции, меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем*; однако, *нельзя раздражать (отталкивать) крестьян*, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности; последнее возможно только тогда, когда арендатор-капиталист вытесняет крестьянина и настоящий земледелец становится таким же пролетарием, трудящимся за заработную плату, как и городской рабочий, и, следовательно, имеет один с ним интересы *непосредственно*, а не только посредственно» [1]) (разрядка наша. *К. О.*).

Здесь Маркс устанавливает три весьма важных положения о переходном периоде. Эти положения сводятся к следующему: *во-первых*, после победы пролетарской революции мы будем иметь во всех континентальных странах Зап. Европы «более или менее значительное меньшинство» крестьян и других мелких производителей. Капитализм не успевает их уничтожать, как мелких производителей. Следовательно, они не могут не остаться и после социалистической революции. Исключение составляет, говорит Маркс, только Англия, где земледельцы превратились в батраков.

Во-вторых, пролетариат не может и не должен экспроприировать крестьян—мелких собственников. Возможность национализации земельной собственности не могла быть учтена Марксом в то время; но он совершенно правильно подчеркивает невозможность экспроприации средств производства у этих мелких собственников. Нельзя раздражать, нельзя отталкивать крестьян, предупреждает Маркс; экспроприировать можно арендаторов-капиталистов, но не мелких собственников, работающих собственными средствами производства и собственным трудом.

В-третьих, пролетариат должен установить правильные хозяйственные взаимоотношения с крестьянством, он должен принимать такие меры, которые облегчили и дали бы ему возможность перехода от частной к коллективной собственности. Крестьянству должна быть дана возможность подумать о реальных выгодах социализма. «Мы будем делать все возможное,—пишет Энгельс,—чтобы ему было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу, в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке» [2]). Крестьянин может итти к социализму не путем насилия, а «хозяйственным путем», говорит Маркс.

[1]) «Летописи марксизма», кн. II, стр. 62—63. Заметим, что эта цитата из Маркса опубликована после смерти т. Ленина, и поэтому она не могла быть ему известна.
[2]) Энгельс, «Крестьянский вопрос...», стр. 41.

Как видим, Маркс и Энгельс дали правильную постановку основных хозяйственных проблем переходного периода. Они указали на необходимость правильных взаимоотношений с крестьянством в эпоху диктатуры пролетариата, они подчеркнули необходимость осторожного подхода к крестьянству, которое может похоронить революцию, если с ним не будет найден общий хозяйственный язык, если с ним не будет заключен экономический союз. Маркс и Энгельс рекомендовали «хозяйственный путь» движения, перехода крестьянства к социализму, а не путь насилия. Но они не могли указать и предвидеть конкретные формы этого «хозяйственного пути» к социализму. Это невозможно было в их эпоху. Для этого необходим был опыт пролетарской революции в какой-нибудь стране. Поэтому указанные выше ценнейшие положения Маркса и Энгельса, до опыта строительства социализма в какой-нибудь стране, могли остаться только алгебраической формулой, требующей расшифровки.

Тов. Ленин на основе глубокого проникновения в учение марксизма дал нам разгадку этой алгебраической формулы. Он указал нам на конкретную форму «хозяйственного пути» к социализму, он открыл нам нэп, как конкретный и универсальный путь движения к социализму. Это открытие является величайшим открытием в истории человечества, еще недостаточно оцененным теоретической мыслью мирового пролетариата.

Откуда вытекает необходимость нэпа, необходимость допущения свободной торговли и т. д.?

Нэп, или новая экономическая политика пролетариата, является необходимостью в эпоху диктатуры пролетариата, в эпоху переходного к социализму периода, потому что пролетарская революция уничтожает лишь класс эксплоататоров, она экспроприирует только класс буржуазии и помещиков, но она не уничтожает и не экспроприирует класс мелких производителей, класс крестьянства. Этот класс является более или менее многочисленным в зависимости от уровня капиталистического развития страны, в которой происходит пролетарская революция. Только в Англии этот класс составляет незначительный слой населения. В других же странах он составляет большинство или же значительное меньшинство населения. В частности в Советском Союзе крестьянство составляет преобладающую часть населения.

Опыт русской революции показал, что непосредственный переход к социализму невозможен, что натурализация хозяйственных отношений невозможна до тех пор, пока окончательно не укрепится социализм. «Военный коммунизм» не был правильной хозяйственной политикой пролетариата, он был вынужден войной, нуждой, борьбой против внутренних и внешних врагов и постольку имеет свое историческое оправдание.

Хозяйство переходного периода, как правило, не может быть натуральным[1]). Оно не может быть натуральным, ибо остаются мелкие производители, крестьяне, ибо остаются различные хозяйственные уклады, связь между которыми возможна лишь через рынок. Мы говорим о переходе к социализму. Но что значит слово переход? спрашивает Ленин. «Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма. Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же имено элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса. Перечислим эти элементы: 1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм. Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом. Спрашивается, какие же элементы преобладают. Ясное дело, что в мелкокрестьянской среде преобладает, и не может не преобладать, мелкобуржуазная стихия: большинство, и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители»[1]) (разрядка наша. *К. О.*).

[1]) Это правило допускает и исключения. Переходное хозяйство может быть натуральным, например, при переходе от общинного натурального хозяйства к социалистическому. Возможность такого перехода при определенных исторических условиях, как известно, допускал и Маркс.

Если правильно будет нами понята переходная экономика Советского Союза, как экономика, об'единяющая в себе все эти различные экономические уклады, как единство всех этих укладов, то не трудно будет понять и необходимость нэпа, необходимость связи между этими укладами при помощи и через рынок. Тов. Ленин исходил из этой характеристики советского хозяйства, когда сделал гениальный поворот к новой экономической политике.

Если бы в советском хозяйстве мы имели не пять общественно-экономических укладов, а два уклада—социализм и мелкое товарное хозяйство, то переход к новой экономической политике все равно был бы неизбежен. Основной проблемой при введении нэпа была проблема хозяйственных взаимоотношений, проблема экономической смычки пролетариата с крестьянством, социализма с крестьянским товарным производством. «Основное,—писал тов. Ленин,—чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем»[2]).

Нужно было хозяйственно удовлетворить этого мелкого земледельца, этого середняка, нужно было дать ему возможность руководствоваться своими собственными, внутренне-присущими ему стимулами. Либо пролетариат удовлетворит крестьянство, пойдет на уступки, чтобы приспособить свою экономику и строительство социализма применительно к экономике среднего крестьянства, либо это крестьянство отойдет от руководства пролетариата и похоронит пролетарскую революцию. Так стоял вопрос в 1921 году.

А чем можно было удовлетворить крестьянство? Как возможно было с ним сожительство и движение вперед к социализму?

Тов. Ленин дал на эти вопросы ясные и четкие ответы. «Вникая в этот вопрос,—говорит он,—мы скажем себе сразу: удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а, во-вторых, нужно достать товары и продукты»[3]). Нужно создать для крестьянства такие условия, чтобы оно могло свободно продавать свои продукты и покупать продукты государственной промышленности. Следовательно, нужно допустить свободу оборота, свободу торговли.

Допущение свободной торговли означало допущение легального рынка, легализацию рыночных отношений. Уничтожение рынка, уничтожение разрыва между производством и потреблением, организация непосредственного

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 203.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 146.
[3]) Там же, стр. 140.

коммунистического распределения невозможно до тех пор, пока остается класс мелких товаропроизводителей, пока остается частная собственность и частнохозяйственные стимулы. Попытка коммунистического распределения в переходном хозяйстве обречена на неудачу, так как хозяйство еще не организовано на коммунистических началах. Социалистический сектор не может навязать мелкому товарному производству чуждые и непривычные ему формы натурального распределения.

Крестьянин-товаропроизводитель признает только законы рынка. Его хозяйство может развиваться на основе рынка. С ним можно говорить языком стоимости, и он сам готов говорить с кем угодно на этом единственно понятном ему языке. Через товар и при помощи товара он может связаться не только с капитализмом, но и с социализмом. Но он не может говорить с социализмом на языке натурально-хозяйственных отношений до тех пор, пока его основы не укрепятся окончательно. «Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы ввести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них» [1]).

Государственное хозяйство может связаться с мелкими, раздробленными товаропроизводителями через рынок, через торговлю. «Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» [2]).

Но задача пролетариата заключается не только в том, чтобы найти форму связи с крестьянством, а в том, чтобы найти такую форму связи, которая обеспечивала бы дальнейшее развитие и окончательное укрепление основ социализма. Нэп не был просто формой связи с крестьянством, а такой формой связи, которая обеспечивает успехи и полную победу социалистического строительства. «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. *Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину»* [3]) (разрядка наша. *К. О.*).

Товарообмен государственного хозяйства с крестьянством, вот *что является правильной политикой пролетариата.* «Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. *Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайне мере, очень значительное меньшинство»* [4]) (разрядка наша. *К. О.).*

«Военный коммунизм» был временной мерой; строительство социализма при наличии этой системы, навязанной гражданской войной и разорением, было невозможно. Только новая экономическая политика открывает возможность правильных взаимоотношений с крестьянством и успешного завершения социалистического строительства. Вводя нэп, тов. Ленин имел в виду *преимущественно* Россию, страну, где преобладающим слоем населения является крестьянство. Но нэп оказывается правильной политикой не только

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 55.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 413.
[3]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 214.
[4]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 331.

для России, где крестьянство составляет большинство, но для всех стран, где оно составляет значительное меньшинство.

Перед нами тут встает вопрос: является ли нэп универсальным путем к социализму или же он пригоден только для стран отсталых в хозяйственном отношении, имеет ли русский опыт местное или же международное значение? Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Богатейший опыт русской революции имеет не только местное значение. Из всего предыдущего изложения ясно, что после победы пролетарской революции почти в каждой стране встает проблема экономических отношений с крестьянством. Нет ни одной страны, где бы крестьянство исчезло окончательно. Англия является страной, наиболее развитой в капиталистическом отношении, но и там существует класс мелких землевладельцев. Этот класс является немногочисленным и играет незначительную роль в экономике страны. Но тем не менее он существует, и после победы социалистической революции в Англии с этим классом придется установить определенные взаимоотношения.

Каковы будут эти взаимоотношения? Нужна ли будет товарная форма связи с этим малочисленным классом земледельцев в Англии? Послужит ли нэп в Англии путем к социализму?

Выше мы привели одно замечательное место из Маркса, где он подчеркивал, что в Англии после социалистической революции создается иное положение, чем в других континентальных странах Европы. Проблема отношений с крестьянством не будет такой острой в Англии, ибо там этот класс почти исчез, тогда как в других странах он составляет большинство или значительное меньшинство населения.

Однако, во всех других странах пролетариату придется разрешить задачу социалистического строительства в условиях крестьянского окружения, задачу установления экономических связей с мелкими земледельцами. *«Эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встают перед всеми капиталистическими странами, может быть, за исключением одной только Англии. Однако, и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочисленен класс мелких землевладельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих вследствие фактического рабства сотни миллионов людей в колониях, «принадлежащих» Англии»* [1]) (разрядка наша. *К. О.).*

С такой точкой зрения выступил тов. Ленин перед III конгрессом Коммунистического Интернационала. Сущность этой точки зрения заключается в том, что русский опыт имеет *не только местное, но и международное значение.* Новая экономическая политика приложима не только к России, но и ко всем странам, за исключением, может быть, одной только Англии. Перед победившим пролетариатом каждой страны встанут те же задачи, как и в России, и поэтому международный пролетариат должен использовать русский опыт. В этом смысле нэп является универсальным путем к социализму. Во всех странах пролетариат установит с крестьянством связи через рынок, через товарную форму.

Что касается Англии, то тов. Ленин сомневается, может ли эта высокоразвитая промышленная страна обойтись без нэпа. Сомнения эти вполне основательны. Если бы речь шла только о мелких землевладельцах, которые играют незначительную роль в Англии, то еще можно было бы сказать, что Англия может обойтись без нэпа. Но этот вопрос осложняется новым момен-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 314. См. также стр. 325.

том, который отмечается тов. Лениным. Новое здесь заключается в том, что если в Англии малочислеиен класс мелких земледельцев, то в ней зато «исключительно высок процеит живущих по-мелкобуржуазиому среди рабочих и служащих». Следовательио, здесь речь может итти ие только о классе мелких земледельцев, ио и о широком слое «обуржуазившихся» (Эигельс) рабочих, фактически переставших быть рабочими. Этот широкий слой рабочих живет по-мелкобуржуазному за счет колониальных рабов, вследствие эксплоатации этих колоний. Эти рабочие являются по существу такими же мелкими буржуа, как и мелкие земледельцы с мелкобуржуазиыми навыками и психологией. Не следует игиорировать также колониальное крестьянство, с которым придется устаиовить английскому пролетариату товарные отношеиия. Вот почему сомнения тов. Леиина относительно неприложимости изпа к Англии имеют серьезные осиования. Поэтому он н не дает определеиного ответа на этот вопрос.

Что же касается других стран, то тов. Ленин не сомневается в том, что к ним приложима новая экономическая политика. Будет лн составлять крестьяиство большннство или зиачительное меньшинство населения (Россия, Гермавия, Фраиция и т. д.), все равно иовая экономическая политика будет действительиа для этнх стран. Таким образом, опыт русской революции был универсализироваи. Этим опытом может и должен воспользоваться весь мировой пролетариат.

Социалнстическое производство, пока оно окончательио не укрепилось, должно установнть с крестьянскими хозяйствами экономические связи через рыиок. Товариый характер этих связей является неизбежным. Важвость товарного характера связи между государствениым и частными хозяйствами у нас не всегда оцеиивается в должной мере.

Между тем для т. Леиина этот вопрос был важнейшим вопросом экономики переходного периода. Только после правильного аиализа вопроса о товарном характере связи между социализмом н мелким товариым производством можно построить правильную теорию переходной экономнки.

В 1921 году под руководством т. Ленипа коммунистнческая партия сделала поворот к новой экономической политике, допустила свободу торговли, сохранив в руках государства командные высоты. «Это кажется страниым. Коммунизм и торговля? Что-то очеиь уже несвязное, несуразиое, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского патрнархального земледелия» [1].

Новая экономнческая политика, свобода торговли, рыиок, товариый характер связн различных хозяйствеиных укладов вовсе не были случайиостью, а с железной необходнмостью вытекали из всей обстановкн развития социализма в сложнейших условиях переходного периода. Если бы капитализм развивался равномерио, если бы мы нмели одииаковый уровеиь развития капитализма в городе и деревне, в промышлеиностн и сельском хозяйстве, то тогда ие было бы необходимости в нэпе и переход к иатуральиому социалистическому хозяйству был бы кратковремеиным пернодом. Но все дело в том, что капитализм не может развиваться равиомерио, ои ие может проникнуть в разиые отрасли пронзводства одиовремеиио. Капитализм овладевает этими отраслями постепенно. Ои проникает н в сельское хозяйство, но это последнее, вследствие существоваиия частной земельной собствеииости, чудовищно отстает в своем развитии от промышлеиности. Старые способы производства не вытесняются окончательно; крестьянское хозяйство продолжает свое существование даже в условиях высокоразвитого капитализма.

Победивший пролетарнат застает эти докапиталистические формации такими же, какими они были перед социалистической революцией. Удельный

[1]) Леннн, т. XVIII, ч. I, стр. 412.

вес этих укладов, коиечио, иеодииаков в различиых страиах. Но для всех стран мы можем констатировать иаличие значительных остатков этих докапиталистических укладов, которые не могли исчезнуть в процессе пролетарской революции и не исчезнут еще долго. Самым значительным среди этих остатков является мелкое товарное хозяйство, которое ие может жить без свободной торговли, как рыба без воды.

Капитализм эксплоатировал крестьян; но эту эксплоатацию он производил иа базе рыночиых законов. Только этот рыночный язык был понятен крестьянскому товаропроизводителю, и на этом языке он говорил с капитализмом, несмотря на эксплоатацию со стороны последнего.

Пролетариат не может относиться к крестьянину так, как к нему относилась буржуазия. Но экономическая связь с ним неизбежна. А эта связь возможна через рынок, при помощи торговли. Следовательно, свобода торговли не является в эпоху диктатуры пролетариата случайной, она так же ие случайна, как не случайно существование мелкого товарного производства крестьян.

При посредстве товарной формы, через товарное обращение связываются, иаходят доступ и проникают друг к другу совершенно различные системы, способы производства. В товарном хозяйстве Советского Союза уживаются четыре различных хозяйственных уклада: социализм, государственный капитализм, частнохозяйственный капитализм и мелкое крестьянское товарное производство. Важнейшими из этих укладов по своему удельному весу являются социализм и крестьянское товарное хозяйство. Социализм, как и крестьянское хозяйство, выступает в товарной форме, производит товары на рыиок (для крестьянства). Социализм воспринял товарную форму связи, самоё по себе чуждую ему форму.

Не меияет ли допущение товарной формы связи социалистическим сектором социалистического характера этого сектора?

Для того, чтобы уясиить себе этот вопрос, необходимо обратиться к истории развития хозяйственных форм.

Энгельс в одной из своих прекрасных статей говорит, что «закон ценности господствовал в течение периода в 5—7 тысяч лет» [1]). А Маркс в блестящем «Введении к критике политической экономии» отмечает, что понятие стоимости носит допотопное существование. Смысл этих слов Маркса н Энгельса заключается в том, что товарная форма возникла не вместе с капитализмом, а существовала до него и развивалась без иего. В течеиие 5—7 тысяч лет развивалась категория стоимости, прежде чем она стала уииверсальиой, всепроникающей категорией при капитализме.

В течеине этих 5—7 тысяч лет мы имели самые разнообразные системы, способы производства. Мы имели общинное хозяйство, рабское хозяйство, феодальное хозяйство, мелкое крестьяиское хозяйство, крепостиое хозяйство и, наконец, капиталистическое хозяйство.

Меновой процесс возникает еще между свободиыми общннами, в которых труд плаиомерно был органнзован на коммуиистических иачалах. Часть продуктов общины превращалась в товары, но от этого еще вовсе ие уиичтожался коммуиистический характер производства внутри общины. Она разлагалась постепеино, по мере проникновения меновой торговли внутрь общины, но до тех пор, пока обмен производился на граиицах общни, они вовсе не теряли своего коммуиистического характера производства виутрн общнны.

Товары могут производиться не только общинами, но и рабскими, феодальными, помещичьими, крестьянскими и капиталистическими хозяйствамн. По товару, обмениваемому на рынке, нельзя узнать, кем он про-

[1]) Энгельс, «Закон ценности и норма прибыли» (в сборнике «Капитал», К. Маркса, 1924 г., стр. 295).

изведен—общиной, рабом, крестьянином или же наемными рабочими. «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары,—будет ли это первобытное общинное хозяйство или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство,—это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы» [1]) (разрядка наша. *К. О.).*

В другом месте Маркс развивает ту же мысль. Он говорит, что кругооборот промышленного капитала «перекрещивается с обращением товаров, произведенных разнообразнейшими способами общественного производства, поскольку они представляют товарное производство. Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общественного производства (голландская Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в ранние эпохи русской истории), или производство полудиких охотничьих народов и т. д.,— все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят в кругооборот этого последнего» [2]).

Следовательно, товарная форма может послужить формою связи между рабовладельцами, феодалами, помещиками, крестьянами и капиталистами. Более того. Через товарную форму могут экономически связаться рабовладелец с капиталистом, капиталист с крестьянином, крестьянин с рабовладельцем и т. д. Иначе говоря, товарная форма служит формой связи не только между однородными, однотипными хозяйствами, но и между разнородными, разнотипными хозяйствами, построенными на основе различных способов производства. Товарная форма служит формой сожительства, сосуществования этих способов, систем производства.

Все приведенные выше случаи нам нужны были для уяснения значения товарной формы в условиях переходной экономики. Товарная форма не является случайностью в наших условиях, как она не была случайностью при зарождении систем хозяйства, основанных на частной собственности. Тут известную аналогию можно провести, если не забывать, что в первобытные времена речь идет о разложении коммунистических общин и возникновении частной собственности, а в условиях переходного периода речь идет о разложении систем хозяйства, основанных на частной собственности, и возникновении социалистического общества.

В коммунистическом обществе не будет вовсе товарной формы. Но она начинает отмирать в условиях переходного периода. Однако, без нее все же обойтись нельзя, поскольку остается мелкая частная собственность, поскольку остается класс мелких земледельцев. Переходное хозяйство есть разложение элементов старого и зарождение элементов будущего в настоящем. Поскольку хозяйство переходного периода составляет единство, постольку различные социальные секторы должны найти форму сожительства, форму сосуществования. Формой связи между этими секторами служит и не может не служить товарная форма.

Социалистический сектор хозяйства должен приспособиться к экономике крестьянства, пока оно еще не исчезло, пока оно продолжает существовать. Если странным является существование крестьянства в эпоху диктатуры пролетариата, то тогда странным является и допущение свободы торговли, допущение товарной формы. Но мы уже показали, что в условиях переходной экономики неизбежно наличие довольно многочисленного класса крестьян и поэтому нет ничего странного в свободе торговли, в новой экономической политике.

[1]) Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, стр. 250, ГИЗ, 1927 г.
[2]) Маркс, «Капитал», т. II, стр. 64, ГИЗ, 1927 г.

Устанавливая экономическую связь с капитализмом или же мелким товарным хозяйством через товарную форму, социалистический сектор вовсе не теряет своего социалистического характера. Точно так же не теряет своего характера, своего содержания капитализм и мелкое производство.

Переход к новой экономической политике был обусловлен не затяжкой пролетарской революции на Западе, а совокупностью хозяйственных условий в Советском Союзе. Если бы даже на Западе победила революция, введение нэпа у нас, как и на Западе, было бы неизбежным. Разница состояла бы только в том, что мы, при помощи передовых стран, быстрее завершили бы свое движение к социализму через нэп.

Переходное хозяйство, как правило, неизбежно должно быть товарным хозяйством. Экономическая связь между социальными секторами может осуществляться только через товарную форму. Исключения из этого правила возможны, но они вовсе не меняют нашего основного положения.

Д. Гуревич.

Экономическая работа профсоюзов.

Реконструктивный процесс, в который вступила наша промышленность, все большее развертывание работы по рационализации производства, новое капитальное строительство — пред'являют иные требования не только к работе наших хозяйственных организаций, но и к работе по вовлечению рабочих масс в дело хозяйственного строительства, т.-е. к экономической работе профсоюзов.

С другой стороны, новый этап в строительстве промышленности совпадает с периодом широкого развертывания пролетарской самокритики, который уже с несомненностью выявил громадный рост интереса рабочих масс к вопросам производства, рост их критики и требовательности в первую очередь к этим вопросам. В рабочих массах уже выросло и все продолжает расти стремление к конкретному, действенному *участию в разрешении* хозяйственных вопросов, стоящих перед промышленностью, перед отдельными предприятиями, к участию в деле технического переустройства предприятий, к настоящему повседневному *контролю* за работой хозяйственных органов. Надо считать, что в этом отношении не малую роль сыграли уроки «шахтинского дела».

И это немаловажное обстоятельство на ряду с указанным в самом начале (реконструкция производства) обязывает партию уделить особое внимание вопросам экономической работы профессиональных союзов.

В годы гражданской войны и экономической разрухи партия в своих решениях о роли и задачах профсоюзов (IX, X с'езды) выдвигала задачи участия профсоюзов в руководстве хозяйством, в формировании хозяйственных органов на первое место. Эти вопросы и на практике составляли главное в работе профсоюзов. Небезызвестно, что профсоюзы буквально на своих плечах вынесли сохранение нашей промышленности во время разрухи.

За последующие годы, которые характеризуются восстановлением хозяйства, руководящие решения партии о профсоюзах (XI, XIV с'езды и XV конференция) выдвинули *более остро* вопросы, связанные с работой профсоюзов в области защиты материальных и культурно-бытовых интересов рабочих. Именно этот участок профсоюзной работы представлял собою в последние годы наиболее слабое место. Такое явление—в условиях, когда восстановительный период в промышленности уже заканчивался, когда на предприятия собрались распыленные до этого кадры рабочих, когда страна стала богаче и материальное благополучие рабочих, в на ряду с этим и требовательность их в этом отношении стала все больше возрастать,—прямо приводило к бюрократизации профессиональных союзов, к отрыву их от масс.

XIV с'езд партии в своем постановлении указал: «Перегруженные разнообразной *хозяйственной*, политической и общественной деятельностью профсоюзы часто не могли справиться со своей работой, проявляя односторонность, порой отодвигая на второй план свою *важнейшую и главнейшую задачу—защиту экономических интересов* об'единяемых ими масс и всемерную работу по поднятию их материального и духовного уровня» [1]).

XV партконференция, отметив «несомненные успехи профсоюзов во всех областях их работы и изжитие уродливых форм «хозяйственного» уклона» снова указала на то, что важнейшая и главнейшая задача «защиты интересов рабочих, внимания к их мелким насущным бытовым и экономическим нуждам», «справедливым и законным требованиям рабочих перед гос- и хозорганами»—проводится все еще недостаточно.

Необходимо констатировать, что и сейчас, через 2 года после XV партконференции, при наличии несомненных и значительных успехов в этой области работы профсоюзов имеется немало недочетов, сделано еще далеко не все, что необходимо сделать. Об этом напоминает нам и шахтинское дело, вскрывшее ряд вопиющих фактов недопустимо бюрократического отношения к самым элементарным нуждам рабочих в области их бытовых и правовых интересов. Об этом свидетельствуют все еще имеющиеся факты пренебрежения профсоюзов к насущнейшим требованиям рабочих во время конфликтов, неумения профсоюзов выдвинуть соответствующие требования перед хозорганами, притупления профсоюзного угла в «треугольнике» на предприятиях.

Полное проведение решений партии о «защитной» работе профсоюзов продолжает и теперь оставаться основной задачей профсоюзов и потребует еще дополнительных усилий, систематической проверки выполнения, недопущения извращений.

Однако, и *другая задача профсоюзов—их участие в хозяйственном строительстве, в руководстве производством, особенно в настоящих условиях — требует к себе не меньшего внимания.*

Эта задача профсоюзов выдвигалась не только в связи с восстановительным периодом в промышленности. Она выдвигалась и в решениях XIV с'езда и XV партконференции. В частности решение партии о новых формах массовой экономической работы — о производственных совещаниях — впервые зафиксировано в постановлении XIV с'езда.

Совершенно неправильно было бы считать обе эти задачи профсоюзов («защитная» работа и работа в области хозяйства) противоречащими одна другой. Наиболее ярко свидетельствует о том, что между ними нет противоречия, тот факт, что как одна, так и другая задача непосредственно вытекают из тех требований, которые выдвигают перед профсоюзами сами рабочие массы. XV партконференция, отметившая недостаток профсоюзов в области их «защитной» работы, признала «работу и внимание профсоюзов к хозяйственно-экономическим вопросам и к делу выдвижения своих кандидатов на административно-хозяйственные посты *явно недостаточными и слабыми*» [2]). Эта работа явно недостаточна и слаба и в настоящее время. Между тем теперь в большей мере, чем во время XIV партконференции, развернулась работа по реконструкции и рационализации промышленности, в большей мере выросла требовательность рабочих масс к хозяйственному руководству, в большей мере обозначилась насущнейшая необходимость участия профсоюзов и рабочих масс в деле руководства промышленностью. Все это требует решительных мер, направленных в сторону усиления экономической работы профсоюзов, а также проверки всех форм и методов ведения этой работы с тем, чтобы найти то новое, что необходимо в этой области выдвинуть в связи с особенностями данного периода времени.

---

[1]) Подчеркнуто мною. *Д. Г.*

[2]) Подчеркнуто мною. *Д. Г.*

Непосредственная самая последняя директива партии об усилении экономработы профсоюзов имеется в резолюции апрельского пленума ЦК 1928 года по вопросу «о шахтинском деле». Эта директива гласит:

«Предложить ВЦСПС обеспечить усиление экономработы во всех профсоюзах, особенно по линии участия профорганизаций в деле капитального строительства, в вопросах рационализации производства, проведения мероприятий по удешевлению себестоимости и руководства работой производственных совещаний. Партийные и хозяйственные органы обязаны оказать такое содействие профсоюзам в этой работе, чтобы на деле осуществить эту директиву».

Эта директива налагает известные обязательства и на профсоюзы, и на хозорганы, и на партийное руководство. Не в меньшей мере эти обязательства налагаются все растущей требовательностью рабочих масс по отношению к хозяйству и хозяйствованию.

Постановка вопроса об усилении экономической работы профсоюзов естественно вызывает вопросы о пределах вмешательства профорганизаций в дело хозяйственного руководства, о пределах ответственности за предприятия, трест, промышленность — хозоргана и профессиональной организации. Ответ на этот вопрос ясен: хозорган несет полную ответственность за врученное ему хозяйство. Полной ответственности должны соответствовать полные права в отношении осуществления хозяйственного руководства и хозяйственных мероприятий. На ряду с этим нужны только несколько иные методы хозяйственной руководящей работы (по сравнению с теми, которые у нас в большинстве случаев имеют место) в том направлении, чтоб она (руководящая хозяйственная работа) обеспечивала действительную возможность вовлекать массы в конкретное участие в хозяйственном строительстве.

Нужен также иной подход (чем у нас нередко бывает также на практике) в отношении ответственности профсоюзов за дело хозяйственного строительства и за его результаты. Можно ли снять ответственность с профсоюзов за шахтинское дело? На этом примере наиболее ясно видно, что нельзя с них (профсоюзов) снять ответственность не только за то, что в Шахтинском районе попирались материальные, бытовые и правовые интересы рабочих, не только за то, что профсоюзы плохо защищали непосредственные интересы этих групп рабочих, но и за то, что было допущено, да еще в течение ряда лет, организованное вредительство контрреволюционных специалистов. За это повинны и отвечают не только хозяйственники, но и профсоюзы.

И следует ли снимать с профсоюзов ответственность за срыв капитального строительства, за плохую работу в области снижения себестоимости и т. д.? И за это известная доля ответственности должна ложиться на профсоюзные организации: эти задачи (рациональное проведение капитального строительства, снижение себестоимости продукции и др.) возлагаются на хозорганы непосредственно, а на профсоюзы—в области всемерного содействия этой работе, участия в ней, контроля за ней. Ответственность профсоюзов за дело хозяйственного строительства (хотя и не непосредственная) не должна быть только декларативной, а поэтому она требует энергичного развертывания той отрасли работы профсоюзов, которая направлена в сторону обеспечения влияния союзов на хозяйственную работу и хозяйственное руководство.

* * *

Состояние экономической работы профсоюзов в настоящее время можно было бы в общих чертах охарактеризовать следующим образом.

Массовая экономическая работа на предприятиях—работа производственных совещаний—развертывается все шире и начинает переходить на более высокую ступень в отношении своего содержания путем охвата более серьезных, крупных вопросов производства. Однако, размах работы производственных совещаний не соответствует росту рабочей инициативы, интереса и требовательности рабочих к вопросам производства, а характер и методы работы производственных совещаний не обеспечивают охвата и разрешения ими тех новых и сложных вопросов, которые выдвигаются в связи с реконструкцией и рационализацией производства. На ряду с этим практическое воздействие производственных совещаний на хозяйственную работу на предприятиях недостаточно.

Вся работа производственных совещаний на предприятиях, весь громадный опыт, который ими накопляется, ни в какой мере не используется в работе, проводимой руководящими профорганами. В результате участие руководящих звеньев профорганизаций в разрешении хозяйственных вопросов носит кабинетный характер, лишено необходимой инициативы, не несет на деле функций действительного контроля и действительного воздействия на работу хозорганов, принимает характер штампования всех хозяйственных планов, мероприятий, решений.

Вовлечение широких рабочих масс в экономическую работу на предприятиях явно недостаточно, а в руководящих профорганах почти отсутствует.

Роль профорганизаций в деле выдвижения хозяйственных кадров чрезвычайно слаба, согласование кандидатур на хозяйственные руководящие посты между проф- и хозорганами носит очень часто формальный характер.

Внимание в профсоюзах к экономработе слабо, эта работа не считается важной, руководство работой на предприятиях со стороны правлений союзов неудовлетворительно, аппарат, ведущий экономработу, слаб и недостаточно авторитетен.

Исходя из такой оценки, попытаемся поставить отдельные конкретные задачи.

* * *

Новый этап в хозяйственном строительстве (реконструкция, рационализация, капитальное строительство) должен внести новое в содержание и качество экономпрофработы. Серьезность и сложность хозяйственных мероприятий, гораздо большие опасности ошибок, просчетов требуют усиления контроля со стороны профсоюзов, постановки профсоюзами всех этих именно серьезных и сложных вопросов, умелой их проработки.

Еще XV партконференция признала очередной задачей производственных совещаний «переход к обсуждению и разработке более крупных вопросов, как-то: улучшение организации труда и производства всего цеха, всего предприятия, треста в целом и т. д., разлагая большие, сложные вопросы на ряд более мелких, частных, детально прорабатывая каждый из них в цеховых производственных совещаниях и в специально создаваемых комиссиях».

Определенно наметившийся переход производственных совещаний к более сложным, серьезным вопросам выражается на практике, в большинстве случаев, в обсуждении общих докладов, а не в детальной проработке отдельных конкретных мероприятий. Кроме того, вопросы реконструкции, рационализации, вопросы нового строительства конкретно еще очень мало разрешаются на производственных совещаниях. Мы имеем примеры, что на ряде крупных предприятий проводившееся там капитальное строительство проходило мимо производственных совещаний.

Нужно обеспечить, чтоб круг вопросов, связанных с проведением реконструкции производства, был вклю-

чен в работу производственных совещаиий. Для этого необходимо:

1) проведение хозорганами рациоиализаторских мероприятий по плану, составлеиие планов рационализации цеха, предприятия, по тресту, предварительное обсуждение этих планов производственными совещаниями и включение важнейших вопросов этих планов в планы работы производственных совещаиий;

2) обязательное установление связи производственных совещаний с бюро рационализации, которые в настоящее время организуются хозорганами;

3) включение в работу производственных совещвний вопросов капитального строительства.

Вовлечение рабочих в действительное обсужденне серьезных производственных вопросов, органнзация инициатнвы рабочих в постановке таких вопросов перед производственными совещаниями и хозорганамн упирается в недостаточный культурный и технический уровень рабочих масс. Нужно развернуть самую энергнчную работу за поднятие культурного н технического уровня в первую очередь рабочих кадров. Вечернне рабочие школы по повышению квалификвции, производствениые кружки на предприятиях и в клубах, распростраиение популярной литературы по вопросам техники, всемериое содействие росту изобретательства и организация нзобретвтелей на предприятиях, широко поставленная техническая консультация для рабочих — становятся в настоящее время абсолютно необходимымн мерами, без которых ие поставить рабочего контроля над производством и не обеспечить участия рабочих масс в обсуждении очередных н главнейших вопросов руководства хозяйством.

Как одно из необходимых условий поднятия на высшую ступень экономпрофработы и всемерного под'ема технического уровия рабочих, в настоящих условиях с особенной остротой встает вопрос о действительном вовлечеиии в экономическую профработу техников и специвлистов. Через ИТС профсоюзы должны привлечь специалистов к проработке хозяйственно-экономических вопросов, которая проводится правлениями союзов. Вовлечение специалистов в экономическую профработу является лучшим способом приближения их к рабочнм массам, является лучшнм путем создаиия нз ннх настоящих, преданных делу советских специалистов. Шахтинский процесс содействовал значительному перелому со стороны значительной части специалистов, приближеиию их к рабочим, к пвртии. Это дает возможность привлечь к работе в пронзводственных совещвниях действительно лучших, наиболее близких нам лиц нз технического персонала, которые примутся за зту работу не формально и смогут оказать громадную помощь в деле практического приспособления экономпрофработы к условиям реконструкции и рационализации производства.

Методы работы производственных совещаний должны быть полностью приспособлены к углубленной проработке серьезных, больших вопросов. Об этом говорится и в приведенной выше части решения XV партконференции. XV партконференция приняла также решение об организации на предприятиях временных контрольных комиссий, которые в течение сравнительно длительного срока на основе детального предварительиого изучения всех материалов и использования опыта широких кругов рабочих прорабатывают какой-нибудь один из основных, важнейших на данном предприятии вопросов производства. Метод работы ВКК, которые создаются временно и смогут охватить только отдельные вопросы, должно, в известной мере, применить к повседневной работе производственных совещаний. Вокруг производственных совещаний надо сконцентрировать работу создающихя теперь пока только на отдельных предприятиях специвльных организаций рабочих: рационализаторских групп, кружков изобретателей, ударных бригад и т. д. Все эти организации должны ствть подсобными органами производственных совещаний, обеспечивающими серьезное изучение вставших перед ними серьезных вопросов.

Однако, на ряду с разрешением серьезных коренных вопросов производства, производственные совещания не должны проходить мимо небольших конкретных вопросов, поднимаемых рабочими в цехах. Наоборот — чутко прислушиваться к каждому предложению, к каждому критическому замечанию рабочих, повседневно наталкивать рабочих на постановку вопросов и внесение предложений в связи с их повседневной работой и суметь всю эту массу рабочих предложений обсудить, оформить, продвинуть через производственные совещания—является не менее важной задачей, чем задача глубокой проработки серьезных вопросов рационализации. По мере роста культурного и технического уровня рабочих, по мере развертывания работы по рационализации производства все эти рабочие предложения будут все больше охватывать как раз те производственные вопросы, которые являются в настоящее время коренными.

Внимательнейшее отношение ко всем предложениям рабочих и охват нх работой производственных совещаний является главным орудием для вовлечения широких масс в разрешение хозяйственных вопросов. Экономработа профсоюзов имеет смысл только как массовая работа. Между тем в этом отношении наши достижения далеко не достаточны. Мы охватили в производственных совещаниях от 10 до 20% рабочих. Надо нметь при этом в виду, что эти 10—20%—не активные участники работы, а весь круг рабочих, который посещает совещания, собираемые подчас довольно нерегулярно и редко. Мы имеем несомненный разрыв между требовательностью и инициативой рабочих к вопросам производства и охватом производственными совещаниями этих требований и этой инициативы. В этом — одна из главных причин недостаточного охвата масс экономпрофработой на предприятиях.

Вовлечение масс в работу производственных совещаний особенно недостаточно в отношении новых слоев рабочих и вообще рабочих более низкой квалификации. Та прослойка рабочих, которая вовлекается в производственную работу является прослойкой наиболее старых и наиболее квалифицированных рабочих. Нужно со всей серьезностью представить, что вовлеченне в дело строительства нашей промышленности только верхушки рабочих (наиболее старых и квалифицированных рабочих) для нас абсолютно недостаточно. Инертность, пассивность в этих вопросах и в этой работе более отсталых слоев рабочих недопустимы. Необходимо через развертывание экономработы на предприятиях вовлечь в нее все слои рабочих. Для этого производственные совещания должны охватывать в своей работе вопросы, интересующие разные слои рабочих и выдвигаемые разными слоями рабочих. Производственные совещания являются подлинной школой социалистического строительства. В этой школе должны обучаться действительно широкие массы.

Привлечение широких масс рабочих тормозится недостатками постановки рвботы производственных совещаний в цехах. Наши профессиональные органнзацни очень медленно раскачиваются в отношении предоставления большей самостоятельности своим цеховым организациям. Линия на то, чтобы цеховые организации являлись только подсобными для общезаводских, в настоящее время уже не подходит—она была своевременна в тот период, когда мы только нвчинали развертывать работу в цехах. Между тем мы имеем в цехах подкомиссии общезаводских производственных комиссий, подчиняющиеся общезаводским комиссиям, не имеющие права выносить окончательные решения, работающие по плану, преподносимому

сверху. Помимо ограничения со стороны высших заводских органов, цеховые производственные совещания наталкиваются на недостаточность прав цеховой администрации. Все это в чрезвычайной мере ослабляет работу производственных совещаний в цехах, ограничивает их инициативу, отрывает их от разрешения всей массы цеховых вопросов, которые волнуют массу, которые массой рабочих выдвигаются. Нужно «раскрепостить» цеховые производственные комиссии и совещания, сделать их комиссиями при цехпрофбюро (а не подкомиссиями общезаводских организаций) и максимально развить их инициативу.

Нужно раз навсегда покончить с подменой производственных совещаний (массовых организаций) производственными комиссиями. Этот вопрос был поставлен III пленумом ВЦСПС еще в марте нынешнего года. Эта ошибочная постановка практической работы имеет чрезвычайно большое значение, так как она на практике извращает основное значение, основиую установку работы производственных совещаний. Одно дело—привлечь к содействию в работе хозорганов известные ограниченные группы актива и совсем другое дело—сделать сознательными и действительными участниками хозяйственного строительства, участииками массового контроля над хозяйственным руководством большие рабочие массы. Именно в последием—основная идея и главный смысл наших производственных совещаний, всей работы профсоюзов в области хозяйства. Первое является извращением основной идеи экономической профработы и ведет к тому, что мы не выполняем задачи превращения рабочих масс в подлинных социалистических строителей, отталкивая их (рабочие массы) в категорию просто «иаемиых рабочих» (таких ие должио быть в социалистической госпромышлениости), которым чуждо дело социалистического хозяйства, которые становятся «критиками со стороны».

Вот почему проблема действительного вовлечения масс в экономическую работу является такой важной. Она особенно важна теперь, когда в массах весьма заметно выросло и все растет стремлеиие активио участвовать в строительстве хозяйства.

Производствениые совещания нужно поставить в центре широко развернутой, если можно так выразиться, «производственной» общественности. Как ее развернуть эту общественность? Через производствеиную пропагаиду в клубах и красных уголках (как мы часто о ней забываем!), через стенгазеты, через организацию производственных смотров, конкурсов, перекличек, через организацию производственных кружков, рационализаторских групп и т. д. Нужно направить нннциатнву профсоюзов, организаций комсомола, парт'ячеек к широкому использованию всех этих форм работы, приспособленных к охвату и организации самых разиообразных групп и слоев рабочих. Вокруг производствеиных совещаний нужно с особым вииманием выращивать кадры производственного актива.

* * *

Недостаточно было бы расшевелить массы только на предпрнятиях. На основе активности масс, с участием масс должны строить свою экономработу и высшие звенья профсоюзов. Для этого прежде всего должен быть поставлен вопрос о том, чтоб вся экономическая работа районных, окружных, губернских и других об'единений профсоюзов вплоть до центральных комнтетов базировалась на той громадной работе, которая ведется на предприятиях, использовала повседневный опыт самых широких рабочих масс. Существует представлеиие, что экономработа на предприятиях, которую называют массовой экономработой, должна представлять собою вполне законченный круг и что экономическая работа высших звеньев профсоюзов, их участие в планировании, в разрешении вопросов работы трестов и т. д., которую не прннято называть

массовой экономработой, должна являться совершенно отдельной областью работы, не имеющей даже точек соприкосновения с производственными совещаниями на фабриках и заводах.

Такое представление абсолютно неправильио.

Одной из значнтельных причин разрыва между экономической работой низовых и руководящих органов профсоюзов является коренной недостаток в руководстве со стороны профсоюзов производственными совещаниями. Это руководство вообще слабо. Кроме того, оно идет только по линии организационной. Руководящие профорганы изучают цифровые даииые о посещаемости производствеиных совещаний, цифры о выполияемости предложений, изучают структуру произв. комиссий и совещаний, подсчитывают количество проведенных заседаннй, но не изучают работы производственных совещаний по существу содержания этой работы, того, какие именно вопросы и как обсуждаются, какие имеиио вопросы должны обсуждаться, какие вопросы выдвигают рабочие массы, какие производственные недочеты имеют место на данном конкретном предприятии и как производственное совещание борется с этими недочетами и т. д. Директивы профорганов о работе производствеииых совещаний (которых имеется не мало) ставят только общие организациоиные вопросы, ио не дают указаний по существу работы, ие ставят коикретиых вопросов о том, что и как надо обсудить, разрешить на конкретных предприятиях. Почти нет таких случаев, когда бы руководящий профорган помог производственному совещанию добиться проведеиия в жизнь конкретиого постановления этого совещания (несмотря на то, что директора предприятий иередко сваливают на трест вину за невыполнеиие целого ряда решеиий производствеииых совещаний).

Поворот в руководстве профсоюзов работой производствеиных совещаний—в сторону исправления указанного коренного недостатка—сразу мог бы связать руководящие профорганы с конкретной работой производственных совещаиий, обеспечил бы учет всего практического опыта работы производственных совещаний в области хозяйства.

Вооруженные этим практическим опытом, профессиональные руководящие организации смогут гораздо лучше осуществлять свое участие в работе треста, планнрующих органов, приинимать активиое участие в проработке промпланов, планов капитального строительства, контрольных цифр и выдвигать по своей инициативе и по инициативе своих иизовых оргаиов конкретные хозяйственные вопросы перед руководящими хозорганами, требовать исправления тех или иных их недочетов.

Участие профоргаиов в управлеиии производством, в разрешеиии хозяйственных вопросов происходит большей частью через многочисленные представительства правлений союзов в различные хозяйственные учреждения. Этих представительств чрезвычайио много, осуществляются они двумя-тремя работниками, ведущими в правлеиии экономработу, из которых каждый перегружен представительствами. Представители зачастую ходят на хозяйственные совещания для участия в разрешении серьезнейших хозяйственных вопросов, не будучи знакомы с этими вопросами, во всяком случае, без серьезного предварительного изучеиия вопросов.

Такая система работы явио ие удовлетворительна. Такое участие профсоюзов в разработке хозяйствеииых вопросов — почти фиктивиое участие. Нужно: 1) твердо определить круг хозяйственных вопросов, которые профорганы, в порядке осуществления своей обязанности принимать участие в хозяйственном руководстве и планировании, детально изучают, прорабатывают и при разрешении которых принимают активное участие, не останавливаясь пе-

ред сокращением числа этих вопросов за счет оставления действительно основных, важнейших.

Не ограничиваясь участием представителей-профорганов в работе хоз. организаций, 2) практиковать по отношению к ряду хозяйственных вопросов *предварительное обсуждение их на правлениях профсоюзов*, фиксируя при этом свои замечания, поправки к проектам хозорганов с тем, чтобы представитель профсоюза по ряду вопросов мог при разрешении их хозяйственными организациями отстаивать определенное мнение профессиональной организации.

3) Не останавливаясь перед сокращением числа представительств, повысить качество их работы, добиться, чтобы они были более компетентны, привлекая к участию в представительствах всех руководящих членов правлений.

В целом ряде случаев такие вопросы, как промфинплан, контрольные цифры, план капитального строительства нужно широко обсудить предварительно на производственных совещаниях на предприятиях (в частях, охватывающих данное предприятие) с тем, чтоб обсуждать эти вопросы в руководящем профоргане, имея мнение низовых организаций.

Обеспечение такого участия профсоюзных организаций в разрешении хозяйственных вопросов требует *соответствующего приспособления к этому порядку нашей плановой работы*. На практике профессиональные работники почти всегда получают материалы по хозяйственным вопросам, в обсуждении которых они участвуют, либо непосредственно на заседаниях в хозорганах, где эти вопросы решаются, либо, в лучшем случае, за день-два до разрешения этих вопросов. Даже одному работнику профсоюза, представителю, нет никакой возможности оценить такие материалы и иметь о них свое мнение, не говоря о каком бы то ни было предварительном обсуждении внутри профорганизации. Это зависит от *серьезных недостатков в методах и технике нашей планово-хозяйственной работы*. Известно, что у нас планы нередко идут позади практической работы: уже половину года проработали— и тогда только поступает годовой план. Нужно подтвердить требование об упорядочении работы по планированию, выдвинутое апрельским пленумом ЦК [1]), также и вследствие того, что недостатки в этой области затрудняют привлечение широких масс и профорганизаций к участию в руководстве хозяйством, в планировании промышленности.

Участие профсоюзов и рабочих масс в руководстве хозяйством предполагает *реальное воздействие их на работу хозяйственных органов*. Это воздействие должно осуществляться не администрированием профорганизации в области хозяйственного руководства, не непосредственным вмешательством их в функции хозорганов, а выполнением самими хозорганами целесообразных решений и предложений производственных совещаний, рабочих производственных конференций, руководящих профессиональных органов. В этом отношении на практике дело обстоит далеко не так, как бы нужно было.

Первой причиной недостаточного реального воздействия, влияния профсоюзов на работу хозорганов является *неудовлетворительность предложений по хозяйственным вопросам, вносимых профорганизациями*.

У нас не мало разговоров идет о плохом выполнении предложений производственных совещаний. Целым рядом обследований за последнее время установлено, что на деле % выполненных предложений бывает значительно ниже того, который дается в официальных отчетах. Хозорганы признают

---

[1]) Резолюция пленума о «шахтинском деле» п. в, второй абзац. *Д. Г.*

выполненными целый ряд предложений, которые фактически не выполнены. Обследования не раз показывали также, что среди невыполненных предложений имеется большая часть предложений по наиболее серьезным вопросам. Нам думается, что одной из серьезных причин таких явлений надо признать то, что в результате плохой проработки вопросов многие решения производственных совещаний общи, неконкретны, а иногда и прямо невыполнимы. Приходилось не раз встречать предложения примерно со следующими указаниями: «обратить внимание»... «принять меры». Если не сказано, что, как и когда нужно сделать, то такому предложению грош цена. Хозорган может легко сообщить: «внимание обращено»... «меры приняты»... и проверить никак нельзя того, что неконкретно. С другой стороны, в результате плохой проработки вопросов выносятся предложения невыполнимые. Эти недостатки, несомненно, имеются, несмотря на то, что статистика показывает уменьшение количества отвергнутых хозорганами предложений производственных совещаний. Улучшение методов работы производственных совещаний, повышение качества этой работы, о чем сказано выше, сможет ликвидировать эту причину недостаточно реального воздействия производственных совещаний на работу хозорганов.

Что касается высших звеньев профорганизаций, то слабость их воздействия на управление хозяйством об'ясняется тем, что *практика экономработы в этом звене не обеспечивала инициативы профсоюзов в выдвижении каких бы то ни было новых вопросов перед хозорганами*, новых предложений в разрабатываемые хозорганами планы и проекты. Практика экономработы профсоюзных руководящих органов сбивалась нередко на приложение своего штампа, безоговорочного санкционирования всей работы хозорганов.

Мы почти не встречали случаев, чтоб профорганизации сигнализировали бесхозяйственность, крупные просчеты, прорывы на фронте капитального строительства, и еще меньше случаев, когда бы профсоюзы вынудили конкретные предложения, как исправить конкретные недостатки в хозяйственной работе.

На практике при участии в рассмотрении контрольных цифр, промфинпланов профорганизации обращали внимание только на фонды зарплаты, фонды по жилстроительству и т. п., из областей выполнения своих «защитных» функций, что необходимо делать, но чем недостаточно ограничиться.

Второй причиной недостаточно реального влияния профсоюзов на хозяйственное руководство является недостаточная настойчивость в проведении своих решений, *отсутствие* планомерно поставленной *проверки*, что очень важно, *отсутствие помощи руководящих проф. органов низовым организациям в деле воздействия на хозорганы*. Районные, окружные правления профсоюзов не помогают производственным совещаниям. Нет даже практики обращаться к высшим профорганам в случаях, когда не удается добиться проведения решений на месте.

Третьей причиной надо считать *недостаточную ответственность хозорганов* и в ряде случаев, особенно в цехах, *недостаточные их права*, необходимые для проведения мероприятий, в связи с решениями производственных совещаний и профсоюзов.

Нужно сделать одной из функций хозяйственного руководства проверку выполнения решений профорганизаций. СНХ должны контролировать в этом отношении тресты, тресты—предприятия, заводоуправления—цеха.

Ответственность хозорганов за невыполнение решений производственных совещаний, за волокиту при выполнении этих решений недостаточно у нас на практике регламентирована. Нет юридически оформленных мер воздействия на хозяйственных руководителей, пренебрегающих в своей работе решениями, предложениями рабочих.

Надо бы поставить вопрос об издании соответствующего закона. РКИ должна направить также свое внимание в эту сторону. Нечего и говорить о значении в этом отношении нашей печати.

Усиление реальной ответственности хозорганов, обеспечение ее соответствующими юридическими нормами невозможно, конечно, без необходимого разрешения вопроса о правах заводоуправления и цеховой администрации, которые обеспечивали бы этим хозяйственным органам возможность проводить в жизнь целесообразные предложения рабочих. В условиях громадного роста инициативы рабочих мы имеющимися методами хозяйственного управления прямо зажимаем инициативу непосредственных руководителей предприятий, цехов. На ряду с тем, что этот вопрос не разрешен в достаточной мере для всей промышленности, мы имеем в отдельных отраслях прямо-уродливую централизацию в этом отношении. Можно указать на железнодорожный транспорт, каменноугольную промышленность. И в отношении этих отраслей вопрос об известной децентрализации управления, о предоставлении необходимой хозяйственной самостоятельности предприятиям поставлен. Нужно более настойчиво, решительно взяться за разрешение этих вопросов. Обстановка настоящего времени, тот этап хозяйственного строительства, который мы теперь переживаем, с достаточной настойчивостью ставит эти вопросы. Возможность развертывания хозяйственной инициативы каждого непосредственного хозяйственника-руководителя, которая сможет и будет питаться напором инициативы широких рабочих масс и их организаций, абсолютно необходима.

Реальное воздействие со стороны рабочих масс на хозяйственное руководство внутри предприятий обеспечено развертыванием работы производственных совещаний. Экономработа профсоюзов, которая, с одной стороны, должна обеспечить руководство работой на предприятиях, с другой стороны, должна держать под контролем работу высших хозяйственных об'единений—трестов и т. д. Влияние на работу трестов не должно итти т о л ь к о из профсоюзного руководящего аппарата. Нужны еще другие организационные формы экономработы, охватывающие хозяйственные вопросы трестовского и бо́льшего масштаба. Эти организационные формы должны быть приспособлены к вовлечению широких масс рабочих.

Опыт производственных рабочих конференций в масштабе треста отрасли промышленности имеет в этом отношении громадное значение. Мы видим из года в год расширение применения этого опыта.

Кроме производственных конференций, надо считать целесообразным выдвинуть вопрос о создании в р е м е н н ы х р а б о ч и х к о н т р о л ь н ы х к о м и с с и й п р и т р е с т а х и соответствующих правлениях профсоюзов. Избирать такие ВКК целесообразно на соответствующих производственных конференциях. Работать они должны под руководством соответствующего профоргана. Эти контрольные комиссии могут брать на себя проработку не одного, а и двух, трех вопросов. Они могут вести свою работу и в течение более длительного срока, чем ВКК на предприятиях. Работу свою они должны строить также на основе привлечения масс и о своей работе должны отчитываться перед массами.

Это предложение о ВКК при трестах тем более вызывается жизнью в связи с тем, что у нас ликвидированы ревизионные комиссии хозорганов, в состав которых включались представители профорганизаций. Эти ревизионные комиссии должны были в известной мере осуществлять контроль (или, во всяком случае, содействовать осуществлению контроля) профсоюзов над хозяйственными организациями. О необходимости использования для этого представительства профсоюзов в ревизионных комиссиях сказано в резолюции XV партконференции. Однако, ревизионные комиссии, неприспособленные по своей структуре и методам работы к вовлечению масс, к действительному, живому контролю, оказались на практике излишними бюрократическими пристройками к хозяйственному управляющему аппарату и были ликвидированы.

* * *

Серьезной и имеющей громадное значение частью экономработы профсоюзов, сильнейшим рычагом влияния рабочих масс и профессиональных организаций на хозяйство и хозяйственное строительство является у ч а с т и е в в ы д в и ж е н и и и п о д б о р е х о з я й с т в е н н ы х к а д р о в и з р а б о ч и х.

Эта задача особо подчеркивалась всеми с'ездами и конференциями нашей партии, которые обсуждали вопрос о профсоюзах. Наша партия и рабочий класс имеют немалые достижения в отношении создания многочисленных кадров рабочих-хозяйственников. Тем не менее этот вопрос о кадрах хозяйственников в промышленности и продвижении на руководящую хозяйственную работу все новых и новых рабочих стоит и теперь перед нами во всей остроте. Так же остро стоит вопрос о создании кадров специалистов из рабочих, о правильном подборе специалистов на хозяйственные посты.

Нужно сказать, что за последние годы мы наблюдали весьма незначительные сдвиги в деле выдвижения новых рабочих на руководящую работу в промышленности и известное ослабление роли профессиональных союзов в отношении их участия в подборе хозяйственников.

Между тем, как раз за последний период у нас происходит массовое выдвижение рабочих на низовую непосредственную административно-хозяйственную работу внутри предприятий, в цехах. На каждом заводе, фабрике, имеются десятки вновь выдвинутых из рабочих мастеров, помощников мастеров, браковщиков, десятников и т. д. Нет достаточного внимания к этим низовым выдвиженцам, нет работы среди них по повышению квалификации и нет достаточно твердой установки на продвижение лучших из этих рабочих на действительно руководящую работу в масштабе цеха, предприятия, на руководящие посты в трестах. Эти вопросы необходимо поставить.

Необходимо, чтобы выдвижение рабочих стало первым делом профессиональных организаций и, в частности, производственных совещаний. Об этом не раз говорилось в партийных директивах. Между тем производственные совещания вплотную не подошли к выполнению этой задачи. Редко встретить случай, чтобы производственные совещания обсуждали конкретные вопросы о выдвижении, проявляли свою живую инициативу в этом отношении. В этом отражаются и общие недостатки работы производственных совещаний и неправильное партийное руководство. Дело выдвижения нередко целиком и непосредственно захватывают партийные ячейки и проводят его, не давая развернуться инициативе производственных совещаний и профорганизаций. Это—большая ошибка низового партийного руководства, которую необходимо исправить.

Низовые выдвиженцы-хозяйственники на предприятиях, растущий актив производственных совещаний, который квалифицируется на работе, приобретает хозяйственные навыки, хорошее знание производства, находятся вне поля зрения руководящих профорганов. Между тем р у к о в о д я щ и е п р о ф о р г а н ы д о л ж н ы у ч и т ы в а т ь, у ч и т ь и к в а л и ф и ц и р о в а т ь р е з е р в ы р а б о ч и х - х о з я й с т в е н н и к о в.

Мало того, профсоюзы должны для обеспечения своего действительного участия в формировании хозяйственных кадров и з у ч а т ь н а л и ч н ы е к а д р ы х о з. р а б о т н и к о в, оценивать их работу, иметь свое обоснованное мнение и вносить с в о и предложения о выдвижении, назначениях и перемещениях хоз. работников. Действительное систематическое участие профорганизаций в руководстве хозяйством обеспечит для них все необходимые возможности практически оценивать работу каждого хозяйственного работника.

Опираясь на учет, изучение хозяйственных кадров, на сплочение вокруг себя рабочих резервов для хоз. работы, профсоюзы должны на деле осуществлять свое право выдвижения хоз. кандидатур, обязательного инициативного участия в согласовании этих кандидатур. Для осуществления этого требуется опять-таки соответствующая твердая линия партийного руководства. Нередко партийные комитеты на практике подавляют инициативу профорганизаций в этом вопросе. Практика последующей после партийного решения записи в протоколах профорганизаций вопросов о назначении тех или других хозяйственных работников является прямым извращением партийной линии и партийных директив по этим вопросам. Предоставление широкой инициативы профсоюзу в деле участия в подборе хоз. кадров, предоставление им действительной возможности защищать перед хозорганами и партийными комитетами своих кандидатов, свои предложения не ослабит ни хозяйственного, ни партийного руководства.

На ряду с участием в выдвижении и подборе хозяйственных работников профорганизации должны считать серьезнейшей своей задачей участие в работе по реорганизации и улучшению управляющего хозяйственного аппарата.

Не меньшее значение, чем подбор людей, имеет система и методы работы, формы организации управляющего аппарата. И эти вопросы должны в достаточной мере обсуждаться в профорганизации. Из самого опыта повседневной практической работы профсоюзов в области экономических вопросов вопросы организации хозяйственного управления должны вытекать непосредственно.

* * *

Поставленные вопросы экономработы не осуществимы без необходимого внимания к кадрам работников, ведущих эту работу, к укреплению экономаппарата профорганизаций.

Непосредственно на предприятиях, на работе в производственных комиссиях растут эти работники. Нужно с величайшим вниманием относиться к отбору для работы в производственных комиссиях лучших товарищей, рабочих-производственников и отдельных специалистов. Дело дальнейшей квалификации этих низовых работников—серьезное. У нас еще весьма незначительна практика специальных курсов для работников производственных комиссий; выше говорилось, что руководство производственными комиссиями недостаточно хорошо поставлено, и потому не содействует квалификации и росту этих работников. Вопрос о специальной литературе для руководящего актива производственных комиссий и совещаний—также немаловажный вопрос.

В высших звеньях профсоюзов экономаппарат является частью тарифно-экономических отделов, которые главное внимание уделяют тарифным делам. По сравнению с общим количеством работников профаппаратов для этой работы уделяется самое незначительное число работников. Работа ведется нередко случайно, без достаточного участия руководящих органов—правлений союзов. Каждый профработник, освоившийся в вопросах хозяйства, обычно срочно выдвигается на хозработу. В связи с этим на экономработе в профсоюзах имеются недостаточно квалифицированные работники. Это понижает качество экономработы профсоюзов. Нужно изменить отношение к подбору этой категории работников в профсоюзах и поставить вопрос о создании самостоятельных экономотделов в профсоюзных аппаратах. Против этого возражают в виду того, что трудно оторвать экономработу от тарифной работы, что они тесно связаны между собою. Все отрасли работы профсоюзов достаточно тесно связаны между собою и соприкасаются одна с другой. Разделение аппарата на отдельные части, на отделы, вызвано необходимостью широко развернуть ту или иную отрасль работы, систематически ею руководить, готовить работников для этой отрасли работы, изучать ее опыт и т. д. С этой точки зрения организация самостоятельных экономотделов целиком себя оправдывает. Такой опыт проведен ЦК союза железнодорожников (пока только в ЦК) и дал положительные результаты в том отношении, что ЦК ж. д. выдвинул и детально разработал за последнее время ряд крупнейших хозяйственных вопросов, проявил свою инициативу в постановке вопросов и оказал свое конкретное влияние на хозяйственную работу НКПС.

Организация самостоятельных экономотделов поможет подобрать кадры работников из наиболее авторитетных профессионалистов на этот серьезнейший участок профессиональной работы, приблизит вопросы экономработы к профсоюзному руководству.

* * *

В заключение необходимо остановиться на задачах партийного руководства в связи с поставленными здесь вопросами. Во-первых, партийные организации должны добиться общего оживления экономработы профсоюзов. Этого требует рост запросов рабочих в этом отношении. На предприятиях должно происходить оживление работы производственных совещаний; где этого не будет, там парт'ячейка покажет свое неумение организовывать рабочую массу. Внимание парторганов экономработе в правлениях профсоюзов было до сих пор абсолютно недостаточным. Парторганизации не знают ни методов организации, ни размаха, ни эффективности этой работы. Надо к этой области работы профсоюзов подойти ближе.

Практическое партийное руководство экономпрофработой должно обеспечить полное приспособление этой работы: 1) к условиям реконструктивного периода в промышленности; 2) охвату этой работой действительно широких масс рабочих и 3) к обеспечению действительного влияния рабочих и профсоюзов на управление хозяйством.

В области партруководства хозяйством и хозяйственными работниками стоят следующие два вопроса.

Партия должна со всей настойчивостью учить хозяйственных работников работать с массами, использовывая опыт масс. Нужно возлагать ответственность за качество работы производственных совещаний не только на профорганизацию, но и на хозяйственника, который обязан участвовать в работе производственного совещания, вносить на его обсуждение определенный круг хозяйственных вопросов, помогать ему работать. Оценку хозяйственных кадров партия должна делать не только с точки зрения деловой хоз. квалификации, но и с точки зрения уменья вести свою работу с привлечением рабочих масс и профсоюзов.

При обсуждении хозяйственных вопросов парторганизациями абсолютно недостаточно учитывалось мнение профорганизаций. Парткомы и парт'ячейки заслушивают доклады хозорганов и нередко забывают о том, что соответствующие профорганизации должны быть в курсе этих вопросов. Нужно проверять не только работу хозорганов, но и проверять работу профорганизаций в области хозяйства.

При разрешении и обсуждении хоз. вопросов в парторганах, равно и при обсуждении вопросов о подборе хоз. работников нельзя допустить подмены парторганами профорганизаций. Это явление имеет место и в величайшей степени ослабляет экономработу профсоюзов, в то время как нам необходимо ее все больше усиливать.

Партийное руководство должно обеспечить максимальное развертывание инициативы руководимых партией пролетарских организаций. Если партийное руководство этого не добивается, оно—неправильное партийное руководство.

Л. Шацкин.

К вопросу о характере и движущих силах индийской революции [1]).

Нельзя сказать, что Индия уже переживает революцию. Но что дело идет к революции, показывают все последние события в этой стране: массовые демонстрации против комиссии Саймона, длительные и упорные стачки текстильщиков и железнодорожников, столкновения между рабочими и полицией (Мадрас, Кулькутта, Бомбей и т. д.), рост влияния революционных организаций и ряд других симптоматичных фактов. Относительное «спокойствие», наступившее после поражения массовых движений 1919—1922 годов, сменилось новым нарастанием революционного прибоя. «Жемчужина британской короны» может уже в недалеком будущем стать ареной событий, не менее важных, чем великая китайская революция. Хотя никто не может предсказать сроков, необходимо уже сейчас уделить величайшее внимание индийскому участку мирового революционного фронта.

Проблемы индийской революции настолько многочисленны и сложны, что их невозможно охватить в одной статье. Настоящий очерк, как показывает заглавие, ставит проблемы индийской революции лишь в их наиболее общей постановке, не освещая ни «текущего момента», ни тактических выводов, и может дать лишь предварительную наметку по ряду вопросов, которые нуждаются в более длительном и детальном изучении и, главное, в коллективном обсуждении.

I. Развитие капитализма в Индии.

«Англия разрушила все здание индийского социального порядка, и признаков нового строительства пока еще не видно»,—так в 1853 году определял Маркс результаты британского режима в Индии. Разрушив общину, на которой покоилось старое индийское общество, новые хозяева Индии в течение более полутора столетий считали одной из важнейших задач своей политики сохранение аграрного характера страны, недопущение развития туземной крупной промышленности. Индия должна была служить и служила источником сырья и рынком сбыта для текстильной промышленности метрополии. И, однако, несмотря на эту политику британского империализма, а в громадной степени,—как это ни странно звучит,—благодаря этой политике, под покровом английского владычества в Индии развились все основные условия, необходимые для возникновения промышленного капитализма.

Англичане застали в завоеванной стране значительно развитый торговый и ростовщический капитал, а в некоторых частях страны и крупных землевладельцев. Индо-британская торговля, на которой бешено наживались

[1]) Статья написана еще до последнего конгресса Коминтерна, но затрагивает ряд вопросов, которые дискуссировались на конгрессе.

английские купцы, с неизбежностью породила многочисленную туземную агентуру, целый класс индийских торговцев, ставших посредниками между иностранным империализмом и местным населением. Опираясь на мощь своих чужеземных хозяев, пользуясь полной беззащитностью и разорением индийского крестьянства и городской бедноты, они быстро обогащались, сосредоточивая в своих руках громадные капиталы. С другой стороны, просвещенные британцы не только восстановили разрушенную было в первый период завоевания крупную земельную собственность, но распространили ее на большую часть страны, создав обширный класс крупных помещиков. Хищническая эксплоатация земледельческого населения явилась источником обогащения этого класса. И, наконец, на почве тройного грабежа трудящихся масс империалистами, торговцами и помещиками пышно расцвело ростовщичество, являющееся специальной профессией широкого слоя эксплоататоров, либо совмещаемое с торговлей или землевладением. Таковы три основных источника первоначального накопления капитала — этого первого условия возникновения промышленного капитализма.

Вторжение дешевых товаров ланкаширской промышленности привело к упадку широко развитого индийского ремесла, которое не в состоянии успешно сопротивляться конкуренции крупного машинного производства. Это обстоятельство повлекло за собой ряд последствий громадного значения. Вызывая, с одной стороны, возвращение части ремесленного населения городов и деревень к земледельческим занятиям, упадок мелкого промышленного производства означал в то же время полное отделение миллионов мелких производителей от средств производства, т.-е. их превращение в будущих пролетариев. Возвращавшиеся же к земледелию ремесленники усиливали относительное перенаселение деревни, пауперизацию крепостнически угнетаемого крестьянства, которое все более интенсивно выделяло из своих рядов миллионы разоренных, обезземеленных рабочих. Таким образом, эксплоатация крестьянства и конкуренция дешевых товаров породили второе основное условие возникновения промышленного капитализма — колоссальную резервную армию лишенных средств производства людей, единственным выходом для которых стала продажа их рабочей силы.

Упадок ремесла в то же время превращал городского и деревенского потребителя его продуктов в покупателя промышленных товаров. Прогрессировавшая товаризация прежде натурального и полунатурального сельского хозяйства, вовлеченного британским империализмом в мировой сельско-хозяйственный товарооборот, и разрушение домашней промышленности крестьянства расширяли область распространения этих товаров. Таким образом возникло третье основное условие развития промышленного капитализма — рынок сбыта товаров капиталистической индустрии, которым сначала воспользовалась почти исключительно промышленность метрополии, но который при известных условиях мог превратиться во внутренний рынок индийской крупной промышленности.

Для широкого развития капиталистической промышленности недостаточно наличие местных рынков, которые не могут обеспечить сбыта продуктов массового производства, каким является крупное капиталистическое производство. Однако, британский империализм в своих экономических и политических интересах создал в Индии национальный рынок, тем самым создавая базу для антибританского национального движения. На двух третях территории Индии, населенных четырьмя пятыми населения—в так называемых британских провинциях, он построил более или менее единообразную и централизованную систему администрации. Туземные князья, «правящие» остальной третью страны, крепко взнузданы индийским правительством и обладают неизмеримо меньшей самостоятельностью, чем сатрапы китайских провинций. Англичане об'единили единой таможенной

системой всю страну, в которой нет внутренних таможенных перегородок, в роде китайского ликина. Несмотря на разнообразие налоговых систем, размеры и методы сбора налогов в британских провинциях регулируются из одного центра на основе общеиндийского бюджета, что, конечно, не исключает широко распространенного вымогательства податных и прочих чиновников. Англо-индийское правительство ввело и регулирует общую почти для всей страны, хотя и отсталую, валютную систему. И что важнее всего, в интересах экспортно-импортной торговли и по стратегическим соображениям оно связало отдельные части страны, равной по своим размерам Европе без России, широкой сетью механического транспорта—морского флота и железных дорог, протяжение которых равно довоенной железнодорожной сети Германии. По этому поводу надо напомнить пророческие слова Маркса: «Коль скоро в систему путей сообщения страны, имеющей уголь и железо, введена машина, то уже невозможно задержать ее развитие. Железнодорожная система в Индии предшествует возникновению современной промышленности».

Уже во второй половине XIX столетия «естественная» тенденция развития производительных сил страны по капиталистическому руслу начала пробивать бреши в той стене, которую воздвиг на пути такого развития британский империализм, опиравшийся на товарную интервенцию, обусловленную системой свободной торговли. Но понадобились еще три обстоятельства всемирно-исторического значения для того, чтобы отдельные ручейки превратились в широкий поток промышленно-капиталистического развития.

Во-первых, Англия, как и другие передовые капиталистические страны, перешла в фазу современного империализма, которая характеризуется не только вывозом готовых товаров, но и вывозом капитала.

Хотя львиная доля этого экспорта капитала приходилась (например, в 1922 и 1923 гг.) на правительственные займы, которые в свою очередь тратились главным образом на покрытие непроизводительных расходов, а затем на железные дороги и ирригацию, однако, не один десяток миллионов фунтов стерлингов ввезенного в Индию за последние десятилетия британского капитала был вложен в промышленность.

Таким образом сам британский капитал в противоречии со старыми традициями английской политики в Индии стал развивать в стране крупную промышленность, что уже являлось предпосылкой некоторых новых моментов в британской политике. Даже та часть британского капитала, которая вкладывалась не в промышленность, а в торговлю, железные дороги, ирригацию, транспорт и банки, в конечном счете способствовала созданию условий, необходимых для развития промышленного капитализма.

Если уже до войны оплаченный капитал всех иностранных, т.-е. главным образом британских, акционерных компаний (не только промышленных, но и торговых, страховых и др.) в Индии равнялся 200 миллионов фунтов стерлингов, то в 1920—21 гг. он составлял 500 милл. фунтов стерлингов.

Во-вторых, не меньшее, если не большее, значение для развития промышленного капитализма в Индии имела мировая война. Англия лишена была возможности снабжать Индию достаточными массами товаров как потому, что ее собственная промышленность работала на оборону так и потому, что передвижения ее торгового флота были сильно затруднены подводной войной. С другой стороны, потребность в военном снаряжении и неудобства перевозки его из самой Англии на восточные фронты (Месопотамия, Восточная Африка и др.), а также необходимость обеспечения в военном отношении индийского плацдарма Британской империи сыграли немаловажную роль в развитии индийской промышленности.

В-третьих, политические соображения толкали Англию в сторону экономических уступок индийской буржуазии, дабы заручиться ее поддержкой в борьбе против подымавшихся народных масс, разбуженных войной и ее последствиями. События 1919 — 1922 годов показали правильность политического расчета британских империалистов и оказали громадное влияние на их политику.

Британский империализм перешел от свободы торговли и акциза на предметы индийского производства, к ввозным пошлинам на готовые фабрикаты и вывозным пошлинам на некоторые виды сырья. Акциз на хлопчатобумажные изделия был отменен. В некоторых производствах (железнодорожные вагоны и др.) были введены покровительственные премии.

В результате всех этих обстоятельств индийская крупная промышленность во время и после войны сделала громадный скачок вперед. Доля импорта в потреблении хлопчатобумажных товаров понизилась с 58,5% в 1913—14 г. до 34% в 1926—27 г. Продукция тканей выросла за тот же период в миллионах ярдов с 1.164,8 до 2.258,7, а экспорт тканей в миллионах ярдов увеличился за то же время с 112 до 230. Количество станков в джутовой промышленности выросло с 36.050 в 1913—1914 г. до 41.588 в 1920—21 г. Добыча железной руды поднялась с 492.669 тонн в 1913 г. до 1.445.613 тонн в 1924 г., продукция чугуна с 204.000 тонн в 1913 г. до 900.000 тонн в 1925—26 г., продукция стали с 55.000 тонн в 1912—13 г. до 450.000 тонн в 1925—26 г. Добыча угля повысилась с 16.208.000 тонн в 1913 г. до 22.628.000 тонн в 1919 г. (1926 г. дает сокращение до 19,9 миллионов). Сокращение импорта текстильных машин с 50.437 тонн в 1913 г. до 34.966 тонн в 1925 году при одновременном бурном росте количества ткацких станков и веретен на текстильных фабриках свидетельствует и о некотором развитии машиностроительной промышленности, по поводу которого, однако, точных данных мы не имеем [1]).

Нет сомнения, что капитализм проникает и в индийское земледелие, хотя его развитие в области сельского хозяйства натыкается на еще большие препятствия, чем в промышленности, и хотя об этом существует очень мало прямых указаний.

В мировом с.-х. производстве Индия стоит на первом месте по количеству голов скота, на втором—по производству риса и хлопчатника, на третьем (после С. Ш. С. А. и довоенной России)—по производству пшеницы. Экспорт Индии был и, несмотря на повышение удельного веса продуктов промышленности за последние полтора десятка лет, остается преимущественно сельскохозяйственным экспортом. Вывоз риса до войны [2]) составлял 2.440.000 тонн и, сократившись во время войны, поднялся в 1922—23 г. снова до 2.308.000 тонн. Вывоз пшеницы, резко сократившийся во время и особенно после войны, составлял до войны 1.308.000 тонн в год. Сырой джут вывозился до войны в количестве 764.000 тонн, претерпев некоторое сокращение во время и после войны (особенно в период послевоенного бума в индийской промышленности). Вывоз хлопка, составлявший перед войной 430.000 тонн, достиг в 1922—23 г. 600.000 тонн. Соответствующие годы дают для масличных семян 1.453.000 тонн и 1.177.000, для чая—266 милл. фунтов и 288. Для того, чтобы учесть влияние экспорта на индийское сельское хозяйство, надо принять во внимание, что годовая сумма всего вывоза из Индии увеличилась с 1885—86 по 1923—24 гг. на 458% [3]). При чем, как следует из вышеприведенных цифр, растет удельный вес экспорта хлопка.

---

[1]) Приведенные здесь цифры о развитии индийской промышленности заимствованы главным образом из статьи Регбоуна в № 1 журн. «Мировое Хозяйство и Политика», 1928.

[2]) Все цифры довоенного вывоза с.-х. продуктов представляют среднюю цифру годового экспорта за период 1909—1914 годов.

[3]) Цифры индийского экспорта приведены по книге Дингельштедта «Аграрный вопрос в Индии», «Прибой», 1928.

Наряду с ростом внешнего рынка рос *и внутренний рынок сельскохозяйственных товаров*. Правда, % городского населения увеличивается в Индии крайне медленно (с 9,5% в 1891 г. до 10,2% в 1921 г.), но зато быстрым темпом растут крупные города, которые, конечно, представляют гораздо более широкий и концентрированный рынок для продуктов сельского хозяйства, чем отсталые средние и мелкие города. Рост крупной промышленности означает рост внутреннего спроса на продукты сельского хозяйства, в частности на продукты товарных технических культур.

В то же время давление и рост налогов, арендной платы и задолженности создают в крестьянстве колоссальную потребность в деньгах, заставляющую его увеличивать производство на рынок.

В этих условиях неизбежно развивалось *торговое земледелие* и на этой почве *специализация* отдельных районов на производстве отдельных технических культур, что представляет собой такую ступень вовлечения сельского хозяйства в рыночной оборот, которая ставит на очередь изменение способа производства, необходимое для покрытия возрастающего спроса.

Количество *крупных предприятий в сельском хозяйстве* невелико—подавляющее большинство помещичьих земель сдается в аренду крестьянам, а часть помещичьих хозяйств обрабатывается барщинным трудом. Но все же в Индии распространено капиталистическое плантационное хозяйство, в которое вложены большие английские капиталы. Особо широко развито плантационное производство чая. Количество рабочих на всех плантациях равнялось в 1921 г.—818.000, что составляет громадный % в общем составе индийского пролетариата крупных предприятий.

О капиталистическом расслоении крестьянства свидетельствует ряд признаков, весьма неполных [1].

Прежде всего, *различия в землепользовании*. Так, например, в бомбейском президентстве количество владений ниже 5 акров составляло в 1921—22 г. 1.041.245, от 5 до 15 акров—640.232, от 15 до 25 акров—266.378, от 25 до 100 акров—260.559 и свыше 100 акров—37.486, при чем надо отметить, что в бомбейском президентстве помещичье землевладение развито слабо. Землепользование первых двух категорий распространялось на 8.385.000 акров, а все категории выше 15 акров занимают площадь земли в 26.098.000 акров. Средний размер землепользования низших категорий падает, средний же размер землепользования высших разрядов (за исключением наивысшей группы имеющих свыше 500 акров) растет. Типичная (по словам Джевонса) деревня Соединенных Провинций дает такую картину землепользования: менее 5 акров—138 владений, от 5 до 10 акров—24, свыше 10 акров—11. В Пенджабе диференциация землепользования выражается в таких цифрах: 3.000.000 владений имеют в среднем по 7 акров, 300.000—по 18 акров, 100.000—по 35 акров и высшая группа (по 150 акров)—7.200 [2]). По данным, приводимым т. Сейгелем [3]), в том же Пенджабе, где распространено крестьянское землевладение, 17% владельцев участков ниже 1 акра имеют 1% занимаемой площади, от 1 до 5 акров—40,4% владельцев и 11% площади, от 5 до 15 акров—26,2% вл. и 26,6% площ., от 15—50 акров—11,8% влад. и 35,6% площади, выше 50 акров—3,7% влад. и 25,6% площади. Т.-е. 58,3% бедноты владеют 12% земли, 3,7% высшей группы—25,6% земли, а обе высшие категории, вместе составляющие 15,5% владельцев, имеют 61,2% земли. Надо сказать, что во всех этих данных не отделено помещичье землевладение от крестьянского и что вследствие развития внутрикрестьянской аренды фактические размеры крестьянских хозяйств часто не совпадают с размерами землепользования. Однако, эти данные, если откинуть самые высшие разряды владений, все же косвенно отражают некоторые процессы расслоения в крестьянском хозяйстве, особенно в районах, где помещичье землевладение распространено слабо (Бомбей, Пенджаб).

[1]) В этой статье лишь в ничтожной степени могли быть использованы весьма интересные материалы английской комиссии, исследующей в настоящее время положение сельского хозяйства в Индии.

[2]) См. упоминавшуюся уже книгу Дингельштедта.

[3]) Б. Сейгель, «Английские колонизаторы «лицом» к индийской деревне», журн. «На Аграрном Фронте» № 10, 1926 г.

Исследования *о доходности* различных групп крестьянства имеются лишь по двум деревням бомбейского президентства, подробно обследованных д-ром Манном. Так, по деревне Ятегои 10 семей сводят свой годовой бюджет с плюсом в среднем в 232 рупии, 12 с плюсом в 8 рупий и 125 с дефицитом в 138 рупий. Менее яркая картина расслоения наблюдается в деревне Судагар: 8 семейств—плюс 85 рупий, 28 семейств—плюс 56 рупий, 67 семейств—минус 88 рупий. По Слэтеру бюджеты крестьянской семьи в мадрасской провинции колеблются от 240 до 4 600 рупий. В округе Тинневилли по четырехчленным семьям бюджету браминской семьи в 450 рупий противостоит бюджет семьи поллана (впавшего в рабство кредитору крестьянина) в 117 рупий.

О неравномерности *распределения скота и мертвого инвентаря* есть лишь немногочисленные сведения по двум вышеприведенным деревням, обследованным Манном. В Ятегоне из 147 семей имеют скот 110, а в Судагаре из 111 только 49. Простым деревянным плугом владеет менее половины хозяйств этих деревень.

Косвенным, но очень существенным показателем расслоения является быстрый *рост с.-х. кредитной кооперации*, участие в которой доступно главным образом зажиточным слоям крестьянства. В 1911—12 г. насчитывалось 8.177 обществ с 403.318 членами, а в 1920—21—43.091 общество с 1.765.925 членами. Сумма выданных ссуд за те же годы—27.051.000 рупий и 149.405.000 рупий. Общая сумма вкладов и акций всех кредитно-кооперативных обществ равнялась в 1920—21 г. 500.000.000 рупий.

Показателем расслоения крестьянства является также распространение *внутрикрестьянской аренды* такого типа, когда сдатчиками являются в первую очередь крестьяне, превращающиеся в с.-х. или городских пролетариев. О распределении с'емщиков крестьянской земли между разными группами крестьянства данных привести нельзя.

Наконец, индийская статистика насчитывает громадный класс *с.-х. рабочих*: 18,7 милл. в 1891 г., 41,2 милл. в 1912 г., 37,9 милл. в 1921 г. (сокращение вследствие изменений в способах статистического подсчета, а также голода и эпидемий). Эти 37,9 милл., из которых 21,7 милл. самостоятельных, статистика делит на 31.897.734 «полевых рабочих» и 6.027.183 «батраков на фермах». Тов. Сейгель, который отрицает существование сколько-нибудь значительного слоя с.-х. пролетариата в Индии, причисляет полевых рабочих, как правило, к безземельным пауперам, выброшенным из процесса производства. Однако, и он признает, что «небольшая часть» из них имеет временную работу на 3 месяца в году. Среди шести миллионов «батраков на фермах», очевидно, есть часть пролетариев, хотя значительная часть этих батраков, вероятно, представляет работников, впавших в кабалу. Кроме того, и громадная прослойка крестьян, ведущих свое хозяйство, вынуждена дополнять свой заработок работой по найму, о чем свидетельствуют многочисленные данные. Принимая во внимание, что крупного хозяйства помещики почти нигде не ведут, что плантационные рабочие не входят в число «полевых рабочих», как ошибочно полагает тов. Сейгель, а числятся в особой графе индийской статистики, приходится притти к выводу, что наемный

труд довольно широко распространен в крестьянском хозяйстве. О его применении различными группами крестьянства данных у нас нет, но ясно, что применение наемного труда связано с разницей в доходе, в величине надела и т. д.

Таким образом, расслоение в крестьянстве без сомнения началось. О том, насколько далеко зашел этот процесс, сказать ничего определенного нельзя в виду неполноты и неточности основных показателей расслоения. Но вполне очевидно, что капиталистическое расслоение индийской деревни натыкается на громадные препятствия.

II. Колониальный характер Индии.

Несмотря на наличие национального рынка и развитие крупной промышленности, Индия продолжает оставаться колониальной страной, зависящей во всех важнейших областях своей жизни от иностранного империализма. Правда, новейшее экономическое развитие этой страны создает могущественную базу для ее национального освобождения. Но говорить о процессе деколонизации неверно.

Индия, конечно, изменилась по сравнению с тем, чем она была в период домонополистического капитализма. Однако, она остается вполне колониальной страной эпохи империализма. Иностранное владычество в экономике и политике, беспощадная эксплоатация страны в пользу метрополии все еще являются основным фактором, определяющим жизнь Индии. Этот колониальный характер страны в конечном счете задерживает, несмотря на ввоз иностранного капитала, развитие производительных сил, развитие капитализма.

К о м а н д н ы е в ы с о т ы и н д и й с к о й э к о н о м и к и н а х о д я т с я в р у к а х б р и т а н с к о г о и м п е р и а л и з м а.

Регулирование в а л ю т ы производится англо-индийским правительством, не желающим допустить в этом деле сколько нибудь значительного участия индийцев, в интересах метрополии и зачастую в ущерб интересам народного хозяйства Индии. Фонд, гарантирующий курс рупии, находится в Лондоне.

Б а н к о в с к а я с и с т е м а находится на ²/₃, если не больше, в руках англичан. Имперский банк Индии (государственный банк) имел на 31 декабря 1922 г. 56 миллионов рупий основн. капитала, 43 миллиона запасного, 141 милл. правит. и общественных вкладов, 570 миллионов частных вкладов и кассовую наличность в 150 миллионов. 18 британских девизных банков со складочным и запасным капиталом на 31 дек. 1922 г. в 112,2 милл. ф. ст. и вкладами вне Индии в 527,3 милл. ф. ст., имели на то же число в Индии 733,8 милл. рупий вкладов и 161,7 милл. рупий кассовой наличности. На то же число 27 более значительных индийских акционерных банков имели основн. и запасн. капиталов 106 милл. рупий, вкладов на 616,3 милл. и кассовую наличность в 120,3 милл. (мелкие индийские акционерные банки обладают все вместе капиталом всего в 11 милл. рупий [1]). Таким образом, не только больше двух третей вкладов было в руках британских банков (государственного и девизных), но британские акционерные банки представляют гораздо более концентрированный капитал, и их мощная капитальная база за границей совершенно несравнима с финансовой базой туземных банков. Хотя капитал индийских банков и вырос с 1913 г. более чем в три раза, но в такой же приблизительно мере, в в абсолютных цифрах неизмеримо больше вырос капитал британских акционерных банков.

Британский империализм играет доминирующую роль и во в н е ш н е й т о р г о в л е Индии. Соединенное королевство во внешнеторговом обороте

[1] Проф. Б. Нарайн «Народное хозяйство Индии», «Москов. Рабочий», 1925.

Индии до войны имело долю, в среднем равную 40%, во время войны в среднем—42,2% и в 1921—22 г.—39,1%. Выше соответствующие цифры для Британской империи в целом—52,3%, 57,1% и 54,4%. Доля Британской империи в импорте составляла в 1921—22 г. 66,6%, а в экспорте 41% [1]). Само собой понятно, какое могущественное орудие в руках британского империализма представляет его роль во внешней торговле Индии. Тем более, что сама эта торговля в громадной степени сосредоточена в руках англичан. Большая часть импорта ввозится британскими купцами и финансируется британскими банками. В то время, как индийские акционерные банки (и государственный банк) финансируют внутреннюю торговлю, английские банки в Индии финансируют почти весь экспорт этой страны. Чтобы пояснить, о чем идет дело, надо иметь в виду, что внешнеторговый оборот Индии уже до войны равнялся 3,8 миллиардам рупий в год (из них вывоз 2,2 млрд. и ввоз—1,5 млрд.), а в 1921—22 г., когда курс рупии по отношению к фунту стерлингов установился уже на более или менее нормальном уровне, а индекс цен в декабре 1921 г. был равен 193, внешний товарооборот равнялся 5,2 млрд. рупий.

Почти весь морской т р а н с п о р т, соединяющий как Индию с остальным миром, так и отдельные части этой громадной страны, равной по территории Европе без России, находится в руках англичан. Следовательно, они же регулируют фрахт, имеющий первостепенное значение для торговли. Им же принадлежат индийские железные дороги, которые частью являются казенными предприятиями, а частью находятся во владении компаний с британским капиталом.

О соотношении британского и индийского капитала в п р о м ы ш л е н н о с т и нет исчерпывающих данных. Обычно приводится количество предприятий с индийскими и британскими директорами или владельцами, что лишь весьма косвенно отражает «национальный состав» капитала. Нарайн приводит таблицу такого распределения по некоторым провинциям, при чем неизвестно, входят ли сюда и казенные предприятия. Согласно этой таблице каменноугольные копи в Бенгалии, Бигаре и Ориссе имели по компаниям: 157 компаний—англичан-директоров, 48—индийцев и 38—лиц обеих рас, а из частных лиц англичанам принадлежало 15, а индийцам 299 предприятий. Однако, нет сомнения, что акционерные компании обладают гораздо более мощными капиталами, чем частные лица. По «металлам и машиностроению» (в том числе ж.-д. мастерские) по компаниям соответствующие цифры для Бенгалии и Мадраса таковы: 64, 3 и 4, а для частных лиц 8 и 15. Марганцевые рудники в Центральных Провинциях и Бераре: 19, 2 и 0, а для частных лиц 2 и 19. Прессование джута в Бенгалии: 49,5,1 и 25,108. Джутовые фабрики в Бенгалии: 54,0,6 и 1,1. Чайные плантации в Ассаме и Бенгалии: 743, 150,16 и 91,136. Ж.-д. заводы в Бомбее—17 англ. директоров, ни одного индуса, ни одной смешанной компании, а из предприятий частных лиц—6 английских и 11 индийских. Несмотря на косвенность этих данных, из них можно сделать вывод, что англичане почти монополизировали промышленность по обработке джута, что им принадлежит большая часть машиностроительной промышленности, что то же самое верно по отношению к чайным плантациям, что в каменноугольной промышленности им принадлежит львиная доля наиболее концентрированных и капиталомощных предприятий. Иначе дело обстоит с производством чугуна и стали, 72% продукции которых в Индии приходилось в 1919 г. на индийское предприятие Тата (Рет-

[1] Там же, стр. 133. Нам важно в этой связи показать, что британский империализм все еще является главным контрагентом Индии в ее внешней торговле. Если же рассматривать внешнюю торговлю Индии с точки зрения развития британской политики в этой стране, то надо прежде всего учитывать, что доля Англии в индийском импорте упала с 64% перед войной до 47,8% в 1926/27 г.

боун) [1]). Три крупнейших компании по обработке железа и стали, зарегистрированных после окончания войны с капиталом в 12 с половиной милл. рупий, зависят от британских фирм в Англии и Индии (Рой—«Будущее индийской политики», изд. «Плановое Хозяйство», 1926 г.).

О бомбейской хлопчатобумажной промышленности, производящей 57,6% всей пряжи и 58,5% всей ткани, Ретбоун приводит следующую таблицу:

	Число предпр.	Число веретен.	Число станк.	Капитал в рублях
Предприятия, управляем. англ. агентами: . . . (9)	27	1.112.114	22.121	98.885.415
Предприятие, управляем. индийск. агентами: . (32)	56	2.360.528	51.580	97.704.595

Таким образом, и в самой «национальной» отрасли промышленности—хлопчатобумажной, британский капитал играет немаловажную роль, и тут он концентрированнее индийского капитала.

Общее соотношение индийского и иностранного (в основном британского) акционерного капитала, занятого в промышленности, торговле, транспорте, страховании, таково: число индийских компаний возросло с 2.744 в 1913—14 г. до 4.708 в 1920—21 г., а их оплаченный капитал с 765,5 милл. рупий до 1.644,6 милл. рупий. За тот же промежуток времени число иностранных компаний, работающих в Индии, поднялось с 579 до 678, а их оплаченный капитал с 200 милл. ф. стер. до 501 милл. ф. стерл. Таким образом, британский капитал не только по абсолютным размерам в несколько раз превышает индийский, но, во-первых, темп его возрастания за указанные годы был быстрее и, во-вторых, он в несколько раз концентрированнее, а следовательно, и могущественнее, чем индийский капитал.

Так же цепко держит британский империализм в своих руках *государственную власть*. Куцые реформы 1909 и 1919 гг. не изменили того факта, что правительственный аппарат Индии является орудием колониального угнетения. Законодательные советы в центре и в провинции, выборные члены которых избираются 2% населения, имеют совещательные функции. Служилая индийская интеллигенция занимает в чиновничьей иерархии менее важные посты; решающие, командные посты занимают англичане. Командование в англо-индийской армии находится всецело в руках англичан. На 140.981 туземных бойцов в регулярной армии приходится 61.477 англичан. Войска особого назначения (32.700 чел.), предназначенные для подавления восстаний, состоят целиком из англичан [2]). Комплектование туземного состава армии производится с учетом племенных противоречий. Морской флот, крейсирующий у берегов Индии, сплошь английский, так же, как и воздушный флот.

Все эти командные высоты в экономике и политике британский империализм использует для эксплоатации Индии, для колониального грабежа.

Какова ежегодная сумма выкачиваемых англичанами из Индии доходов и прибылей показывает таблица Шаха и Комбата:

	В милл. рупий.	
Расходы в Англии	500	(сюда входят, очевидно, пенсии англ. чинови., платежи по индийск. долгу в Лондоне и пр.)
Прибыль иностр. капит. в Индии	600	
Фрахты иностр. парох. обществ	416	
Комиссионные банков	150	
Прибыль иностр. купцов в Индии	532	
	2.200	(или 146,5 милл. фун. стерлинг.)

---

[1]) Впрочем, по некоторым сведениям, в последнее время и эти фирмы попали под британский финансовый контроль.

[2]) «Реформа англо-индийской армии», статья В. Левина в журн. «Международная Жизнь» № 11 за 1927 г.

Государственный долг Индии в Лондоне равнялся в 1913/14 г. 177 милл. ф. стерл., а в 1922/23—242 милл. Правда, за время войны долг в Индии рос гораздо быстрее долга в Лондоне и обогнал его, но абсолютное возрастание долга в Лондоне, следовательно, и эксплоатация Индии британским империализмом продолжается.

В конечном счете *нажива английского капитала идет за счет трудящихся масс—рабочих, ремесленников и крестьянства*. Крестьянство обирается не только прямым земельным налогом, но и все возрастающими акцизами и другими косвенными налогами. Торговля, в которой продажная цена крестьянина далека, как небо от земли, от продажной цены экспортера, является мощным орудием колониального грабежа. *Для того, чтобы обеспечить свои сверхприбыли, британский империализм поддерживал и поддерживает целую систему феодально-крепостнических пережитков—в этом основное последствие колониального режима в Индии и его главная опора.*

III. Феодально-крепостнические пережитки и индийская деревня.

Наиболее ярким проявлением феодальных пережитков в Индии являются *туземные князья*, под властью которых находится более трети территории страны и 60—70.000.000 населения. Несмотря на то, что они полностью подчинены англо-индийскому правительству и работают под его контролем, эти туземные царьки пользуются еще целым рядом деспотических прав по отношению к населению их государств, грабеж которого является основой их богатств и общеизвестного расточительства. Большинство раджей, по словам Шейз, считает, «что государство—их вотчина, что его богатства—их богатства, что его жители—их рабы». Британский империализм не только контролирует этих князей, но и, начиная с половины XIX века, превратил их в своих союзников, в свою опору, в составную часть системы колониального владычества в Индии.

Однако, основным пережитком феодально-крепостнических отношений в Индии является *помещичье землевладение*, которое имеет в этой стране куда больший удельный вес, чем в дореволюционной царской России.

Настоящее крестьянское землевладение имеет небольшое распространение (главным образом в Пенджабе).

В тех районах британских провинций, где помещиков нет или их мало (бомбейское президентство, часть мадрасской провинции и др.), *само англо-индийское правительство выступает в роли крупнейшего помещика*. Это относится к его взаимоотношениям с той частью крестьянства, на которую распространяется система «райотвари». Эти «государственные» крестьяне формально не являются собственниками своей земли, они могут, отказавшись от земли, сложить с себя ответственность за платеж земельной подати. Они постольку собственники, поскольку их право владения наследственно, поскольку они могут это право владения, т.-е. фактически землю, продавать или сдавать в аренду. Государство взимает с них земельную подать, самый размер которой показывает, что здесь речь идет не об обычном налоге современной капиталистической страны и не о капиталистической ренте, а о ренте *докапиталистического* типа. Государство взимает с этого «свободного» крестьянина около 50% его чистого дохода в виде земельной подати. При чем, как пишет Дингельштедт, в то время как обычный уровень подати с помещика в районах, где последний платит раз навсегда установленную подать («постоянное

положение»), держится между 4 (Бигар) и 9 (Бенгалия) аннами[1]) за акр, обложение крестьянской земли редко падает ниже полутора рупий, а часто превышает две рупии. Однако, этим дело не ограничивается. В бомбейском президентстве и в мадрасской провинции, где распространена система «райотвари», кроме этой категории полуврендаторов-полусобственников, существует категория чистых арендаторов, которые уже имеют дело не с государством, а с арендаторами первого ряда. Сейгель пишет, что на 1.731.000 государственных арендаторов и 1.425.000 безземельных крестьян в бомбейской провинции приходится 1.765.000 субарендаторов, составляющих, таким образом, наибольшую группу земледельческого населения. Для мадрасской провинции соответствующие группы таковы: 5.395.000 государственных аренд., 4.603.000 безземельных и 3.253.000 субарендаторов. Какая часть государственных арендаторов превращается в эксплоататоров субарендаторов, живущих за счет труда этих последних, и какая сдает землю в субаренду из нужды,—сказать трудно.

Система райотвари охватывает по территории 48% площади Британской Индии по Рою[2]), 52% по Дингельштедту. Однако, по количеству населения на этой территории, равному 51.000.000 человек, она составляет всего 21%. Остальные 79% населения живут на территории помещичьего землевладения, из которого 39% подвергнуто системе постоянного, в 40% системе «временного положения» (в последнем случае размер земельной подати помещика государству установлен не раз навсегда, а пересматривается через каждые 20—30 лет).

Распределение по площади обложенной земли в Британской Индии таково (Нарайн): 144 милл. акров помещичьей земли обложено податью по системе временного обложения, 97 милл. акров помещичьей земли по системе постоянного обложения, 93¾ милл. акров—по системе райотвари. Таким образом, помещичья земельная собственность господствует в большей части Британской Индии, и под ее игом страдает не менее ¾, если не ⅘ крестьянства. В туземных государствах также преобладает помещичья собственность (Рой).

Общее количество людей, существующих за счет «земельной ренты» (т.-е. арендной платы), равно по последней переписи около 10.000.000 (сюда входят и семьи). Вероятно, в эту цифру включена и часть крестьян, сдающих свою землю в аренду либо для целей эксплоатации, либо по нужде. Но и помещичий класс в Индии обширен. На ряду с крупными помещиками-заминдарами и тулукдарами существует и широкий слой мелких помещиков-совладельцев крупных поместий, многочисленных посредников между помещиком и арендатором-крестьянином, ростовщиков, превращающихся в землевладельцев и концентрирующих земли разорившихся крестьян, а иногда и помещиков и т. д.

Этот помещичий класс входит в общую систему колониального грабежа Индии, в систему британского владычества. Больше того, он в громадной своей части возник в эпоху этого владычества, насажден чужеземными завоевателями. Правда, между землевладельцами и правительством есть отдельные противоречия на почве дележа награбленной с крестьянства добычи. Но они отступают на задний план перед тем «положительным» значением, которое имеет помещичий класс для британского империализма:

1) Заминдары представляют в отношении ¾ сельского населения фискальный орган правительства, который выколачивает из крестьянства земельные подати, поступающие в государственную казну прямо от помещика. Хотя роль земельных податей в общей сумме государ-

[1]) Анна = 1/16 рупии.
[2]) Рой, «Новая Индия», 1924.

ственных доходов и упала с 1870 до 1910 г. с 39% до 19%, но это падение роли земельной подати в общей сумме налоговых доходов проявляется уж не так резко (43% и 35%). Абсолютная же сумма земельной подати выросла со 173 милл. рупий в 1856—57 г. до 351 милл. рупий в 1920—21 г., при чем ее возрастание продолжалось и во время и после войны. Радикальное потрясение положения помещиков угрожает, таким образом, непосредственным фискальным интересам государства.

2) Заминдары представляют орган внеэкономического принуждения, давление которого является основой торговой сверхприбыли британского капитала. В этом их главная роль с точки зрения британского империализма. Торговая сверхприбыль составляет и еще будет составлять громадную часть колониальной наживы. Она превышает по меньшей мере в два раза сумму земельной подати. В основе ее лежит разница между продажной ценой крестьянина и продажной ценой экспортера (часть которой попадает, конечно, в руки туземного посредника). Помещичья эксплоатация является мощным орудием, заставляющим крестьянина увеличивать свое производство на рынок и, главное, выступать на нем в максимально-невыгодных условиях.

3) Заминдары, совладельцы, пересдатчики помещичьей земли и т. д. являются, начиная со второй половины XIX века, политической опорой британской власти в Индии на ряду с туземными государями. Чем больше росло и растет национально-освободительное движение, тем больше империализм нуждается в поддержке влиятельных слоев туземного общества. Обширный помещичий класс является аванпостом британского владычества в многомиллионном крестьянском море. С другой стороны, помещики не в состоянии были бы удержать свою власть над крестьянством без поддержки англичан, в руках которых находится политическая власть, вооруженная сила и т. д. Англо-индийское правительство неизменно выступало и выступает против крестьянских восстаний на стороне помещиков. А отдельные его попытки ограничить помещичий грабеж, не затрагивая его основ, неизбежно превращались в пустышку.

Взаимоотношения между помещиком и крестьянами основаны на аренде. Подавляющее большинство индийского крестьянства состоит из мелких арендаторов помещичьей земли. Эта аренда не имеет ничего общего с капиталистической арендой. По сути дела это—оброк, который крестьянин платит помещику за право пользования землей. О распределении натуральной и денежной аренды точных сведений нет. Сейгель утверждает, что преобладает натуральная аренда. Однако, по мере роста рыночных отношений в стране и деревне денежная аренда неизбежно вытесняет натуральную, как это было во всех странах со сходными условиями. Данные о размерах арендной платы расходятся между собой. Так, например, Рой считает, что «нормальная» арендная плата равна 35% чистого дохода крестьянина, но всякие поборы землевладельцев, грабящего крестьянина по всякому случаю (свадьба, рождение, смерть и т. д.), и вымогательства его агентов доводят этот процент до 75. Сейгель утверждает, что в Бенгалии землевладелец взимает с крестьянина половинную долю урожая, при чем оценка урожая производится агентами помещика. Сверх того взимаются все вышеуказанные поборы. Арендная плата непрерывно растет в том числе и там, где этот рост пытается задержать законодательство, вследствие ужасной земельной тесноты и монополии на землю.

Все возрастает парцелляция земли, наделы мельчают, составляя в среднем по британским провинциям 1,49 акра на душу сельского населения и 3,27 акра на работника. Мелкий и мельчайший характер землепользования и нищета задавленного гнетом крестьянства, которое в своей массе

недоедает, питаясь хуже заключенных в индийских тюрьмах, обусловливают крайнюю отсталость техники земледелия и препятствуют ее прогрессу. Это в свою очередь приводит к крайне низкой производительности труда индийского крестьянина. Этому способствует также тенденция к вытеснению постоянной аренды временной, которая более выгодна помещику. Так, например, в Пенджабе количество постоянных арендаторов возросло с 1872/73 до 1902/3 года с 379.000 до 940.000, а временных с 650.000 до 3.077.000. Индийское правительство пытается при помощи провинциального аграрного законодательства задержать этот процесс, увеличить устойчивость крестьянского землепользования. Несмотря на это, количество перепроданных (или переданных) земельных участков по Британской Индии, которое в 1901—1902 году равнялось 544.622 с площадью 4.464.000 акров, в 1909/10 г. составляло уже 1.122.245 с площадью в 5.419.000 акров. Эти цифры демонстрируют процесс экспроприации, обезземеливания индийского крестьянства.

Ярким явлением докапиталистического порядка является также невероятное распространение ростовщичества в индийской деревне, которое обычно совмещается с торговлей, иногда с землевладением, и тоже является одним из важнейших орудий давления на крестьянство, обеспечивающих торговые сверхприбыли британского империализма. В свою очередь ростовщичество обусловлено британским и помещичьим грабежом крестьянства. Насколько велик гнет ростовщика, показывает тот факт, что история индийского крестьянского движения знает восстания, специально направленные против ростовщиков. Проценты, взимаемые ростовщиками, различны по разным районам, но, начинаясь в виде редкого явления с 9—10%, доходят до 100 и выше. Широко распространены ссуды под залог земли, которую все больше прибирают к своим рукам ростовщики. В Пенджабе, который англичане называют «крестьянским раем», где существует в ряде районов крестьянская собственность на землю, задолженность одних только земельных собственников, не считая арендаторов, выросла с 1.610.000 рупий в 1903—1907 годах до 5.410.000 рупий в 1913—1917 гг. Редко можно встретить в индийской деревне крестьянское хозяйство, которое не находилось бы в долгу. В сравнительно благополучном по общим экономическим условиям Фаридпурском округе Бенгалии 45% всех крестьянских семейств имеют долги, а у 47% задолженных семей долг равняется половине валового годового дохода. В других местах дело обстоит гораздо хуже. На почве задолженности в разных округах (Чотанагпур в провинции Бигар и Ориса, отчасти в мадрасской провинции, в округе Гуджарад) возникло рабство, передающееся по наследству. Наследственные должники—камии, падиалы, дублы и др. являются частной собственностью кредитора и иногда даже продаются вместе с землей. Во всяком случае, ростовщичество представляет для индийского крестьянина не меньшее зло, чем помещичья эксплоатация.

К числу феодальных пережитков относятся и касты, отражающие разделение труда, установившееся в феодальную эпоху. Развитие капитализма в Индии все больше разрушает кастовый строй, остатки которого, однако, еще весьма велики и являются значительным препятствием для революционного об'единения трудящихся. Несколько десятков миллионов членов низших, «нечистых» каст все еще не считаются равноправными членами индийского общества. Англичане, действующие по принципу «разделяй и властвуй», под флагом веротерпимости, поддерживают разрушающуюся кастовую систему, освящающую бедственное положение трудящихся.

Не меньшим злом является индо-мусульманская религиозная рознь, всячески разжигаемая англичанами, желающими использовать 70.000.000 мусульман против индусского большинства индийского народа. Для этой цели они подкупают мусульманскую верхушку всякими привилегиями. Каких размеров достигает эта рознь, показывают события 1925—1926 гг., когда на почве индо-мусульманской вражды в ряде провинций происходила резня. Между прочим, нередко в этой реакционной форме проявляется противоположность интересов между помещиками и крестьянами, которые иногда принадлежат к различным религиозным общинам (Бенгалия, Пенджаб).

Таковы основные феодально-крепостнические пережитки, которые препятствуют развитию капитализма в Индии и ее политическому освобождению и каждый из которых так или иначе вплетен в систему колониального угнетения.

IV. О социально-экономическом содержании индийской революции.

Таким образом, все разговоры индийских народников о самобытном развитии Индии, о возврате к чарке (ручная прялка) и общине, которая, превратившись в преимущественно фискальный орган, сохранилась лишь в двух-трех провинциях, опровергнуты жизнью. Капитализм уже овладел промышленностью и проникает в сельское хозяйство. Однако, капиталистическое развитие Индии наталкивается на громадные препятствия, вытекающие из колониального характера страны и связанных с ним феодально-крепостнических пережитков. Развитие производительных сил Индии находится в оковах, освобождение от которых является экономическим содержанием индийской революции. Продукция хлебных злаков, выросшая непосредственно перед войной и во время войны, вернулась к старым цифрам 1906/7—1909/10 годов. В тот период средняя годовая продукция риса составляла 31,2 милл. тонн, в период 1918/19—1921/22 гг. мы видим ту же годовую продукцию—31,2 милл. тонн. Соответствующие цифры для пшеницы: 8,4 милл. тонн и 8,7 милл. тонн (последняя цифра равна средней годовой продукции периода 1902/3—1905/6 гг.), для остальных хлебных злаков—22,2 милл. тонн и 21,1 милл. Под посевом этих растений находится подавляющее большинство обрабатываемой земли. Продукция хлопка и чая растет, но производство джута в течение 16 лет стоит на средней годовой цифре 1,5 милл. тонн (рост промышленности по обработке джута возможен вследствие сокращения его экспорта в сыром виде). Число голов скота в 1921/22 г. было на 2 миллиона ниже, чем в 1914/15 г. (145 и 147,2 милл.). Таким образом, сельское хозяйство в Индии переживает застой.

А так как Индия, несмотря на развитие последних лет, остается по преимуществу аграрной страной, то этот факт имеет решающее значение для развития ее производительных сил. Состояние сельского хозяйства определяет состояние внутреннего рынка для промышленности, которая не может опираться на международный рынок, где она сталкивается с мощными, великолепно организованными конкурентами. А состояние этого внутреннего рынка характеризуется сокращением спроса на товары хлопчатобумажной промышленности. Потребление тканей в стране в миллионах ярдов составляло в 1913/14 г. 5.340,1, а в 1926/27 г. 5.163,5 (рост крупной хлопчатобумажной промышленности происходил за счет вытеснения импорта). «Индустан Таймс» от 30 дек. 1927 г. жалуется, что «до войны в Индии среднее потребление мануфактуры (один из главных предметов потребления) было 18 ярдов на душу населения. Теперь же оно сократилось до 10 ярдов». Насколько узок крестьянский рынок для других отраслей производства, показывает тот факт, что в 1923/24 г. ввезено было из Англии и

Америки тракторов всего на 291.000 рупий, плугов и борон на 134.000 рупий, а весь ввоз сельскохозяйственных машин и орудий не составлял даже 3% всего импорта машин в Индию. Ничтожный спрос сельского хозяйства на предметы производительного потребления неизбежно проявит себя, как весьма жесткая граница для развития промышленного капитализма в Индии. Причины этого положения коренятся в колониально-крепостническом угнетении страны.

Таким образом, *свержение империалиста, помещика и ростовщика является ближайшей задачей индийской революции, которая на первых этапах ее развития будет революцией буржуазно-демократической по своему социально-экономическому содержанию.* А осью буржуазно-демократического переворота в Индии является *аграрная революция,* которую невозможно отделить от *национально-революционной борьбы за независимость Индии.* Индийское крестьянство служит основанием той пирамиды колониального режима, верхушкой которого является британское владычество. Дальнейшее развитие производительных сил Индии упирается в аграрную проблему.

Это начинают все больше сознавать и англичане, которые заинтересованы в расширении внутреннего индийского рынка, как импортеры готовых товаров и как владельцы инвестированных в Индии капиталов. С другой стороны, крестьянские волнения и восстания, отличающиеся громадным упорством и ожесточением, заставляют империалистов уделять усиленное внимание аграрному вопросу. Все прошлые попытки улучшить положение в сельском хозяйстве (меры к увеличению устойчивости крестьянского землепользования, правительственная поддержка кооперации, жалкие ограничения ростовщической деятельности и т. д.) не оказали сколько-нибудь заметного влияния на положение основной массы крестьянства, ибо не затрагивали основных причин этого бедственного положения. Сейчас как-будто часть британской буржуазии начинает чувствовать необходимость более широких аграрных реформ. Теоретически не исключена возможность более смелой, чем до сих пор, попытки реформы в столыпинском стиле, попытки создания обширного класса богатых капиталистических фермеров за счет массовой экспроприации большинства крестьян. Такое компромиссное решение аграрного вопроса означало бы крайне медленный темп его решения и мучительный и длительный процесс вымирания индийского крестьянства. Однако, практическое осуществление даже такой реформы представляется нам маловероятным, ибо 1) значительная доля колониальных прибылей британского империализма связана и еще долгое время будет связана с нынешним земельным строем (не только земельная подать, но и громадная часть торговых прибылей), 2) создание широкого класса богатых фермеров затронуло бы в Индии в гораздо большей мере, чем в России, помещичье землевладение, удельный вес которого в Индии гораздо больше, чем в царской империи; создание широкого класса зажиточных фермеров-*собственников* в индийских условиях неизбежно и в значительной мере затронуло бы помещичью собственность, распространяющуюся на ¾ обложенной земли; создание же класса фермеров — капиталистических *арендаторов* — означало бы уничтожение докапиталистической ренты-оброка, т.-е. гигантское уменьшение доходов помещика, и 3) британскому империализму тем более невыгодно пойти на серьезную ссору с единственным своим вполне устойчивым союзником — помещиком, что связанная с такой реформой экспроприация громадного большинства крестьянства вызвала бы со стороны последнего отчаянное сопротивление, во главе которого неизбежно станет выросший за последние годы и численно и политически пролетариат, что грозило бы уже самым основам колониального режима. Эти обстоятельства определяют половинчатость, ублюдочность всех аграрных мероприятий британского империализма, его неспособность радикально решить аграрный вопрос. Вопросы землевладения уже выключены из круга работы королевской комиссии по сельскому хозяйству Индии, которая должна разработать проекты аграрных реформ. Не затрагивая основ помещичьего строя, нельзя решить аграрного вопроса в Индии.

Другой путь разрешения этого вопроса — крестьянская революция — гораздо более «выгоден» с точки зрения развития производительных сил, расчистки препятствий, стоящих на пути этого развития, и с точки зрения самого крестьянства. Такая перспектива — *перспектива плебейского решения аграрной проблемы за счет помещиков, империалистов и ростовщиков — наиболее вероятна, и на нее надо ориентироваться передовым пролетариям Индии.* Крестьянская война в виде ряда восстаний началась в 1919—21 гг. и не затихала в последние годы, хотя и не приняла еще размеров общенационального восстания. Эта крестьянская война ведется и будет вестись не за отдельные либеральные реформы, а за полную ликвидацию всех пережитков феодализма и крепостничества как индийского, так и британского, за полное уничтожение помещичьего землевладения, в том числе и государственно-помещичьего, за полное уничтожение ростовщической кабалы, за переход всей земли в распоряжение крестьянства.

Крестьянская революция сама по себе—буржуазно-демократическое движение так же, как и борьба за независимость Индии. Однако, дальнейшие перспективы индийской революции надо рассматривать в свете хода и перспектив мировой революции. Экономическое развитие Индии втянуло ее в систему мирового хозяйства. Общность главного врага—британского империализма—превращает буржуазно-демократическую революцию в Индии в составную часть мировой революции. Индийский капитализм начал свой крутой под'ем в эпоху умирания мирового капитализма. Поэтому индийская революция, расчистив пути развития от колониальных и феодальных препятствий, отнюдь на этом не остановится, отнюдь не должна явиться преддверием длительной эпохи развития индийского капитализма.

На II конгрессе Коминтерна тов. Ленин ставил вопрос: «Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать, то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (XVII, стр. 277).

Об'ективно-революционная ситуация в передовых капиталистических странах, наличие и укрепление Советского Союза—таковы основные условия, которые позволяют установить *перспективу будущего перерастания буржуазно-демократической революции в Индии в революцию социалистическую.* Эта перспек-

тива тем более реальна, что Индия относится к числу передовых колоний, с значительной промышленностью и пролетариатом и что буржуазно-демократическая революция может там победить только под пролетарским руководством. Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции будет также одним из основных условий ее перерастания в революцию социалистическую.

Темп такого перерастания будет определяться соотношением классовых сил как в самой Индии, так и в мировом масштабе, а в первую очередь и наиболее непосредственно ростом классового сознания и организации индийского пролетариата и полупролетариата. В ходе самой революции появится экономическая и политическая необходимость таких мероприятий, которые, не будучи искусственным «насаждением» социализма, будут переходом к нему.

(Окончание следует).

Дж. Т. Мерфи.

Имперская политика Англии и рационализация английской промышленности.

В течение нескольких месяцев на страницах «Рабочего Ежемесячника» («Labour Monthly») велась очень интересная дискуссия о «проблемах рационализации британской промышленности». Дискуссия была начата тов. Варгой и продолжена тт. Кэмпбеллом, Бернсом, Ратбоном и Доббсом. В дискуссии мало говорилось об отношении этой проблемы к Британской империи, но и это немногое имеет очень большое значение. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что только рассматривая проблемы рационализации, как составную часть британской имперской политики, определяющую перспективы Британской империи, мы сможем отдать себе полный отчет в том, что происходит в этой области и правильно оценить перспективы, вытекающие из этой проблемы. Мне кажется еще более важным поставить проблему именно на эту почву в виду дискуссии по колониальному вопросу на нашем VI мировом конгрессе.

В этой дискуссии наиболее горячо обсуждался вопрос о том, содействуют ли метрополии индустриализации колоний—не означает ли развитие финансового капитала поворот от «классической» имперской политики развития колоний, как источников снабжения сырьем и как расширяющихся рынков для метрополий, в сторону перенесения центра тяжести промышленности в целом (включая и тяжелую) из метрополий в колонии. Тт. Беннет и Ротштейн из британской делегации придали этой точке зрения чрезвычайно острые формы. Тов. Ротштейн заявил, что с появлением финансового капитала мы вступили в совершенно новый период, иллюстрируемый «наиболее классически и наиболее ясно на примере Великобритании, период превращения колоний сначала в конкурентов, а затем в источники застоя, вырождения и паразитизма стран-метрополий». Та же мысль господствует и в статье тов. Ратбона в вышеупомянутой дискуссии. В свете таких заявлений вся проблема рационализации в Англии в отношении к Британской империи приобретает характер первоклассной проблемы, за которую надо взяться теперь же. Поэтому я предполагаю в этой статье подытожить дискуссию наших товарищей и затем связать ее с имперской политикой развития.

Тов. Варга выдвинул следующие основные положения:

«Процесс рационализации развивается в британской индустрии». ... Мы думаем, что, несмотря на некоторые трудности, вытекающие из исторического развития британской индустрии... **широкая рационализация британской индустрии теоретически возможна**, что даже существуют некоторые факторы, более благоприятные для такого процесса, чем имевшиеся в Германии». Варга приводит следующие благоприятные факторы, облегчающие путь широкой рационализации:

1) Более низкая стоимость ссудного капитала, необходимого для реконструкции производства. В то время как германские капиталисты проводили рационализацию при помощи дорогого иностранного ссудного капитала, за

который они должны были платить 10% в год, Англия имеет достаточно своего собственного капитала для этой цели, который предоставляется индустриальному капиталу по низкой цене. 2) Имеется тенденция к снижению стоимости жизни рабочего класса. За последние два года, согласно официальным данным, которые могут быть слегка преувеличены, произошло падение на 15%. 3) Капиталисты надеются, что в союзе с лидерами трэдюнионов они проведут рационализацию без большого сопротивления со стороны рабочих, которые еще не оправились от поражения 1916 г. Лозунг «мира в промышленности» служит этой именно цели.

С другой стороны, неблагоприятные факторы таковы: «1) Малая величина и техническая отсталость многих предприятий в старых отраслях индустрии... В Англии надо предпринять гораздо более широкую реконструкцию наличного машинного оборудования, чем это было необходимо в Германии, чтобы достигнуть современного мирового уровня производительности. Это значит, что более значительная часть работающих предприятий должна быть прикрыта из-за «моральной изношенности». 2) Слабое развитие монопольных образований требует гораздо больших организационных улучшений, чем это было необходимо в Германии... 3) Утверждают, что главными препятствиями для индустриализации являются рентнерский капитал и финансовый капитал. Своеобразный способ финансирования и особые привилегии ссудного капитала являются якобы препятствиями. Но мы считаем совершенно невозможным, чтобы финансовый капитал воспрепятствовал рационализации. Прибыль, падающая на рентнерский капитал, есть часть прибыли, отрываемая от прибылей промышленного капитала. Едва ли можно присоединиться к мнению, что особые интересы этой разновидности капитала заключаются в разрушении промышленного капитала; это значило бы для нее лишиться источника своих собственных выгод. В то время как банковский капитал и ссудный капитал одержали победу над промышленным капиталом в вопросе дефляции, промышленный капитал победит в вопросе рационализации, которая является жизненным вопросом для индустриального капитала, а индустриальный капитал есть основа финансового капитала». «Таким образом, за исключением каменноугольной и части хлопковой промышленности нет непреодолимых трудностей на пути рационализации британской индустрии».

Тов. Кэмпбелл возразил Варге, что тот «переоценивает значение предпринятых рационализаторских мероприятий и недооценивает трудности рационализации, хотя он, несомненно, прав в отношении возрастающей необходимости рационализации для английских капиталистов».

В подкрепление этого положения Кэмпбелл приводит ряд аргументов и приходит к выводу, что «трудности на пути действительной рационализации английской промышленности до уровня наших главных конкурентов огромны, и хотя было бы ошибкой отрицать возможности рационализации, было бы одинаковой ошибкой переоценивать эти возможности, в особенности возможности рационализации, приводящей к временному периоду под'ема английской промышленности».

Тов. Кэмпбелл приводит следующие доказательства приведенного выше заключения: 1) «Английский капитализм может провести рационализацию только на основе полного признания тяжелых долговых обязательств, висевших, как жернов, на шее британской индустрии в последние годы. 2) Английская промышленность, развившись задолго до промышленности своих конкурентов, переобременена в настоящее время великим множеством небольших и сравнительно мало продуктивных производственных единиц в основных отраслях промышленности». 3) Крайняя специализация в ряде отраслей промышленности. Хлопок—хороший пример этого. 4) Сверхкапитализация в ряде руководящих отраслей промышленности. 5) Относительное большее значение торгового капитала в экономике Англии, в противоположность ее главным конкурентам. 6) Устарелая система землевладения, которая сковывает развитие промышленности в Англии по сравнению с ее конкурентами». 7) Дальнейшей трудностью, с которой столкнется наша переживающая депрессию промышленность, является то обстоятельство, что действительная консолидация и научное оборудование промышленности требуют значительных затрат. Однако, капитализм — производство для прибыли, и вряд ли капиталисты, несмотря на призывы к ним лидеров рабочей партии, вложат свои деньги в переживающие депрессию отрасли промышленности для того, чтобы рационализировать их до такой степени, чтобы они обеспечивали работающим прожиточный минимум».

Тов. Бернс выступает против Варги с категорическим утверждением о том, что «нет никаких оснований ожидать» временного улучшения в течение двух или трех лет, «пока будет проводиться рационализация». Наоборот, всякий действительный шаг в направлении рационализации примет форму прямого или косвенного сокращения продукции, снижения числа занятых рабочих и зарплаты. Все признаки свидетельствуют поэтому о постоянной тенденции к упадку английского производства, тенденции, нарушаемой только острыми кризисами, возникающими частью на почве сопротивления рабочих, частью в связи с противодействиями со стороны колоний и заграницы.

Обоснование этого утверждения тов. Бернс дает в следующих словах: «Английский капитализм не реорганизует в широком масштабе своего производственного аппарата, так как вследствие снижения размера накоплений находящийся в распоряжении капитал незначителен, а также по той причине, что свободный капитал ищет более выгодного приложения за границей или в «новых» отраслях промышленности. Это, однако, ни в какой мере не означает, что английский капитализм «согласится на свою гибель». Командующая сила британского капитализма — банковско-индустриальные группы—будет форсировать рационализацию, но не реконструктивного типа. Цель заключается в обеспечении более высокой прибавочной стоимости, а это может быть достигнуто многими способами, из которых при данных обстоятельствах главными являются следующие: 1) экономия путем организации совместных контор по продаже, установление квот и т. д.; 2) экономия в области зарплаты—более низкая зарплата, удлинение рабочего дня, ускорение производственного процесса, сокращение персонала и пр.; 3) экономия на непроизводительных расходах—сокращение затрат на социальные нужды, переложение налогов на рабочих, или стоимости вооружений на доминионы и т. д.; 4) продажа по ценам, превышающим стоимость, путем образования монополий, а по отношению к другим нациям—при помощи тарифов, имперского предпочтения и т. д...». «Концепция оздоровления торговли в два—три года оказывается, таким образом, совершенно иллюзорной. Каждая из вышеприведенных мер вызовет сжатие хозяйства. Каждая говорит против аргументов Варги. Вместо роста спроса на средства производства и вследствие этого большего спроса на рабочую силу и на продукты потребления, тип рационализации, возможный в английских условиях, предполагает падение спроса на потребительские товары и, следовательно, падение спроса на средства производства».

Затем вступает в дискуссию тов. Ратбон, говоря: «Рационализация невозможна для английского капитализма по причине колониальной эксплоатации, но именно колониальная эксплоатация является для английского капитализма стимулом для поисков новых колоний в целях эксплоатации, и именно эти поиски в современную эру монополизации всех годных земель на земном шаре неизбежно ведут к новой мировой войне».

Это рассужденне соответствует аргументам, прнводнвшимся тов. Ротштейном в дискуссни по колониальиому вопросу. Днскуссия освещалась уже в печати и нет надобности в более обширных цитатах.

Надо заметить, что все товарищн согласны, что рацноналнзация началась, но по-разному оценивают ее возможности. Английскне товарнщи особенно решительно подчеркнвают ограннченные возможности рациоиализации н очень скептически настроены по отношению к «двух- или трехлетнему улучшению положения британской индустрии». Что английский капитализм стоит перед лицом огромных затруднений, это бесспорно. Колоссальное бремя национального долга одно возлагает на страну тяжесть налогов в сумме 350 млн. фунтов стерлингов в год.

Точно так же фактом является и то, что Англия начинает рационализаторский процесс в его основных чертах в совершенно иных обстоятельствах по сравнению с ее главным соперником Германией н Америкой. Ни в одной из этих стран капиталнсты не сталкивались со старой системой фннансового капитала и с устаревшимн методами производства и торговли. Наличие в Англии более дешевого ссудного капитала ни в коей мере не уравновешивает тех преимуществ, какие имеет Германия по сравнению с Англией.

В Германии рационалнзация облегчалась инфляцией и большимн займамн в Америке и Англни. К тому же и условия выпуска займов, при налнчии сотрудннчества государства с уже существовавшимн крупными монополиями, были особенно благоприятны для наиболее планомерного проведения рационализации. Нельзя упускать из виду и то, что сопротивление рабочего класса было сломлено как предварительное условие классового сотрудничества, необходимого для действительного проведения капиталистической рационалнзацни.

С другой стороны, в Америке рационализация была не средством оздоровить н спасти от гибели находящуюся в состоянии упадка индустрню, а естественным спутнником развивающейся и расширяющейся индустрии.

Наоборот, Англия начннает рационалнзацию под давленнем депрессии в старых отраслях индустрии, колоссального долга, замедленного накопления капитала, усиленной конкуренции, колониальных восстаний, сопротивления рабочего класса—столь огромных трудностей, что, естественно, возннкает вопрос о «теоретической возможности широкой рационализацин британской промышленности». Однако, в мою задачу входит не ставить вопрос о «теоретической возможности», а разобраться в том, как английские капиталисты прнступают к выполнению своей задачи.

Необходимо установить некоторые предварительные условия рационализации английской индустрии. Во-первых, должен иметься в большом количестве свободный капитал, необходнмый для реконструкцин. Во-вторых, должен существовать рынок сбыта—нначе у капиталистов нет стимула к рационалнзации, и вместо попыток сделать что-нибудь с промышленностью метрополин, они могут предоставнть ее собственной участн н обратнть внимание на колониальные страны в целях развнтия нх нмперской мощи. Таковы в основном перспективы, рисуемые тт. Ротштейном н Ратбоном. Никто не оспаривает того факта, что Англия теряет почву на мировом рынке. Отсюда первейшая задача английского капнтализма, стремящегося выбраться из послевоенного кризиса, заключается в том, чтобы не только нзыскать средства для обратного захвата некоторых рынков, но н нскать новых рынков.

Отсюда вытекает вопрос, нмеющий весьма важное значенне: прнступил ли английский капиталнзм к расширению рынков одновременно с первымн попытками рационализацин или он взял курс, указанный вышеупомянутыми товарищами?

Однако, прежде чем приступить к этому вопросу, необходимо сделать иесколько замечанні о размерах свободного капитала. Согласно одному из последннх номеров «Таймса», накопленне упало в Англии с 16% иациональиого дохода до 12%. Цифры, относящиеся к экспорту капитала, столь же красноречивы. В 1911—13 гг. экспорт капитала составлял в среднем 161,5 млн. фунт. стерл. в год; в 1913 г. он упал до 137,5 млн.; в 1926 г.—до 101,6 млн.; в 1927 г. он опять возрос до 147 млн. за одиннадцать месяцев. Нет сомнення—этн цифры должны вызвать тревогу английского капнтализма. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что за последний год наблюдался значительный рост экспорта капитала. Мы отдаем себе отчет в возможности того, что значнтельная часть этого экспортированного капитала не есть подлинное новое накопление, но цифра 1927 г. знаменует собой все же поворотный пункт.

В то же время эти цнфры показывают, что английский капнтализм ни в коем случае не исчерпал своих ресурсов. Однако, свободные капиталы вовсе не представляют собою единую сумму, сосредоточенную в руках централизованной власти, осуществляющей контроль над промышленностью, которая настойчиво требует рационалнзацин.

Как указывали авторы, свободные капиталы могут быть прнвлечены прибылямн, которые будут извлечены из вложенных сумм. Поэтому в неблагополучные отрасли промышлеиности капиталы не устремляются, они притекают в процветающие отрасли.

Эти факты приводят к определенным выводам. Если ни государство, ни банки не приступают к решению проблемы переживающих депрессию отраслей индустрни, то рационализация на ее первых ступенях должна принять нные формы, чем те, которые требуют широких капитальных вложений. Она должна принять форму принудительной трестификации через банкротство мелких предприятий, закрытне нанболее отсталых производственных единиц, через развитие картелей нли торговых комбинатов, урезывание зарплаты, удлнненне рабочего времени, усиление эксплоатации. Первым следствием этого процесса является сужение об'ема производительных сил при одновременной интенсификации их операций, как средство для восстановлення накопленнй капитала в промышленности, в целях ее развертывания на более рационализированной основе. Таков действительно курс английской угольной промышленности в настоящее время! Соответствующнй план был разработан в отчете угольной комиссии в 1925 г. Такова же линия, проводящаяся н в хлопковой, шерстяной, железной и стальной индустрии, в судостроенни н машиностроительной промышленностн, то-есть в основных отраслях английской нндустрии, находящихся в наибольшем расстройстве.

Немедленным следствием этнх мер является, конечно, быстрый рост числа безработных, который может быть предотвращен единственно путем значнтельного расширення рынка. Правда, рационалнзация в новых отраслях индустрнн вылнлась не в этн формы, а в форму слняния предприятий, снабження нх нанболее современным оборудованием и применення научной организации производства.

Прнвлечение капитала в такие отрасли промышленности, как автомобильная, хнмнческая, электропромышленность, пронзводство нскусственного шелка не представляет никаких затруднений, и общепризнано, что перечисленные отрасли находятся на уровне конкурентоспособности по отношению к загранице.

Но на эти отраслн нет нужды обращать пристальное внимание. Факты хорошо известны, н дискуссия всегда возвращается к вопросу о положенин основных отраслей промышленностн. Какне другие меры применяют английские капиталнсты, чтобы облегчить путь рационализации этих отраслей? Указанные выше меры нельзя рассматривать, как «шнрокую рационалн-

зацию». Скорее они—предварительные меры для концентрации, сбрасывание мертвого груза путем закрытия устаревших предприятий, реорганизация надстройки и атака на рабочих.

Однако, принимаются и другие мероприятия, являющиеся частью широкого генерального плана правительства Болдуина. Достаточно вкратце ознакомиться с этим планом, чтобы убедиться, что это имперское правительство чрезвычайно озабочено положением промышленности метрополии и ни в коей мере не ведет политики превращения колоний и доминионов в новые центры для основных индустрий английского капитализма.

Необходимо напомнить, что первый послевоенный кризис английского капитализма принудил английских капиталистов, во главе с Ллойд-Джорджем, сделать уступки на всех фронтах: английским рабочим в вопросах зарплаты и рабочего времени, колониальным странам в направлении демократии и некоторых экономических уступок (различные мероприятия в Индии, доклад Монтегю и т. д.). Второй кризис последовал за капиталистическим наступлением 1921 г., которое привело к падению коалиционного правительства и к победе консерваторов. Это означало победу банков, начало капиталистических стабилизационных мероприятий в Англии и об'единение усилий в деле восстановления прежних имперских связей. Появление Болдуина во главе правительства, последовавшее после заключения долгового соглашения с Америкой, также показало, что у буржуазии, руководимой финансовым капиталом, возникли определенные планы. Эти планы, приводимые в хронологическом порядке, таковы:

Во-первых, долговое соглашение с Америкой, за которым последовали соглашения с европейскими странами, заключенные на таких условиях, чтобы платежи последних Англии покрывали английские платежи Америке. Во-вторых, сотрудничество с Америкой в плане Дауэса. В-третьих, имперская конференция, искусно выдвинувшая вперед тарифную политику, с одной стороны, и имперское предпочтение, с другой, как средства укрепления английской промышленности. В-четвертых, возвращение к золотому стандарту. В-пятых, подготовка к рационализации основных отраслей промышленности сначала путем разгрома трэд-юнионов, как органов борьбы рабочего класса, а затем через посредство реорганизации промышленности в соответствии с докладом угольной комиссии. В-шестых, акт о переоценке собственности, освободивший промышленников от налогов на сумму 10.000.000 фунтов в год. В-седьмых, бюджетные предположения на 1927 год, освободившие промышленников путем реорганизации налоговой системы от налогов в сумме 30.000.000 фунтов в год. В-восьмых, кампания «мира в промышленности» под руководством главы химического треста Монда.

Можно было бы перечислить много других фактов, относящихся к этому плану, но вышеприведенные являются наиболее важными. Эти мероприятия были рассчитаны на то, чтобы: а) удешевить промышленную продукцию, б) сломить сопротивление рабочих, в) сообщить толчок концентрации, г) заложить основу для нового капиталистического накопления в основных отраслях индустрии, д) облегчить расширение рынка внутри империи. Ни в одной из этих мер нельзя видеть ничего другого, кроме крайней заботы о промышленности метрополии.

Теперь возникает вопрос: утвердила ли имперская конференция эту внутреннюю политику с соответствующим отношением к вопросам рынка? Основную часть экономической программы конференции 1923 г. составляли вопросы о способах быстрого сообщения, как средстве об'единения империи в единое целое; о способах ускорения транспорта, об имперском предпочтении по отношению к товарам, произведенным в пределах империи, а именно: в отношении ввоза в колонии продуктов фабрично-заводской промышленности Великобритании и соответствующих льгот для ввоза в Англию из колоний фруктов, зерновых хлебов и сырья; планы эмиграции в доминионы—размещения эмигрантов не в индустрии, а в сельском хозяйстве.

Но ни одного слова не было сказано о перенесении тяжелой индустрии в Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, Индию, Египет и т. д. Имперская конференция 1926 г. была продолжением конференции 1923 г. За ней последовала отправка имперской делегации, и одна из наиболее важных речей в этом путешествии была произнесена Артуром Гендерсоном, который обратился к австралийцам с призывом не развивать отраслей индустрии, конкурирующих с Англией, и довольствоваться положением великой аграрной страны, снабжающей Англию предметами питания и промышленным сырьем, в то время как Британия доставляет всю фабричную продукцию.

Конечно, Гендерсон не одинок. Он представлял имперскую политику правительства и британского капитализма в целом. Это ясно из ходячих утверждений лидеров британского империализма. Лорд Мельчет (Монд), например, говорит в «Дейли Телеграф» от 31 июля 1928 г.:

«Я высказываюсь за создание имперской торговой комиссии, носящей совещательный характер и призванной разобрать весь вопрос о пересмотре таможенных тарифов. Комиссия должна обсудить и вынести решение об установлении имперского таможенного барьера таким путем, чтобы наилучшим образом оградить интересы каждой составной части империи. Таково должно быть первое приближение к идеалу имперского экономического союза. Основы новой политики должны заключаться в том, что Британия будет главным участником в фабрично-заводской промышленности, а разные доминионы и другие составные части империи будут главными участниками в производстве продуктов питания и промышленного сырья. По этой рационализированной программе каждая единица будет производить то, к чему она наиболее предрасположена экономически, и империя будет функционировать как наиболее действительное целое, которое когда-либо видел мир».

В том же номере газеты напечатана целая серия заявлений промышленников, требующих повышения тарифов в целях благоприятствования тяжелой индустрии, особенно в отношении железной и стальной промышленности. Тяжесть их жалоб показывает усиление борьбы не за перенесение индустрии в колонии, а за развитие индустрии в метрополии. Положение стало таким обостренным, что всего несколько недель назад консервативная партия, которая обязалась проводить таможенную политику в духе имперского предпочтения, оказалась в положении кризиса из-за огромного давления на правительство в направлении дальнейшего более быстрого продвижения на этом пути. Сторонники покровительственных тарифов говорили:

«В прошлом году Великобритания ввезла на 58.000.000 фунтов стерл. меньше хлопка-сырца и на 12.000.000 фунт стерл. меньше шерсти в сравнении с 1925 г. В довоенное время 70% мирового производства хлопковых изделий было сосредоточено в Британии. Этот процент упал ныне до 50. Очень показательно в этой связи то, что экспорт хлопковых изделий был на 2.881.000.000 метров меньше в 1925 г., чем в 1913 г. В целом экспорт хлопчатобумажных изделий за последний год уменьшился на 31.000.000 фунт. стерлингов по сравнению с 1925 г. Положение шерстяной промышленности обнаруживает такую же картину. Удивительно ли, что цифра безработных столь устойчиво держится на высоком уровне свыше 1.000.000? Теперь мы подошли к вопросу, который волнует умы промышленников: будет ли оказано покровительство основным отраслям индустрии и в особенности стальной? Здесь—картина наибольшей депрессии. В прошлом году Англия ввезла на 200.000 тонн больше, чем вывезла, между тем как до войны баланс в ее пользу составлял приблизительно 2.750.000 тонн. Если сравнить импорт

чугунных болванок и стали в 1927 г. с 1923 г., то мы получим изумительные результаты. В прошлом году импорт чугунных болванок и ферро-сплавов был в семь раз больше, чем в 1923 г.; слитков—в семь раз; полосового и листового железа—в пять раз; проволочных прутьев—в три раза; стальных полос—в четыре раза. В целом железных и стальных изделий ввезено было в три с половиной раза больше, чем в 1923 году».

Правда, требованию установления покровительственных тарифов противостоит требование международной отмены таможенного покровительства на основе принципов Женевской экономической конференции 1926—27 г. Но и те, кто борется за покровительственные тарифы на том основании, что международная отмена их—утопия, и те, кто выступает за их отмену, являются одинаково сторонниками восстановления основных отраслей британской индустрии, а не их перенесения за границу.

Теперь посмотрим, как эта политика проявляется в жизни империи. Я уже цитировал речь Гендерсона, высказавшегося против индустриализации Австралии. Но Британия не довольствуется речами, и Австралия становится ареной борьбы британских банкиров с американскими, расстраивающими английскую политику ограничения займов для австралийской промышленности. В настоящее время новая делегация находится на пути в Австралию из Англии. Ее цель—совместная выработка планов расселения английских эмигрантов и развития плодоводства и хлопководства.

Позиция английского правительства по отношению к индустриализации Южной Африки очень ясно видна из мер, предпринятых в прошлом году. Южно-африканское правительство предполагало учредить большие сталелитейные заводы с капиталом свыше 3.400.000 фунт. стерл. Нажим из Англии заставил правительство отказаться от этого плана.

Еще более иллюстрируется эта политика на примере Индии. За приходом правительства Болдуина к власти в конце 1924 г. немедленно последовали меры, ударившие по самым основам индийской индустрии. Одновременно были приняты меры по расширению индийского рынка для английских изделий. Правительство Болдуина назначило маркиза Линлитгоу, крупного землевладельца из Шотландии (слывущего экспертом в области сельского хозяйства), председателем аграрной комиссии, в состав которой входили полуфеодальный индийский лэндлорд ражда Панагал, два представителя интеллигенции, два—от английской бюрократии и индийских ростовщиков. Цель этой комиссии—не обсуждение реальных вопросов землевладения. Это исключено из пределов ее компетенции.

«В обязанности комиссии не входит давать заключения относительно существующей системы землевладения и аренды, а также арендных платежей и расходов на ирригацию».

Эта комиссия имеет целью содействовать экономической реорганизации британского империализма путем рационализации индийского сельского хозяйства. Вместо пользы для крестьянства, она скорее вгонит в нищету большое число крестьян. Это одно направление. Второе выразилось в решительном повороте против индийской индустрии. В 1924 г. при рабочем правительстве индийское законодательное собрание провело «Закон о покровительстве стальной промышленности», дававший сталелитейной индустрии таможенную охрану. Правительство Болдуина отменило покровительственные тарифы для стальной промышленности Индии и сделало попытку установить «имперское покровительство» для английской промышленности. Комитет Бальфура, отчитываясь по вопросу о покровительстве индийской стали, говорит:

«Таможенное покровительство железу и стали имеет жизненное значение для британских промышленников и повредит торговле... Индийское правительство не одобряет крайних мер покровительства... поскольку на

него возложена ответственность за охрану интересов широких слоев землевладельцев. Весьма вероятно, что после нескольких лет протекционистской агитации представители народа (главным образом, землевладельцы), придут к заключению, что не в их интересах искусственное стимулирование индустрии, стягивающей рабочую силу в крупные города, и что выполнение протекционистских требований промышленности повысило бы стоимость жизни по всей стране».

После всего этого нет ничего удивительного, что закон о «Покровительстве Стальной Промышленности» Индии был отменен в 1927 г. (март), а покровительственные тарифы были установлены для британской индустрии. С тою же целью правительство провело в жизнь «Билль о денежном обращении», подняв курс рупии на 12,5%, что было равносильно предоставлению 12,5%-го преимущества заграничным товарам. Эффект этих мероприятий не замедлил сказаться. Экспорт индийского железа и стали в САСШ упал с 156.000 до 40.000 тонн; в Германию — с 8.000 до 3.000 тонн. Закрылось несколько паровозостроительных компаний, и в течение немногих месяцев индийское правительство разместило ряд заказов в английских фирмах; 47 паровозов на заводах «Вулкан» в Глазго, 26 паровозов на заводах «Армстронг» и т. д. Экспорт марганца упал на 46.000 тонн, вольфрама—на 50%, хрома—на 40%. Кроме того, было заявлено, что правительство рассматривает вопрос о предоставлении заказа на 150.000 тонн цемента «Британским Цементным Компаниям».

Влияние этих тенденций на текстильную промышленность также заслуживает внимания. Текстильная промышленность являет особый пример этих противоречий империалистической политики. Нет спора, что развитие индийской текстильной промышленности оказало вредное влияние на ланкаширскую промышленность. Империалисты решили найти выход из этого положения. За Британией обеспечена монополия в области высокосортных изделий, дающих большую прибыль, и руководящее положение в производстве искусственного шелка. В то время как количественно импорт британских хлопчатобумажных тканей был меньше, стоимость его возросла с 331,25 млн. рупий в 1925 г. до 357 млн. в 1926 г. и до 351 млн. в 1927 г. Между тем при росте продукции индийских грубых изделий прибыли упали. Бомбейские фабриканты дают следующие статистические данные:

Индийская продукция хлопчатобумажных тканей

(в миллионах метров).

1913/14 г.	1.065
1921/22 „	1.610
1924/25 „	1.800
1926/27 „	2.060

Однако, динамика прибылей, наоборот, показывает, что текстильные фабриканты идут по пути к кризису.

Годы.	Прибыль в %
1920	10—46
1921	8,81
1922	3,56
1923	—1,28
1924	—2,42
1925	—1,87
1926	—1,88

Именно критическое положение индийских фабрикантов вызвало к жизни запретные пошлины, направленные против японской конкуренции. В этот же период ввоз искусственного шелка из Англии вырос с 1,3 млн. рупий в 1922—23 г., до 10,125 млн. рупий в 1927 г. И Ланкашир не упустил случая продвинуть вперед импорт своих товаров, подняв его на 5,95 млн. метров в 1926—27 г.

Эти данные могут быть значительно умножены примерами всех других колоний и полуколоний Великобритании, но достаточно и только-что приведенных, чтобы показать главную линию британской имперской политики, состоящую в попечениях о промышленности метрополии и в планах ее реорганизации, при одновременном развертывании рынков в колониях. Конечно, было бы смешно думать, что в этом имперском плане нет противоречивых тенденций и факторов. Но ясно, что основная линия развития имеет своим базисом политику, выявленную в наиболее заостренной форме Мондом, которого мы уже цитировали, и что она опровергает заключение тов. Ротштейна, Ратбона и других, утверждают, что колониальная эксплоатация является препятствием на пути к рационализации Англии. Наоборот, факты показывают, что Британия надеется и пытается провести свои рационализаторские планы именно на основе своей имперской политики.

Последний вопрос состоит поэтому в том, каковы же успехи в этом направлении.

Во-первых, упрочилось ли финансовое положение?

Цифры, уже приведенные, показывают рост экспорта капитала. А вот последняя оценка положения банков, данная «Таймсом» и свидетельствующая об удовлетворении буржуазии. 13 июля 1928 г. «Таймс» писал:

«Банковский резерв, который теперь достиг 57.745.802 фунт. стерл., на 1.734.058 ф. ст. больше, чем неделю назад, в то время как его отношение к платежным обязательствам выросло почти на 43%. Надо обратиться к февралю 1915 г., чтобы найти цифру резервов, сравнимую с теперешней, а в то же время золотой запас больше, чем когда бы то ни было. Однако, надо помнить, что сравнение последнего с предвоенными цифрами неправильно, ибо в настоящее время золота нет в обращении, между тем как до 1914 г. большая часть золота, находившегося в стране, была в обращении. Улучшение в положении Английского Банка очень наглядно выявляется из сравнения с цифрами предыдущего года. Резерв не менее чем на 24.500.000 фунт. стерл. больше, а золотой запас больше свыше чем на 23.250.000 ф. ст.... *Это значит, что имеются значительные резервы свободного кредита для удовлетворения законных требований торговли и промышленности*».

Банковое дело было укреплено также путем дальнейшей концентрации. «В финансовом мире наиболее крупным слиянием после 1919 г. является об'единение «Банка Ливерпуля и Мартина» с «Ланкаширским и Йоркширским Банком» (включая и поглощение Эквитэбль-Банка), что превратит Ливерпульский Банк (ныне Банк Мартина)—в действительности, а не только на словах—в «Шестой Большой».

Теперь обратимся к индустрии. В электротехнической промышленности положение таково: согласно «Британской Индустрии», официальному органу Федерации Британской Промышленности, за август 1927 г., Англии принадлежит в настоящее время первенство в деле экспорта электротехнических изделий. Мощность вывезенных изделий была в 1926/27 г. на 28% больше, чем в 1920 г.

Внутри страны неопределенность хозяйственного положения и жестокая депрессия в торговле вызвали падение на 6% ниже уровня 1920 года. В отношении экспорта рынками служили Индия, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Южная Америка и Япония.

Подсчитано, что свыше 60% мировых заказов на производящие электрическую энергию машины, за исключением главных индустриальных стран, и свыше 70% всех заказов на электрические средства тяги, особенно по электрификации железных дорог, падает на британских фабрикантов.

Цифры электрической продукции показывают с 1924 г. во всех областях прирост в пользовании электрической энергией.

Показатели продукции таковы (месячные средние за 1923—26 гг. = = 100).

Годы.	Британия без Лондона и Уэльса.	Каменноуг. железная, стальная, тяж. машино-строение.	Общее машино-стр. и авто-строение.	Химическая промышленность.	Транспорт.	Текстильная промышленн. (хлопок и шерсть).
1924	114	122	111	132	112	102
1925	121	124	130	151	126	111
1926	111	100	133	162	134	120
1927	146	143	158	210	163	139

Производство автомобилей:

Годы	Количество	Стоимость
1912	22.000	7.316.000 фунт. стерл.
1924	132.000	28.599.000 " "
1927	200.000	50.000.000 " "

Экспорт автомобилей:

1912	6.441	2.461.530 " "
1924	15.566	4.861.060 " "
1927	36.329	8.834.466 " "

Общепризнано, что концентрация и рационализация идут быстро вперед в этих отраслях промышленности, равно как и в химической индустрии, о которой Монд говорит следующим образом:

«Мы осуществляем ныне полный контроль над 40 промышленными и торговыми концернами и значительную долю контроля над свыше чем 30 другими компаниями... Мы добились в течение 12 месяцев полного, всестороннего, непосредственного и, мы могли бы сказать ежедневного, контроля над этими компаниями в отношении финансов, оперативной деятельности, труда и общей политики».

Производство искусственного шелка находится в руках компаний «Кэртольдс» и «Бритиш Селанез»; они увеличили продукцию с 11 577.348 килогр. в 1926 г. до 16.550.000 килогр. в 1927 г. и стоят на втором месте в мире. В отношении этой отрасли промышленности нет сомнений, что она сможет итти в области рационализации нога в ногу со своими конкурентами.

Теперь о тяжелой индустрии. Отчет судостроительной промышленности показывает, что средний тоннаж, спущенный на воду, таков: в среднем за 1923—25 г. — 1.057.000 тонн; 1926 г. — 640.000 (всеобщая забастовка); 1927 г.—1.226.000 тонн. Тоннаж в постройке равнялся в 1924 г.—1.297.000 тонн; в 1925 г.—885.000 тонн; в 1926 г.—760.000 тонн; в 1927 г.—1.580.000 тонн. Английская доля в мировой продукции равнялась в 1927 г. 53,6% в сравнении с 52% в 1923—25 г., 28% в 1919—20 г. и 58% в 1913 году. Прогресс рационализации описывается в «Глазго-Геральд» от декабря 1927 г. так:

«Как говорит в другом месте председатель федерации предпринимателей судостроительной промышленности, судостроительные предприятия

Англии реорганизованы. Они мощнее сегодня, чем когда бы то ни было, и могут с успехом справиться с любым количеством работы, какое может прииести им 1928 г.... Слишком много говорят о великом техиическом прогрессе иа коитинентальных и америкаиских верфях и машииостроительных заводах. Безусловно, многое поражает—издалека—в иностраиных методах и приемах. Но британские фирмы менее сложными и менее дорогими приемами, при помощи более простой организации и более непосредственного контроля... — не находись оии, как сегодня, в меиее выгодиых условиях вследствие невыиосимых налогов — могут строить дешевле, чем фирмы других стран». Последияя фраза представляет агитацию за иалоговую реформу, ныне проводимую правительством Болдуииа. Влияние этой реформы будет видно из следующих сравиеиий:

«На одной из судостроительиых верфей Глазго налог на построеиное судно равнялся в 1913 г. в среднем 268 фуит. стерл., а в 1926 г.—3.182 ф. ст. Соответствующие цифры составляли иа тонну 8,5 пеиса и 70,5 пенса. В другом случае иалог иа судно составлял в 1914 г. в среднем 246 ф. ст., или 6,75 пенсов с тоины, а в 1924 и 1925 гг. те же цифры составляли 1.850 фуит. ст. за судно и 40,6 пенсов с тонны».

Согласно предложениям Болдуииа, которые входят в силу в коице 1928 г., эти факторы будут целиком парализоваиы, и коикуреитоспособность британской судостроительиой промышлениости значительно усилится.

Железная и стальная индустрия.

Эта индустрия стоит в центре виимания и по отиошению к ней требуются наиболее решительные меры. Цифры производства чугуна показывают, что в 1925 г. было произведено 6.261.800 тонн, в 1926 г.—2.442.000 тоии, в 1927 г. — 7.304.500 тоин. Стальная продукция измеиялась так: 7.386.000 тонн в 1925 г., 3.560.400 тонн в 1926 г. и 9 184.000 тонн в 1927 г. В то же время наблюдался зиачительиый рост импорта, преимуществеино из Германии, Бельгии и Фраиции. В 1925 г. было ввезеио 2.720.400 тоин, в 1926 г.—3.740.000 тонн, в 1927 г.—4.406.000 тонн. Эти факты положили иачало воплям о введеиии покровительствеиных тарифов и о снижении налогов одиовременно с проведением в жизнь рационализации. Актуальные нужды рационализации понятны капиталистам, ио и здесь, как и в других отраслях тяжелой индустрии, «производительиой» рационализации предшествует «ограничительиая» рациоиализация. Меры, принятые в пределах империи и ограничивающие промышленное производство в колоииях, были уже упомяиуты. Следующая по важности мера — снижение налогов и введение покровительственных тарифов... Значение первой меры явствует из заявления председателя ассоциации производителей литой стали, который доказывал перед комитетом Бальфура, что размер налогов на тониу литой стали составлял в июне 1914 г. 3 шиллиига на тоину, в в июне 1924 г.—21 шиллинг иа тонну. При условии полиой загрузки домеиных печей рвзмер налогов на тонну равнялся в 1924 г. 6—8 пенсам на тониу. Бюджет 1927 г. облегчил индустрии это бремя. Ныне агитация принимает форму требования протекционистских тарифов против ввоза железа и стали. Эти меры рассматриваются, как необходимые предпосылки для того, чтобы дать индустрии возможность провести в жизнь основные меры в области «производительной» рациокализации за счет собственных средств.

«Глазго Геральд» выдвигает следующие мероприятия, необходимые для восстановления британской сталелитейной индустрии: (в) «Снижение цен на топливо путем постройки современных коксовых заводов для производства домениого кокса. Это понизит себестоимость стали на 3—4 шиллинга на тонну. (б) Укрупнение доменных печей для более экономного производства

чугуна. (в) Горячий способ переработки железа в сталь. (г) Рациоиализация сталелитейных предприятий. (д). Уиификация торговли путем районирования и создания центрального закупочно-запродажиого агентства. (е) Понижение траиспортных тарифов. (ж) Взимаиие местных налогов с дохода, а не с оборота.

Угольная промышлеииость.

Углубление кризиса в угольиой промышленности толкнуло углепромышлеиииков еще дальше по пути рациоиализации. Широкая концентрация имела место во всех угольных районах. В то же время во всех угольных районах были организованы агеитства по экспорту угля. Последствием этих мероприятий явилось сокращение добычи, учитывающее положение на мировом угольиом рынке. Безработица росла резкими скачками до тех пор, пока правительство не вмешалось путем: 1) субсидий в размере нескольких миллионов фунтов для улучшения экспорта; 2) и попытки переброски безработных, в особенности молодых рабочих, на сельскохозяйствениые работы в колонии.

Интересно в этой связи заметить, что впервые по истечении многих лет Британия начала опять вывозить уголь в Австралию. Развитие последних месяцев показывает, что теперь угольная иидустрия быстро идет по пути к трестификации. «Рабочий» («Worker») от 20/VII цитирует заявление г-на Ли, секретаря углепромышлеииков:

«Опасиость замены конкуренции отдельных угольных предприятий конкуренцией угольных районов всегда учитывалась, и дальнейшим логическим шагом является координация деятельности отдельных районов с особым учетом интересов экспорта».

«Очевидно,—говорит «Рабочий»,—что организационная сторона рационализации будет продвинута вперед и что в соответствии с технической рациоиализацией будут приложены огромные усилия в целях стабилизации угольной индустрии, в которой оставлены будут 750.000 рабочих, получающих голодную зарплату».

Хлопчатобумажиая и шерстяная промышлеиность.

Продукция шерстяной промышлениости достигла только 75% уровня 1913 г. В момент написания статьи у меня ие было материалов для оцеики того, как далеко зашла рациоиализация в этой отрасли индустрии. В хлопчатобумажиой промышленности, это хорошо известно, трудности существуют в отиошеиии грубых хлопчатобумажиых ткаией, производимых из америкаиского хлопка.

В тоиких сортах товаров Британия идет впереди других стран. Огромиая агитация идет в рядах самих капиталистов за реорганизацию и рациоиализацию индустрии, ио успех в этом направлении незначителен. Повидимому, фабрикаиты должны попасть в значительно большую зависимость от баикиров, прежде чем будет предприията кореиная реорганизация. А пока весь нажим идет по линии зарплаты и рабочего дия трудящихся, плюс империалистические меры против Индии, о которых мы уже говорили.

Железные дороги и транспорт.

На железных дорогах на ряду с конкуренцией со стороны шоссейного транспорта сильно отзывается депрессия в тяжелой индустрии. Железнодорожные кампании утверждают, что они потерпели тяжелые потери во всех отношениях. Это повело к рационализации в широком масштабе, к закрытию боковых веток, к сокращению штатов на главных лиииях (общее число железнодорожников в 1924 г.—700.573, в 1928 г.—677.148). Железнодорожные мастерские тоже были рационализированы.

Для примера: в Крью, где имеются крупнейшие железнодорожные мастерские, раньше существовало семь мастерских для ремонта и постройки паровозов. Теперь имеется только одна, справляющаяся с той же работой. Здесь полностью применяется конвейерная система для массовой продукции. Лишь недавно железнодорожные компании понизили зарплату на 3 млн. фунтов стерлингов в год. Кроме того, им удалось провести через парламент билль, дающий железнодорожным компаниям возможность конкуренции с автомобильными компаниями в области шоссейного транспорта. Последние быстро начали трестифицироваться, и это является, повидимому, вступлением к колоссальному об'единению железнодорожного и шоссейного транспорта.

Заключение.

Что показывают все эти факты?

1) Новый рост капиталистического накопления и поэтому наличие свободного капитала для рационализации. 2) Империалистическую политику подчинения колоний и доминионов нуждам метрополии. 3) Попытки расширить внутриимперский рынок. 4) Рационализацию производственного аппарата в новых отраслях индустрии. 5) Расчистку пути для широкой рационализации в основных (старых) отраслях индустрии путем смягчения налогового обложения и пр. 6) Наступление на зарплату и рабочий день трудящихся. 7) Широкое развертывание борьбы за поддержку рационализации при помощи таможенной политики.

Все эти мероприятия не только не встречают сколько-нибудь значительного сопротивления со стороны тред-юнионов, но, наоборот, они облегчаются открытым сотрудничеством профсоюзной бюрократии и рабочей партии с предпринимателями. Что в среде рабочего класса наблюдается рост воли к сопротивлению, это видно из ответа рабочих масс на призыв движения меньшинства, на конгрессе которого присутствовали более 800 делегатов. Но этого еще недостаточно для того, чтобы оказать действительное сопротивление развертывающимся процессам рационализации. Томас убедил уже железнодорожников согласиться на сокращение зарплаты. Конгресс тред-юнионов, без сомнения, одобрит сотрудничество с Мондом.

Факты, как мне кажется, рисуют перспективу незначительного улучшения в народном хозяйстве Англии, по мере того, как проводятся в жизнь перечисленные выше мероприятия. Поэтому мне кажется, что перспектива беспрерывного распада собственно британской индустрии неправильна. Факты свидетельствуют скорее о том, что этот распад приостановился, что предстоит обострение борьбы против Германии и особенно Америки и усиление международных противоречий, которые подготовляют войну и революцию—войну между империалистическими державами, революцию на колониальном фронте в результате обострения противоречий между требованиями колоний и удушающей империалистической политикой, подавляющей развитие производительных сил в этих странах. Раньше войны между державами может возникнуть другая война—война против Советского Союза, но в этой статье не место судить о том, какая из этих двух войн возникает раньше. Эта статья имела своей целью показать, какими способами британский империализм силится привести свой дом в порядок, чтобы бороться со своими соперниками, и показать, что рационализация не есть что-то обособленное и оторванное от всей проблемы британской империи в целом.

Otakap.

„Комнезависимцы" за работой.

Как известно, «левая оппозиция» внутри Коминтерна существовала недолго. Классовым чутьем революционные марксисты быстро отгадали под ультра-левой фразой правую социал-демократическую сущность и изгнали из своей среды оппортунистов. Так было не только в СССР, но и в Германии, Франции и др.

Очутившись за дверью Коминтерна герои левой фразы кое-где попытались создать свою самостоятельную организацию. И тут — едва они от критики «термидорианцев» перешли к практической деятельности—мгновенно обнаружилось их реакционное меньшевистское лицо.

Та же история повторяется теперь в Чехо-Словакии. Исключенные из КПЧ, ультра-левые созвали 24 июня свою республиканскую конференцию, на которой присутствовало целых 70 делегатов от 1.000 членов... По решению этой конференции была создана «коммунистическая партия Чехо-Словакии» (без «секции Коминтерна», так сказать, «независимые коммунисты»)... При этом, конечно, оппозиционеры, верные троцкистской тактике, всячески отрицали свое организационное отделение от КПЧ, создание второй партии. О, нет, только засилье «аппаратчиков» (это словечко, пущенное у нас троцкистами, в дискуссии 1923 г., прочно привилось у заграничных ультра-левых) заставляет оппозицию об'единиться для совместной защиты интересов партии, но едва надобность пройдет, оппозиционная организация будет немедленно распущена. «Аппаратчики будут кричать, что мы создаем новую партию. Но это не новая партия: мы считаем программу компартии за свою. Это—только организованная борьба против аппаратничества в коммунистической партии» [1].

Но эта хитроумная тактика не обманула даже реформистов, которые любезно предсказали, что «программа новой партии будет иметь гораздо больший успех среди коммунистических рабочих, нежели наивная программа ортодоксальных революционеров из Политбюро»... [2]).

На какой платформе сколотился этот кружок любителей р-р-революционной словесности?

Ответ на это дают «принципиальные решения», принятые на их конференции.

При беглом чтении первых пунктов этих «решений», опубликованных в органе оппозиции — еженедельнике «Руда Ровность» (№ 18), возникает мысль: из-за чего, собственно, они огород городят. В самом деле, мы находим тут и признание диктатуры пролетариата («в согласии с Марксом и Лениным»), и необходимость всемерной защиты СССР, и единый фронт, и рабочую демократию,—все как у людей... Но очень скоро выясняется, что

---

[1]) См. «Руда Ровность» № 12.
[2]) См. «Право Лиду» от 3 июля.

перед нами простое злоупотребление словами. Оказывается, что вся демократия у оппозиционеров сводится к «устрвнению личной диктатуры секретарей и прочих аппаратчиков». А единый фронт в понимании чехословацких последователей Троцкого—не что иное, как «честное сотрудничество» с социал-реформистами во всех рабочих органнзацнях — профессиональных, кооперативных, культурных.

Как мотивируется этот — можно сказать — центральный пункт всей платформы оппозиции? Вождь ее, д-р Эчер, в своем докладе на учредительной конференции сказал дословно: «Все компартии переживают крах. Их лозунги и акции уже не имеют прежней привлекательности в глазах масс. С другой стороны, социал-демократы, которых именуют (!) левым крылом буржуазии, растут, при чем германская с.-д. партия имеет в своем составе 80% рабочих. Мы должны из этого факта сделать соответствующий вывод»... Какой, именно, вывод? Ну, разумеется, такой, который соответствует природе «левого» оппортунизма:

«Социальная революция не стоит сегодня в порядке дня. Отношение к Советской России уже не разделяет нас (от эсдэков), как раньше. Вопрос о демократии также не разделяет нас, поскольку (!) рабочие получают от буржуазии достаточно предупреждений, чтобы не переоценивать демократии. Мы обязаны осуществить единый фронт» [1].

После такого научного — «в согласии с Марксом и Лениным», — обоснования честного сотрудничества с социал-предателями уже не остается сомнений насчет того, как ультра-левые будут бороться за диктатуру пролетариата и защиту СССР. Разрушать в массах иллюзии буржуазной демократии оказывается вообще излишним, «поскольку» этим делом успешно занимается сама буржуазия. Что же касается «Советской России» (?), в отношении к которой «ничто не разделяет» чехо-словацких «независимых коммунистов» от чешских соц.-дем., то достаточно сказать, что в Чехо-Словакии редко какая буржуазная газета доходит в травле СССР до таких гнусностей, какими переполнена именно «социалистическая» печать. В свирепой борьбе против местных коммунистов чешские с.-д. изо дня в день брызжут бешеной слюной на Республику Советов. Вот некоторые перлы из центрального органа чешской социал-демократии «Право Лиду»: «Местные коммунисты—платные агенты русской власти» (№ от 3/VI); «программа Коминтерна—русский советский салат» (6/VI); «интерес американцев к СССР—признак культурной деградации» (30/V)... Систематически перепечатываются из «Руля» сообщения о «зверских насилиях комиссаров над крестьянами», о чудовищной эксплоатации рабочих, об усмирении безработных с помощью войск и т. д., и т. п. Доходит до того, что во время болезни умершего барона Врангеля портрет его печатается в ц. о. с.-д. партии со скорбной припиской: «сомнительно, чтобы он оправился от своей тяжелой болезни»... Такая незаменимая утрата для социал-демократии!..

И от такой «защиты» СССР ничто не разделяет наших троцкистов в чехо-словацком издании. В самом деле, когда местные социалисты «разорялись» по поводу приезда Аманулы («в Зимнем дворце снова монарх»...), ультра-левые не преминули внести и свою «революционную» лепту в общую сокровищницу социалистической провокации. «Руда Ровность» (№ 9) поместила передовую статью упомянутого д-ра Эчера под замечательным заглавием: «Афганский король Аманулла в Москве—творец Красной армии Троцкий в Сибири». Что называется: в огороде бузина, а в Киеве дядька... Основная, глубокая мысль этой статьи заключается в следующем: «Прав был Троцкий, когда говорил, что судьба социалистического (подчеркнуто

[1] «Руда Ровность» № 16, стр. 3.

Эчером) Советского Союза спаяна с судьбой мировой пролетарской революции. Сталинская же теория «социализма в одной стране» неминуемо ведет в об'ятия афганского короля. Но постольку Советский Союз перестает иметь значение государства пролетарской революции». Поистине такая «защита» СССР отличается от социал-демократической одной только оппозиционной терминологией.

Но созвучие настроений у ультра-левых и социал-реформистов далеко не ограничивается лишь оценкой визита падишаха, т.-е. характерной для II Интернационала неспособностью понять значение угнетенного Востока в борьбе с империализмом Запада. «Единый фронт» проводится решительно во всех серьезнейших вопросах внутренней и международной политической жизни. И тут чрезвычайно поучительно проследить на близких примерах и документальных данных, как в практических вопросах «левое крыло буржуазии» и «независимые коммунисты» выступают настолько солидарно, что зачастую совершенно не отличишь одних от других. Вот примеры последних 2—3 месяцев:

1) В Праге происходит торжественный конгресс кооператоров по случаю 20-летнего юбилея чешской кооперации. Приглашены представители Германии, Франции, Англии и др. Делегации Центросоюза не давали визы до последней минуты. Реформисты всячески старались «загнать в тень» советскую делегацию: слово для приветствия тов. Любимову было дано к самому концу заседания, о содержании его речи и даже о самом факте его выступления не было ни слова напечатано ни в одной социалистической газете. Местные коммунисты использовали юбилейную манифестацию для целей революционной агитации. Повсюду развевались многочисленные красные флаги с лозунгами: «Реформистские рабочие, будьте на страже, чтобы ваши лидеры вас не обманули», «Да здравствует СССР — защитник кооперативного движения», «Да здравствует КПЧ» и т. д. Социал-демократы—распорядители призвали на помощь полицию, которая арестовала несколько рабочих. На юбилейной выставке один рабочий-кооператор раздобыл знамя с серпом и молотом и закрыл им фашистский флаг Италии. «Социалисты» сорвали революционное знамя, чтобы высвободить эмблему фашизма. Произошла свалка, прекращенная вмешательством полиции, арестовавшей рабочих-антифашистов. Взбешенные успехом компартии, социал-демократы об'явили в «Праве Лиду», что «коммунисты опозорили кооперативную демонстрацию», вследствие чего «необходима такая же чистка кооперативного движения от коммунистических вредителей, какая была произведена в профессиональном и политическом рабочем движении». Вслед за тем 3 коммуниста «вычищаются» из президиума кооперативного совета—и начинается раскол кооперативного движения в Чехо-Словакии.

Какую позицию заняли в этом вопросе ультра-левые «коммунисты»? Они целиком солидаризировались с реформистами. «Руда Ровность» сочла нужным заверить, что виза делегатам Центросоюза была, в конце-концов, выдана благодаря ходатайству соц.-демократов... Что же касается использования манифестации коммунистами, то тут «истинные ленинцы» дошли до такого бесстыдства, что написали следующее: «Кооперативы хотели своей манифестацией показать силу организованных потребителей без различия политических убеждений, а вот одна партия использует собравшиеся массы для целей своей партии, навязывает шествию свою окраску, дабы обыватели видели, как сильна еще коммунистическая партия»...

Ясно, что такая «установочка» морально санкционирует репрессии реформистов против «одной партии», на которую возлагается вина за раскол коопдвижения.

2) В Москве идет пролетарский суд над шахтинскими вредителями. Весь мир раскололся на две части. Буржуазные борзописцы громили тиранию, деспотию, азиатчину. Издевались и соц.-дем.: «сперва ударили по кулаку, теперь взялись за спецов,—все по Троцкому идет»... Только искренние друзья СССР открыто сочувствовали процессу над злостными врагами пролетарской диктатуры.

На какую сторону баррикады стали тут «независимые коммунисты»?

Не осудив ни единым словом героев саботажа, «Руда Ровность» ограничилась напечатанием статьи знакомого нам «вождя», д-ра Эчера, под характерным по своей нейтральности заголовком: «К процессу 53-х»... Кто они, эти 53? Мученики ли большевистского зверства—как утверждает буржуазия? Или подлые агенты мировой контрреволюции—как трактуем их мы? Этот вопрос оказывается совершенно неинтересным для лидера троцкистской оппозиции в Чехо-Словакии. Весь «случай» с 53-мя «неизвестными» дает только повод ученому д-ру Эчеру раз'яснить почтеннейшей публике, что в различных частях СССР существует различное законодательство: одни законы в УССР, другие—в РСФСР. И отсюда—благодарнейшая тема для юридического исследования о правомочности Верховного Суда РСФСР судить за деяния, совершенные в пределах УССР...

Не трудно видеть, что абстрактно-теоретическая позиция «ортодоксальных ленинцев» в таком остром вопросе классовой борьбы — политически равноценна воздержанию от действенной защиты страны пролетарской диктатуры.

3) Правительство запрещает устройство спартакиады.

Коммунисты (без кавычек) пытаются использовать легальные возможности: возбуждают вопрос в парламенте и сенате. Комдепутат Скалак громит «полицейский абсолютизм, господствующий в демократической республике», убедительно доказывает, что спартакиада запрещена в интересах крупной буржуазии, банковских воров, ростовщиков, кулаков и всякого рода эксплоататоров, владеющих в ЧСР государственным аппаратом. «Запрещение спартакиады,—говорил он,—стоит в связи с подготовкой новой империалистической войны. Оно является, так сказать, генеральной репетицией буржуазии, готовящейся вести рабочих на новую бойню. Запрещение спартакиады является только одним из звеньев длинной цепи систематических преследований во всех областях общественной жизни».

КПЧ принимает решение: вместо запрещенного физкультурного праздника, организовать 6 июля «Красный День» для выявления массового протеста против полицейско-демократического абсолютизма.

Тут начинается настоящая свистопляска. Вся печать восстала против «Красного Дня». Особенно усердствуют «социалисты». Эсдэковские «Право Лиду» и «Нова Доба» писали, что «красный день заказан Москвой», что в Чехо-Словакию прибыли агенты Коминтерна с большими суммами денег «для организации путча». А «Ческе Слово» (орган народных социалистов) предупреждало рабочих не выходить на улицу 6 июля, так как коммунисты хотят только подвести их под огонь, а самим спрятаться в кусты... По всем приготовлениям было видно, что правящая буржуазная коалиция, вкупе и влюбе с социал-реформистами, организует кровавую баню революционному пролетариату.

Что делает в этот критический момент «коммунистическая» оппозиция?

Накануне выступления «Руда Ровность» так агитировала массы: «Будьте уверены, аппаратчики пошлют на улицу женщин и детей, а сами спрячутся, ибо аппаратчик—продажный человек, который живет от политической работы, как иной—от концессии на кино»... А после подавления движения, когда буржуазная и реформистская печать захлебывалась от радости, торжествовал и орган д-ра Эчера: «Мы давно говорили, что «революционная» (иронические кавычки в тексте) деятельность КПЧ совершается в безвоздушном пространстве... Массы повернулись к компартии задом... Ее мобилизация масс—не что иное, как пустая фраза, с помощью которой вымогается субсидия у Коминтерна» [1]...

Комментировать эту низость уже, кажется, излишне.

4) Демократические власти готовят разгром всех революционных организаций пролетариата. Незадолго до «Красного Дня» комдепутат Штерн опубликовал секретный документ, поступивший в совет министров и содержащий предложения целого ряда репрессий против КПЧ, редакций парторганов, красных профсоюзов, кооперативных, спортивных и др. организаций, примыкающих к компартии [2].

Правительство, огорошенное разоблачением его фашистских планов, растерянно отнекивается. Цензура конфискует речь депутата Штерна, хотя парламентские речи, по конституции, неприкосновенны. Социал-реформисты ринулись спасать положение. «Право Лиду» муссировало такую счастливую версию: компартия тонет, разлагается, распадается, и потому ищет ореола мученичества, измышляет какие-то планы репрессий и т. п. В научно-марксистском журнале для интеллигенции «Нова Свобода» бывший лидер оппозиции, ныне соц.-демократ Горовский своим растленным пером выводил такие полемические узоры:

«Ленин очень дивился бы на то, что делает депутат Штерн. Партия, которая хочет изменить общественный строй, об'являет войну властям, парламенту, большинству—вдруг взбудоражилась из-за куска бумаги, согласно которой власти хотели бы напасть на коммунистов. Разве п р о ф е с с и о н а л ь н ы е р е в о л ю ц и о н е р ы нуждались бы в доказательстве, что власть их боится?»...

А «Ческе Слово» к этому присовокупило, что руководители КПЧ сами жаждут перейти на нелегальное положение, которое позволяет не отчитываться в расходовании сумм, получаемых из Москвы [3].

Но эта провокация настолько прозрачна, что даже более умные (или менее глупые) немецкие соц.-дем.—типичные представители австро-марксизма—не решаются полностью поддержать ее. Что делают в такой исключительно опасный момент ультра-левые оппозиционеры?

Они помещают в № 14 «Руда Ровность» двусмысленную статью, в которой, с одной стороны, высказываются против роспуска компартии, а с другой,—уверяют, что «власти знают, что в д а н н ы й м о м е н т (подчеркнуто в тексте) партруководство неспособно даже организовать массового отпора против роспуска»... Вообще же, «трудно решить, правдивый ли документ огласил Штерн или нет. Не исключено, что депутат Штерн был введен в заблуждение»... В № 18 руководители КПЧ уже об'являются «величайшими ликвидаторами компартии в Чехо-Словакии. Они ликвидируют ее быстрее и основательнее, чем власти»...

А в № 20 «Рудой Ровности» перепечатан из фашистского листка целый список (явно полицейского происхождения) миллионных «субвенций», долларами и бриллиантами якобы полученных КПЧ в течение 5 лет из Москвы через п о л п р е д а Мостовенко, Бела-Куна, дипкурьеров и т. д.

Сопоставим эти статьи, и мы получим идеальный единый фронт «независимых коммунистов» с самыми махровыми реформистами, направлен-

---

[1]) «Руда Ровность» от 12 июля.

[2]) В настоящее время значительная часть этих предложений уже п р о в е д е н а в ж и з н ь.

[3]) Эта «догадка» имеет сугубо провокационный смысл в связи с намерением правительства создать процесс против КПЧ по обвинению в получении средств «о т и н о с т р а н н о г о г о с у д а р с т в а» на антигосударственные цели (по закону это деяние квалифицируется, как г о с у д а р с т в е н н а я и з м е н а).

ный фактически в защиту правительственных репрессий против КПЧ. Вот до какой жизни дошли чехо-словацкие троцкисты!

5) Представители международного революционного пролетариата с'езжаются на VI всемирный конгресс Коминтерна. Подводят итоги, подсчитывают раны, отмечают успехи, вырабатывают стратегию и тактику дальнейшей борьбы, куют победу над классовым врагом. Вождь Коминтерна, тов. Бухарин, в своем докладе конгрессу дает марксистский анализ современной ситуации, расстановки классовых сил и наших задач. В числе последних обрисовывается необходимость заострения борьбы против социал-реформизма, как сильнейшей опоры империализма. В лагере предателей поднимается звериный вой. «Раскольники», «любители междоусобиц», «подстрекатели братоубийственной борьбы внутри пролетариата»—вопит вся «социалистическая» печать. Даже австро-марксистский «Социал-Демократ» обозлился до того, что обругал конгресс «сталинским цирком» за его «ложный фронт»: дескать, вместо борьбы с капитализмом, об'являет войну социализму... Не трудно догадаться после приведенных фактов, чью сторону приняли в этом споре ультра-левые. «Бухарин против Маркса»,—так авторитетно заявил видный ренегат коммунизма Вацлав Кованда в «Рудой Ровности» (№ 20): «Бухарин выбросил снова лозунг—столь же немилосердный, сколь и смешной в данный момент: заострение борьбы компартий против социал-демократов»...

Но почему, собственно, в данный момент этот лозунг смешон—удивится, быть может, читатель? Г-н Кованда—с типичными для оппозиции настроениями пессимизма и пораженчества—«раз'ясняет»:

«Пролетариату хватает уже междоусобных битв. Мы теряем одно достижение за другим, одну позицию за другой. Мы биты во всех странах экономически и политически. Мы идем от поражения к поражению... Коммунистическое движение и русское (?) рабочее государство должны будут всюду считаться с социал-демократией, как с сильной массовой рабочей партией, невзирая на ее ошибки и недостатки... Постоянное провоцирование (!) программно наиболее близкой и наисильнейшей рабочей партии таит в себе опасность, против которой каждый коммунист, которому дорога победа рабочего класса, обязан предостеречь».

Многообещающую мысль о программной близости реформизма и «коммунизма» (в кавычках, конечно) теоретик оппозиции не развивает далее, зато восторженно воспевает практическую деятельность соц.-демократов: «достаточно побыть несколько дней в Австрии или Германии, посмотреть на общественные выступления и плодотворную позитивную работу социал-демократии на благо рабочих, чтобы каждый об'ективный наблюдатель признал эту деятельность заслуживающей всякой похвалы»...

Вывод?

«Обе рабочие и социалистические партии—коммунистическая и социал-демократическая—имеют столько последователей, что об одолении одной партии другой нечего и думать. Остается только путь сближения»...

Наконец, заключительный перл: «Рабочие с трудом поймут лозунг Бухарина. Они не отделаются от мысли: какая перемена произошла с коммунистами! Чай, компартия возникла из марксистского левого крыла социал-демократии, стоявшего на твердой классовой позиции. Бухарин же теперь заменяет лозунг Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—лозунгом «Пролетарии всех стран, травите друг друга»...

Такими пошлейшими благоглупостями защищают «истинные ленинцы» свой единый фронт с ренегатами марксизма против Коминтерна. Нужно ли удивляться тому головокружительному успеху, каким пользуется «независимая компартия» среди лицемерных друзей и открытых врагов пролетариата?

«Право Лиду» аттестовала «марксистское» выступление Кованды против Бухарина, как «мужественное слово в нужный момент»... Вполне последовательно ц. о. с.-д. партии рекомендует членам компартии «сделать из искренней, социалистически написанной статьи товарища (!) Кованды единственный вывод: вернуться к социал-демократии, в которой они находились ранее»...

Разумеется, члены КПЧ не проявляют склонности к социал-демократической «репатриации», но что «независимые коммунисты» закончат процесс своей эволюции именно таким способом — за это говорит вся прошлая история оппозиционных группировок в чехо-словацкой компартии. Так было с группами Бубника, Ванека, Скалы, Герлиха, Горовского. Возникая каждый раз перед началом парламентской избирательной кампании, каждая оппозиционная группа, пошумев, покритиковав слева и помутив сознание слабейших членов партии, неизменно кончала организационным слиянием с социал-демократией. Все названные вожди прежних оппозиций к настоящему времени прочно осели в социал-реформистских организациях, где со специфическим злопыхачеством ренегатов ведут устную и печатную травлю КПЧ, ВКП и Коминтерна. Новая оппозиция Эчера, Кованды и К° быстро и неуклонно катится по той же плоскости, чтобы по окончании осенних выборов пополнить собою славные ряды социал-предателей. Таков, повидимому, неумолимый закон социальной природы: начав с ультра-левого уклона, последовательно докатиться до официального меньшевизма. Эту логическую неизбежность сознают и социал-демократы, и более умные буржуа, которые поэтому дружески похлопывают по плечу героев «независимо-коммунистической» фразы. «Последние Новости»—орган Милюкова, которого Ильич считал «умным врагом»—с радостью сообщают, что «коммунистическая оппозиция в Чехо-Словакии имеет уже 30 провинциальных отделений», хвалят ее «мудрое решение о сотрудничестве с другими рабочими партиями», одобряют ее профсоюзную тактику, напоминающую «синдикализм в английском духе» и т. д. Даже менее умная газета—официальная «Чехо-Словенска Република» приветствовала появление «новой коммунистической партии, независимой от Москвы»... Демократы всех мастей и враги нашей Республики Труда легко прощают новой «компартии» ее пустопорожние разговоры о диктатуре пролетариата и защите СССР, ибо видят, что на деле новые «независимцы» идут целиком на поводу у реформизма—этого лучшего защитника буржуазной демократии и бестии империализма. А известно, что деятели реакции—не краснобаи: для них имеет несравненно более реальное значение контрреволюционная практика «независимой компартии», чем ее «революционная» болтология. Отсюда — всяческое сочувствие, признание и моральная поддержка в борьбе против общего врага—КПЧ, секции ленинского Коминтерна.

Такое расширенное «высшее единство», до которого столь быстро доразвился единый фронт коммунистической оппозиции с «другими рабочими партиями», уже принесло свою пользу. Оно помогло широким партийным кругам очень быстро разобраться в социальной сущности ультра-левой оппозиции, как особой разновидности международного оппортунизма. Радужные предсказания «Право Лиду» блестяще опровергнуты. Коммунистические рабочие, наглядевшись на программу «комнезависимцев» в действии, прониклись еще большей преданностью тому циклу ленинских идей, который благомыслящие холопы капитализма третируют, как «наивную программу ортодоксальных революционеров».

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

В. Мотылев.

Прикрытое отступление.

(Об ответной статье тов. Струмилина).

Ответная статья тов. Струмилина [1]) на мои статьи, посвященные рассмотрению проектов пятилетнего плана и связанных с ними ошибок тов. Струмилина, заслуживает, несомненно, внимания. Она интересна прежде всего в том отношении, что тов. Струмилин отказывается в ней от существенной части своих ошибочных взглядов, отступая тем самым по основным вопросам дискуссии в той или иной степени от своих прежних позиций. Однако, это отступление тов. Струмилина усиленно маскируется. Соответствующие заявления делаются им мимоходом и в таких выражениях, с такими оговорками и ограничениями, что читатель, не знакомый с прежними выступлениями тов. Струмилина, может не заметить этого отступления. Кроме того, тов. Струмилин пытается замаскировать свое отступление многочисленными полемическими выпадами.

Я сосредоточу, однако, внимание не на этих полемических выпадах, а на выявлении его отступления и на критике тех ошибочных взглядов, от которых он еще не отказался [2]).

1. О директивах XV с'езда.

В статье в № 10 «Большевика» я приводил ряд цитат из выступлений т. С., свидетельствующих о недооценке им директив XV с'езда. В этой недооценке я усматривал существенное проявление ошибочности позиции т. С. Так как т. С. утверждает теперь, что его формулировки мною существенно искажены и перетолкованы, что ничего подобного он не говорил, то я вынужден прежде всего воспроизвести соответствующую цитату из его выступлений: «Правда, некоторые директивы партии,—заявил т. С. в своем докладе в Комакадемии,—формально только теперь, на XV с'езде, даны нам. Но придется ли нам теперь все переделывать заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется... Может быть, не в такой четкой формулировке, не так прекрасно выраженные, но в основном все эти моменты, которые даются нам в директивах XV с'езда, уже находились, были положены в основу нашей работы, и худо или хорошо уже нашли свое отражение в пятилетке... Почему мы это могли сделать? Само собой ясно, почему. Потому, что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам из-

[1]) «Большевик» № 13—14, «К дискуссии о пятилетке Госплана».

[2]) Настоящая статья появляется с опозданием, так как пребывание за границей лишило меня возможности своевременно ознакомиться со статьей т. Струмилина.

вестно. Но все это не было в достаточной степени просуммировано» [1]).

На основании этой цитаты я отмечал, что, по мнению т. С., директивы XV с'езда лишь «просуммировали» принципы, которые «уже нашли свое отражение в пятилетке». Такую оценку директив с'езда я считал и продолжаю считать вопиющей их недооценкой. Директивы, как это отмечалось в моей статье, выдвинули по-новому вопрос об учете районных особенностей, об эффективности капитальных вложений, о социалистической рационализации. Эта новизна заключается прежде всего в непосредственной связи соответственной части директив с недостатками проектов пятилетки, выявленными на с'езде. Нелепо поэтому утверждать, что моменты, которые даются в директивах с'езда, «уже нашли свое отражение в пятилетке». Такое утверждение лишь обнаружило непонимание т. С. тех новых задач, которые были выдвинуты в директивах с'езда, его нежелание согласиться с той критикой проектов пятилетки, которая имела место на с'езде.

Тов. С. пытается теперь доказать, что он этого и не утверждал: «Тов. Мотылев... игнорирует словечко «абсолютно» и приписывает мне то, чего я не говорил... Я утверждал лишь, что в директивах последнего с'езда «нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров» [2]).

Итак, по новому толкованию т. С., в директивах не было лишь ничего абсолютно нового и неожиданного. Однако, что новое нашел в них т. С., хотя бы и не «абсолютно»? Ведь, только то, что они «просуммировали» решения предыдущих партийных с'ездов и руководящих центров; т. С. заявляет ведь, что «моменты, которые даются... в директивах... уже нашли свое отражение в пятилетке». Прав ли я был, когда указывал на этом основании на вопиющую недооценку т. С. директив? Ведь так понял т. С. не только я, но и тов. Кржижановский. Возражая по этому вопросу т. С., тов. Кржижановский заявлял: «Я считаю, что XV с'езд дал громадный сдвиг и сказал не только то, что мы знаем, и не просто просуммировал то, что есть. Если бы вы меня спросили, какие самые общие моменты были выдвинуты XV с'ездом, то я бы сказал: тут есть три основных момента: 1) установки методологии планирования, по преимуществу телеологической, целевой; 2) новая трактовка методов разрешения деревенских тупиков; 3) определенная ставка на культурную революцию. Эти установки с'езда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли развернутого выражения» [3]).

Таким образом, тов. Кржижановский также возражал т. С. по поводу его оценки директив и, вопреки утверждениям т. С., заявлял, что директивы еще не нашли своего отражения в проектах пятилетки.

Ответ т. С. свидетельствует об его отступлении, об его отказе от прежней оценки директив. Но вместо того, чтобы отказаться от этих ошибочных взглядов откровенно, по-большевистски, т. С. пытается замаскировать свое отступление упреками по моему адресу, будто я исказил и перетолковал его формулировки, будто ничего подобного он и не говорил...

[1]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Комакадемии, изд. Комакадемии, стр. 31, разрядка моя.

[2]) «Большевик» № 13—14, стр. 110.

[3]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР», стр. 79, разрядка моя.

2. Соотношение отправного и оптимального вариантов.

Посвящая статью в № 3—4 «Большевика» рассмотрению проблемы темпа в проектах пятилетнего плана, я отмечал, что опубликованные материалы создают возможность лишь «обсуждения основных вопросов пятилетнего плана на основе приводимых ими цифр. Обсуждение должно выяснить, в каких направлениях эти предварительные наметки нуждаются в пересмотре или уточнении при разработке пятилетнего плана. В настоящей статье мы преследуем именно эту задачу» [1]. Таким образом, я стремился выяснить лишь *направления*, в которых вопросы темпа нуждаются в пересмотре или уточнении. Таких направлений мною намечено было три. Соответственно этому статья распадалась на три раздела: 1) Соотношение между отправным и оптимальным вариантом. 2) Темпы оптимального варианта. 3) Кривая капитальных затрат и их эффективности. Рассмотрим по этим разделам, сумел ли т. С. опровергнуть развитые в них критические замечания.

В первом разделе я подверг критике *недостаточную разницу между отправным и оптимальным вариантами* пятилетнего плана, опубликованными в «Перспективной ориентировке». В этом проекте оптимальный вариант превышал отправной по росту валового оборота и национального дохода лишь на 7—8%, если сопоставлять прирост по обоим вариантам с исходными цифрами, или на 30%, если сопоставлять абсолютную цифру прироста по оптимальному варианту с абсолютной цифрой по отправному [2].

Оспаривает ли т. С. правильность моей критики проектов Госплана в этом отношении? Сумел ли он доказать, что мои критические замечания неудачны?

Предоставим ему слово: «Должен сказать в интересах справедливости, что *факт, обративший на себя критическое внимание тов. Мотылева, действительно заслуживает всяческого внимания*. И в среде составителей пятилетки Госплана *возникали серьезные сомнения, не слишком ли мала та разница между двумя проектируемыми вариантами, которая выражается прибавкой народного дохода всего в* 7—8%. Весьма вероятно, что в новой проработке нам удастся повысить эту разницу еще на 1—2%. Но, конечно, такие скромные поправки отнюдь не удовлетворили бы тов. Мотылева» [3].

Таким образом, т. С. вынужден признать правильность моей критики по этому пункту, вынужден *отступить* от тех взглядов, которые нашли свое отражение в «Перспективной ориентировке», вынужден согласиться, что проект нуждается в пересмотре *в этом направлении*. Он пытается лишь умалить значение своего отступления ссылками на то, что возможны лишь скромные поправки.

Однако, прежде всего основным в моей статье, как я это оговаривал, было выяснение *направлений*, в которых проекты нуждаются в переработке. В этом отношении, т.-е. в *основном*, т. С. с моей критикой согласился.

---

[1]) «Большевик» № 3—4, стр. 7—8.

[2]) Подробное обоснование неправильности такого соотношения между отправным и оптимальным вариантами дано мною в статье в № 3—4 «Большевика», стр. 8—11.

[3]) «Большевик» № 13—14, стр. 113—114, разрядка моя.

3. Темпы оптимального варианта.

Корни недостаточной разницы между вариантами я усматривал в преуменьшении темпов оптимального варианта вследствие недоучета возможного эффекта социалистической рационализации в благоприятных условиях. Социалистическая рационализация, в отличие от капиталистической, заключается не только в технических и организационных улучшениях и усовершенствованиях, но и в реализации многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. Так как в условиях реконструктивного периода возможности социалистической рационализации гораздо обширней, чем в условиях восстановительного, то влияние ее на ускорение темпа развития должно проявляться в нарастающей степени. Рассмотрев темпы оптимального варианта, намеченные в проектах, я пришел к выводу, что они явно *преуменьшены* [1]).

Отрицает ли т. С. возможность повышения темпов оптимального варианта? Оспаривает ли он преуменьшенность темпов этого варианта во всех предыдущих проектах? Предоставим ему слово:

«Тов. Мотылев в успехах этого года хочет видеть «блестящее» подтверждение возможности повышения намечаемых нами темпов развития по оптимальному варианту. И *мы отнюдь не оспариваем такой возможности. Она, несомненно, имеется*. Но на мой взгляд и опыт 1927—28 г. учит нас тому, что такими возможностями злоупотреблять не рекомендуется» [2]).

Таким образом, т. С. вынужден фактически признать *возможность повышения* темпов оптимального варианта, т.-е. вынужден снова *отступить* от тех взглядов, которые нашли свое отражение не только в «Перспективной ориентировке», но и в исправленном проекте с учетом трех смен. Он пытается лишь умалить значение этого отступления указанием на то, что не следует злоупотреблять этими возможностями. Злоупотреблять ими, конечно, не следует. Однако, эта оговорка т. С. не оправдывает его взглядов, нашедших отражение в перспективной ориентировке и в исправленном проекте с учетом 3-х смен. В подтверждение этой оговорки он ссылается на то, что намеченный промфинпланом ВСНХ темп роста продукции промышленности в 1927—28 г. на 23%, судя по опыту первых восьми месяцев, не будет осуществлен, что фактический прирост будет не свыше 20%.

Однако, если бы даже это оказалось так, то и в этом случае опыт 1927—28 г., не подтверждает взглядов т. С., так как даже прирост в 20% превышает не только предположения «Перспективной ориентировки», намечавшей прирост в 13,3%, но и предположения исправленного проекта с учетом трех смен, намечавшего прирост в 17%. В действительности же предварительные данные об итогах 1927—28 г. показывают, что темп роста продукции, намеченный промфинпланом, осуществлен, как это отмечает передовая в «Правде» от 13 сентября, а также тов. Куйбышев в докладе о хозяйственном положении СССР («Правда» от 21 сентября).

Рассмотрим, однако, подробнее утверждения т. С., что к оптимальному варианту возможны лишь скромные поправки, что при новой проработке удастся повысить разницу между вариантами лишь на 1—2%. В этом утверждении проявилось влияние тех ошибочных воззрений, против которых я выступал.

Прежде всего новые проекты контрольных цифр ВСНХ, о которых т. С. умолчал, дают основание предположить, что темпы оптимального ва-

---

[1]) См. «Большевик» № 3—4, стр. 11—14, а также № 10, стр. 80—84.

[2]) «Большевик» № 13—14, стр. 115, разрядка моя.

рианта могут быть повышены гораздо более значительно, чем он это допускает. В то время как «Перспективная ориентировка» намечала в оптимальном варианте рост продукции государственной цензовой промышленности с 1927—28 г. по 1931—32 г. на 93% и государственной планируемой на 103%, а ее исправленный вариант с учетом трех смен — соответственно на на 101,3% и 108%,—директивы по составлению перспективного плана промышленности, утвержденные коллегией ПЭУ ВСНХ 11 апреля, намечают 140% [1]), а проект, представленный позднее ВСНХ в президиум Госплана,— на 122,5% [2]). При этом необходимо учесть, что последний проект составлен до 1932—33 г., т.-е. в нем выпадает 1927—28 г., в котором темп был вследствие ряда условий выше. Кроме того, важно отметить, что при обсуждении этого проекта в президиуме Госплана представитель промышленной секции указал на недостаточную эффективность в нем капитальных вложений, т.-е. на возможность повысить намеченные в нем темпы [3]). И, действительно, намеченные 12 сентября президиумом ВСНХ контрольные цифры на 1928—29 г. оказались выше предположений этого проекта: вместо намеченных в нем 19% президиум ВСНХ утвердил теперь 20,1% [4]). Повышение темпов по сравнению с предыдущими проектами намечено в новых директивах Госплана [5]) по составлению пятилетки и по отношению к сельскому хозяйству.

Тот факт, что новые наметки оптимального варианта значительно повышают его темпы, не только по сравнению с «Перспективной ориентировкой», но и по сравнению с исправленным вариантом с учетом трех смен, опубликованным в № 11 «Планового Хозяйства» за 1927 г., является подтверждением *правильности* той точки зрения, которую я отстаивал в дискуссии с т. С.

Тов. С. приводит, однако, в защиту своих взглядов несколько аргументов. Рассмотрим их по существу.

Одним из основных недочетов оптимального варианта я считал недоучет возможной эффективности основных фондов и капитальных вложений *в целом* при благоприятном сочетании условий, являющемся предпосылкой оптимального варианта. Разница между отправным и оптимальным вариантами должна определяться не только *добавочными* капитальными вложениями, но и большой эффективностью *наличных основных фондов и капитальных затрат отправного варианта*, так как при благоприятном сочетании условий даже эти фонды и эти затраты должны дать гораздо более значительный эффект. Между тем, в «Перспективной ориентировке» оптимальный вариант превышал отправной по капитальным затратам на 20%, а по росту народного дохода лишь на 30% [6]).

Тов. С. отвечает на наши критические замечания по этому вопросу следующим образом: «Но ведь, если при 20-процентном росте новых вложений проектируется 30-процентный прирост их эффекта в цифре народного дохода, то в этой цифре нашла уже свое отражение и рационализация старых предприятий и многое другое» [7]).

[1]) «Торгово-Промышл. Газета» № 97. Цифра эта относится, очевидно, лишь к промышленности, планируемой ВСНХ.

[2]) «Торгово-Промышл. Газета» № 204. Цифра эта также относится, очевидно, лишь к промышленности, планируемой ВСНХ.

[3]) «Экономич. Жизнь» № 204.

[4]) См. отчет в «Правде» № 214, от 14 сент., стр. 3.

[5]) См. «Торгово-Пром. Газета» № 115.

[6]) Тов. Струмилин, усматривающий ошибку в том, что я сопоставляю вложения в государственный сектор хозяйства с доходом всего народного хозяйства, вынужден, однако, несколькими строками ниже признать, что такое сопоставление в качестве грубой ориентировки допустимо. См. «Большевик» № 13—14, стр. 112.

[7]) «Большевик» № 13—14, стр. 112.

Неубедительность этого ответа т. С. показать не трудно. При благоприятном сочетании условий, являющемся предпосылкой оптимального варианта, темпы развития могут и должны оказаться *значительно* выше темпов отправного. Разница в 30% прироста народного дохода при увеличении капитальных вложений на 20% не может отражать этой разницы в условиях оптимального и отправного вариантов. *Такая* разница в приросте народного дохода возможна в условиях оптимального варианта *и без добавочных капитальных вложений*. Опыт планирования истекших лет подтвердил, что фактические темпы значительно превышали предположения контрольных цифр даже в пределах одного года. Тем более это вероятно в пределах пятилетки, если условия окажутся приближающимися к условиям оптимального варианта, так как в этом случае наличные основные фонды и капитальные вложения отправного варианта должны дать *гораздо более значительный* эффект. Таким образом, прирост народного дохода на 30% при увеличении капитальных затрат на 20% является явно недостаточным, свидетельствуя о недоучете возможной эффективности *наличных* основных фондов и капитальных затрат *в целом*.

Ошибочный подход т. С. к проблеме эффективности капитальных вложений проявляется и в его общих рассуждениях на эту тему.

«Эффективность капитальных вложений,—пишет т. С.,—не такая простая категория, какой ее представляет себе тов. Мотылев. Она проявляется весьма многообразно. Если капитальные затраты только расширяют производственную базу без какой - либо технической ее реконструкции, то весь эффект их сводится к соответствующему увеличению продукции. Но при значительных сдвигах техники новые вложения дают гораздо более сложный эффект. Прежде всего они *удешевляют* производство, повышая производительность труда и сокращая всякого рода производственные затраты. А затем уже дают и тот или иной прирост физического об'ема продукции... Уже из этого ясно, что одна продукция, взятая сама по себе, не является надежным мерилом эффективности капитала» [1]).

Несмотря на абстрактную возможность такого положения, такой *подход* к проблеме эффективности капитальных вложений в *применении к пятилетнему плану* является ошибочным. Пятилетний план должен быть построен таким образом, чтобы он обеспечивал, если не ликвидацию, то хотя бы существенное *ослабление* товарного голода. Поэтому *противопоставление* задачи понижения себестоимости задаче увеличения продукции, несомненно, ошибочно. Возможно, конечно, такое положение, когда эффективность капитальных вложений проявляется не столько в увеличении продукции, сколько в понижении себестоимости или улучшении качества, изменении конструкции производимых предметов. Но это зависит, несомненно, также и от тех целей, которые преследуются при этих вложениях. В капиталистическом предприятии, ограниченном емкостью рынка и условиями конкурентной борьбы, капитальные вложения преследуют весьма часто не столько задачи увеличения продукции, сколько ее удешевления или изменения ее качества, хотя и здесь эта задача, как правило, осуществима лишь при одновременном росте продукции.

В нынешних условиях СССР необходимо стремиться к такому использованию капитальных затрат, которое на ряду с возможным удешевлением продукции давало бы максимальный эффект и в направлении ее увеличения. Противопоставление этих задач в наших условиях совершенно неправильно. Необходимо стремиться к их одновременному разрешению. Поэтому рост продукции в наших условиях, вопреки утверждению т. С., является *вполне надежным* показателем эффективности капитальных вложе-

[1]) «Большевик» № 13—14, стр. 111.

ний на ряду с понижением себестоимости. Технической экспертизе, к которой усиленно апеллирует т. С., должна быть дана четкая установка в вопросе о задачах, преследуемых капитальными вложениями. Поэтому подход т. С. к проблеме эффективности капитальных вложений, лишенный четкой установки, является не только ошибочным, но и практически вредным. Вопреки утверждению т. С., что «Мотылев отвергает эту техническую экспертизу», я не только ее не отвергаю, но критиковал т. С. именно за недоучет важности качественных планов, и в особенности технико-производственных. Но в противоположность т. С., который теперь под давлением критиков стал неожиданно таким ярым сторонником технической экспертизы, я считаю, что техническая экспертиза должна разрабатывать технико-производственные планы на основе и в пределах такой установки, которая подчеркивает необходимость максимально-возможного увеличения продукции на ряду с максимально-возможным понижением себестоимости.

Тов. С. не ограничивается, однако, разобранными выше аргументами и выдвигает еще один, придавая ему, очевидно, решающую роль.

«...Основной рычаг нашего воздействия—капитальные затраты—обращается почти исключительно на обобществленный сектор. Частный сектор при этих условиях неизбежно отстает от социалистического. И можно сказать даже больше. Чем благоприятней условия для роста социалистического сектора, тем они хуже для частнокапиталистического, сознательно вытесняемого нами в меру нашего роста изо всех его позиций... Мы растем пока как следует только одной своей половинкой, обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке эффективности наших плановых установок. Он об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем. Но в то же время он сулит нам ускорение темпов роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в ближайшем будущем» [1]).

Это рассуждение т. С. в основном также ошибочно. Что наличие частного сектора в нашей экономике замедляет темп хозяйственного развития, что окончательная ликвидация этого сектора значительно ускорит этот темп,—очевидно и бесспорно. Но совершенно неверно, что «факт социализации... об'ясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем». Прогрессирующее вытеснение частного сектора, социализация нашего хозяйства, должны, несомненно, ослаблять из года в год замедляющее действие этого сектора, т.-е. ускорять темп развития. Ведь энергичный рост социалистического сектора не только вытесняет частный сектор, не только замедляет и даже вызывает его попятное движение, но и заменяет вытесняемые части этого сектора социалистическим. Таким образом, вопреки утверждению т. С., факт социализации не только не об'ясняет замедленного роста нашего хозяйства, но опровергает его взгляды на неизбежность замедленного роста.

Таким образом, мнение т. С. о возможности лишь скромных поправок к проекту оптимального варианта опровергается новыми наметками контрольных цифр пятилетнего плана и не подтверждается приведенными им аргументами. Отступив по вопросу о темпах оптимального варианта, признав что его темпы должны быть увеличены, т. С. не сумел умалить своими оговорками и аргументами значения этого отступления. Ему придется, несомненно, отступать по этому вопросу и дальше...

[1]) «Большевик» № 13—14, стр. 114.

4. Кривая капитальных затрат и их эффективности.

Третий вопрос, третье направление, в котором я подверг критике проекты пятилетнего плана, также является одним из центральных вопросов пятилетки. В статье в № 3—4 «Большевика» я привел таблицу, показывающую, что кривая капитальных вложений с учетом снижения цен оказалась в третьем проекте Госплана слегка падающей, затухающей, а в третьем проекте ВСНХ—в первые три года затухающей, в остальные два—стабильной. Вместе с тем, другая приведенная мною таблица показывала, что кривая роста продукции носила в обоих проектах затухающий характер. Такое соотношение я считал необоснованным и ненормальным и привел против него ряд аргументов [1]).

Оспаривает ли т. С. правильность нашей критики по этому вопросу? Предоставим ему слово: «Тов. Мотылев а-приори разрешает вопрос в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается... Может быть, мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму... В старой пятилетке мы запроектировали на 1927—28 год 13% роста, в нынешнем году мы запроектировали уже 17%, а последнее слово ВСНХ, против чего не возражал и Госплан, когда было установлено, что мы можем целый ряд фабрик пустить в три смены, уже намечает 23% роста. При чем тут пришлось признать, что мы недооцениваем как раз эффекта тех новых капитальных затрат, которые сейчас уже вступают в действие... Таким образом, вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов» [2]).

О чем свидетельствует эта цитата? О том, что и в этом вопросе, являющемся одним из центральных, т. С. также отступил. Он вынужден был согласиться с нами, что недооценивал эффекта новых капитальных затрат, что кривую темпов надо проверить. Он вынужден был сам привести факты против пессимистической установки в этом вопросе.

Верно, в ответной статье он придал этому отступлению более скромный характер: «...На протяжении ближайших четырех—пяти лет, как показывает нам конкретный анализ намечаемых затрат и их эффекта, мы в лучшем случае будем иметь рост по прямой или даже легкое затухание кривой роста. Тов. Мотылев и в этом пункте не согласен с нами. Ему хотелось бы, повидимому, вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые» [3]).

Таким образом, и в этой статье т. С. признает возможность развития по прямой линии, т.-е. стабильный прирост, что является значительным шагом вперед по сравнению с теми взглядами, которые нашли свое отражение в «Перспективной ориентировке» и в исправленном варианте с учетом трех смен. Совершенно неверно, однако, утверждение т. С., будто мне хотелось бы «вообще изгнать из употребления в нашей плановой практике всякие затухающие кривые». В своей статье в № 3—4 «Большевика» я писал по этому поводу следующее: «В первые годы пятилетия исчерпание последних резервов восстановительных возможностей может еще сопровождаться снижением темпа прироста продукции, но в последние годы должна выявиться, наоборот, тенденция нарастания темпа прироста под влиянием нарастания преимуществ переходной системы хозяйства и

[1]) См. «Большевик» № 3—4, стр. 14—17.
[2]) «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР», стр. 110—111, разрядка моя.
[3]) «Большевик» № 13—14, стр. 114.

степени их реализации» [1]). Таким образом, т. С. искажает мои взгляды, утверждая, что я вообще изгоняю всякие затухающие кривые. Я утверждал лишь, что во второй части пятилетия должна выявиться тенденция к нарастанию темпов, что систематически затухающая кривая «Перспективной ориентировки» и ее исправленного варианта с учетом трех смен не выдерживает критики.

Этой же точки зрения я продолжаю придерживаться и сейчас. Последние проекты контрольных цифр ВСНХ подтвердили правильность моей критики затухающего характера кривой темпов предыдущих проектов. В нижеследующей таблице сопоставлены наметки новых контрольных цифр ВСНХ с предыдущими. В таблице приведены как цифры, утвержденные коллегией ПЭУ 21 апреля, так и цифры, внесенные позже ВСНХ в президиум Госплана [2]).

Годы:	Капитальные затраты с учетом снижения цен в (млн. руб.).		Прирост продукции в %% к предыд. году		
	Кон. циф. кол. ПЭУ ВСНХ	Пред. проект. ВСНХ	Кон. циф. кол. ПЭУ ВСНХ	Пред. проект. ВСНХ	Последний проект, представ. ВСНХ в Госплан
1927/28	1.250	1.192	23,1	18,1	—
28/29	1.500	1.400	18,3	16,6	19,0
29/30	1.700	1.488	18,3	17,6	17,3
30/31	1.875	1.501	18,4	13,8	17,3
31/32	2.019	1.506	18,4	12,8	17,5
32/33	2.200	—	18,4	—	1[illegible],4

Таблица показывает, что в новом проекте, утвержденном 21 апреля коллегией ПЭУ, кривая капитальных затрат носила восходящий характер даже в понижающихся ценах и в этом отношении проект исправил недочет предыдущего проекта. В то же время темп роста продукции в 28—29 г. понижается, а затем оказывается стабильным. В проекте, представленном позднее в Госплан, темп роста продукции в первом году пятилетки также снижается, а затем оказывается стабильным и лишь в последнем году снова снижается. Так как материалы нового проекта еще не опубликованы, то мы не можем проверить, насколько это снижение в последнем году пятилетия является обоснованным. Однако, высказанное на заседании президиума Госплана представителем промышленной секции мнение, что этот проект ВСНХ недоучитывает возможный эффект капитальных вложений, дает основание полагать, что это снижение необосновано, так как эффект капитальных вложений должен особенно проявиться к концу пятилетия.

Таким образом, новые проекты подтверждают в основном мою критику затухающего характера темпов в предыдущих проектах. Что же касается намечаемой этими проектами стабильности прироста продукции, то возможность такого роста по прямой нуждается во всесторонней проверке. Мне кажется более вероятным некоторое снижение темпов в первые годы пятилетия, но тенденция к их повышению (хотя бы и медленному) в последние годы пятилетия.

* * *

Итак, по всем основным вопросам нашей дискуссии т. С. вынужден был отступить, признать в той или иной степени правильность моих критических замечаний. Оговорки, которыми он пытался прикрыть и умалить это отступление, оказываются, при более близком их рассмотрении, не выдерживающими критики.

[1]) «Большевик» № 3—4, стр. 17.

[2]) См. «Торгово-Пром. Газета» № 97 и «Эконом. Жизнь» № 204.

Если, несмотря на это, т. С. пишет в начале своей статьи, что считает мои критические замечания «весьма неудачными», то приходится только пожать плечами. Тов. Струмилин готов замаскировать свое отступление какими угодно способами. И, действительно, он использовал для этой цели богатый ассортимент «приемов». Большая часть его статьи посвящена задачам этой маскировки. Для этой цели критикуются с победным барабанным боем мои «ошибки». С этой целью пускаются в ход многочисленные полемические выпады. Однако, несмотря на все свои усилия, т. С. смог выявить лишь наличие в моих статьях пары частных замечаний, основанных, быть может, на недоразумении. Однако, и в этих недоразумениях, если они имели место, повинна неясность материалов и сводок, публикуемых при ближайшем участии т. С. [1]). Эта неясность лишает меня и сейчас возможности проверить, верны ли возражения т. С. по поводу этих частных замечаний.

На некоторых его упреках и приемах я вынужден остановиться, так как неподготовленного читателя они могли ввести в заблуждение.

Тов. С. упрекает меня несколько раз в априорных заключениях без кропотливого технического анализа, без проверки конкретных фактов, из которых исходят предположения Госплана. Недобросовестность этого упрека станет очевидной, если принять во внимание, что Госплан опубликовал лишь сводные цифры и таблицы, не опубликовав никаких материалов, на основе которых они разработаны. При таком положении проверка технико-производственных данных и конкретных расчетов невозможна. Бросая мне такой упрек, т. С. отрицает фактически возможность обсуждения опубликованных сводных таблиц, между тем как и партийные дерективы и решение Госплана признают такое обсуждение необходимым. В действительности же опубликованные цифры дают полную возможность обсуждения вопросов пятилетнего плана, ибо соотношение величин они выявляют. Если не относиться с таким презрением к теоретическому методу анализа, с каким относится к нему т. С., то нельзя отрицать возможности выявления основных недочетов проектов и на основе опубликованных таблиц и сводок.

Лучшим опровержением этого упрека является, однако, тот факт, что мои «априорные» критические замечания вынудили т. С. отступить по всем основным вопросам дискуссии.

Далее. Я констатировал в статьях недостаточное внимание Госплана, и в частности т. С., к проблеме эффективности капитальных вложений. В качестве одного из показателей этого факта я приводил заявление т. С., что он затрудняется определить, велика или мала эффективность капитальных затрат в проектах Госплана. Тов. С. пытается сейчас отвести мою критику замечанием, что «серьезный исследователь очень часто видит трудности именно там, где верхогляду представляется все чрезвычайно ясным и совершенно очевидным». Несмотря на бесспорность этого положения, нетрудно убедиться в его абсолютной непригодности для данного случая. Дело в том, что разработка пятилетнего плана происходит уже несколько лет. В настоящее время Госплан работает уже над четвертым (по иному счету— над пятым) проектом. Проблема эффективности капитальных вложений—

[1]) Эта неясность побудила меня воздержаться от суждений об исправленных вариантах с учетом 3 смен, опубликованных в № 11 «План. Хозяйства». Тов. Струмилин упрекает меня на этом основании в том, что я «не удосужился предварительно с ними ознакомиться». Между тем, в № 10 «Большевика» я указывал, что воздерживался от суждений о них, так как в об'яснительных статьях не выяснен основной вопрос, в каких размерах учтен переход к 3-м сменам. Ведь «Контрольные цифры» ВСНХ запроектировали такие же темпы, как исправленный оптимальный вариант, при учете перехода к 3-м сменам лишь в хлопчатобумажной промышленности.

одна из самых основных проблем пятилетнего плана. Между тем, в опубликованных материалах Госплана этой проблеме не уделено должного внимания. Тов. С., который исписал не мало страниц по вопросам плвнирования, этой проблеме почти не уделил внимания. Вопрос о методологии измерения эффективности в его выступлениях не освещался, не сделано было попытки сопоставить эффективность капитальных вложений у нас с их эффективностью в капиталистических государствах. Таким обрвзом, в данном случае дело не в серьезности т. С., как он старается это дать понять, а именно в несерьезном его отношении к этой проблеме.

В заключение несколько слов об «ошибке», которой т. С. придает, очевидно, центральное значение в полемике со мной. В своем заключительном слове в Комакадемии т. С. упрекал меня в том, что я арифметически сопоставляю 20% прироста капитальных вложений с 7—8% прироста народного дохода, т.-е. сопоставляю разницу в приросте капитальных вложений за пятилетие по обоим вариантам с разницей в приросте народного дохода, отнесенной ко всему народному доходу и потому арифметически несопоставимой.

В статье в № 10 «Большевика» я об'яснил т. С., что подобного арифметического сопоставления не производил. Однако, несмотря на это, он вторично выдвигает в своей статье этот упрек и уделяет много места победоносной критике этой «ошибки». Допустим, что соответствующее место в первой статье не отличалось достаточной ясностью и давало основания для такого толкования. Но я выяснил ведь в следующей статье, что такое толкование противоречит общему смыслу моих замечаний. Зачем же понадобилось т. С. вторично критиковать эту мнимую «ошибку»? Не потому ли, что, отступив по основным вопросам дискуссии, он вынужден цепляться за этот выигрышный вргумент, чтобы замаскировать победоносным барабанным боем свое отступление?

Вопросы пятилетнего плана продолжают нуждаться во всестороннем и серьезном обсуждении. Я стремился своими критическими замечаниями принести посильную пользу органам, занятым разработкою новых проектов. Деловой характер этих замечаний вынужден был признать в заключительном слове в Комакадемии и т. Струмилин. Из'являя готовность продолжить деловую дискуссию по основным вопросам пятилетнего плана, я выражаю, однако, пожелание, чтобы мой оппонент отказался от полемических приемов, искажающих деловой характер этой дискуссии.

М. У.

За упрочение низового органа диктатуры пролетариата—сельсовета.

В настоящее время в деревне имеется своеобразное двоевластие. С одной стороны, мы имеем низовую ячейку диктатуры пролетариата—сельсовет, с другой стороны—земельное общество, организацию, далеко не пролетарскую.

В то время, как первая—носитель и проводник социалистических начал, вторая—хранитель старых традиций, навыков и проч. Между этими организациями происходит борьба за руководство и направление хозяйственной жизни деревни.

И надо сказать, что до сего времени земельные общества, будучи совершенно самостоятельной организацией, экономически более сильной, чем сельсоветы, в этой борьбе брали верх над последними.

Имея в своем исключительном ведении землю, земобщества в силу этого зачастую подменяли собою сельсоветы, превращая их в свой исполнительный орган и таким образом, по сути дела, становились органами власти на местах.

Правда, за последнее время сельсоветы все более и более начинают превращаться в безраздельные органы власти на селе. Но нам не следует самодовольно останавливаться на этом, говоря себе, что у нас в этом отношении все обстоит благополучно. Наоборот, сейчас, когда вопросы коллективизма являются центральными вопросами, нам нужно выпятить, заострить вопрос о том, как, какими путями и средствами должна быть предоставлена до конца «вся власть советам» в деревне.

Надо помнить, особенно теперь, когда кулачество подняло голову, что «в деревне основную, решающую роль в организации крестьянства для советской власти, для революции, для строительства и победы социализма играют советы» (Молотов).

Дальнейшее развертывание работы сельсоветов, осуществление ими всей власти на селе упирается в земельное общество.

Создание таких взаимоотношений между сельсоветами и земобществами, при которых первые должны быть безраздельными органами власти, есть задача первостепенной важности.

Наметить мероприятия в этом отношении и имеет целью настоящая статья. При этом в силу необходимости придется начать с вопроса о пресловутой общине.

I. Имем ли мы общину?

Существует мнение, будто бы община народнического периода невредимо дожила до пролетарской революции и что она может сыграть огромную роль в деле перехода крестьян от единоличного хозяйства к хозяйству коллективному.

Итог этому мнению подвел тов. Зданович, выступивший на страницах «Большевика» (см. № 6) по злободневному вопросу, вопросу о взаимоотношениях сельсоветов с земельными обществами.

Послушать Здановича, то, действительно, можно подумать, что община «представляет собою совершенно исключительную по своей прочности организацию».

Ни отмена крепостного права, ни голопный бег России через фазу промышленно-капиталистического развития, ни революции, из которых две были буржуазно-демократическими, а последняя—пролетарская,—ничто, оказывается, не могло уничтожить общины.

Одним словом,

Века проходили, все к счастью стремились,
Все в мире по нескольку раз изменилось,

а община оставалась неизменной.

«Оказывается,—пишет Зданович,—что к моменту Октябрьской революции у нас 50% крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России к началу 1917 года осталось в общине» [1]).

Представлять себе дело так, как это делает т. Зданович это значит впадать в оптимизм, впадать в рецидив народничества.

Община—продукт крепостничества и его института круговой поруки [2]).

Община, как «союз по владению надельной землей» с одинаковыми правами и обязанностями между ее членами находит свою живучесть только исключительно при натуральном хозяйстве. От рода и способа производства и обмена каждой экономической формации зависят род и способ распределения продуктов.

В общине по необходимости род и способ производства крайне прост и несложен. Этого требовали разные условия: отсутствие совершенных орудий труда, бедность опыта и знаний, непонятные силы природы. Отсюда вытекает определенный род и способ распределения продуктов. Он также крайне прост и несложен. Все, что производится в общине, за вычетом тех продуктов, которые отбирались на причудливые «нужды» крепостника-помещика, довольно равномерно распределялось между членами общины.

Однако, дальнейшее развитие производительных сил требовало разрушения прежнего рода и способа производства.

В натуральные отношения начали проникать товарно-денежные отношения. Проникновение же денежных отношений в натуральные отношения всегда соединено с медленным или быстрым переворотом в прежнем роде и способе распределения в смысле усиления неравенства между отдельными личностями. А раз появилось неравенство в распределении между членами общины, значит она не могла долее жить. Вот что говорит по этому вопросу Ф. Энгельс: «Община остается возможною только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками-рабами других, более богатых членов—так община не может более жить» [3]).

До XVIII столетия община недостаточно обнаруживала следы своего разложения. С конца же XVIII столетия стал очень заметен процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Капиталистические отношения с присущими им противоречиями начали быстро проникать в наше хозяйство и почти целиком господствовали в городской промышленности. Обороты как внутренней, так и, в особенности, внешней торговли непрерывно росли. Происходили изменения в прежнем роде и способе производства, а следовательно, и изменения рода и способа распределения. Последний, соответственно производству, представляет собой не что иное, как механизм неравномерного распределения.

Спрашивается теперь, могла ли община при таком положении представлять собой нечто нивелированное? Разумеется, нет.

И чем больше развивались товарно-денежные отношения, тем быстрее происходило разложение общины.

Но было бы ошибкой думать, что община умерла сразу.

Смерть ее наступала постепенно, по мере развития капиталистических отношений. До реформы 1861 года эти отношения развивались слабо. Но со времени этой реформы Россия сделала громадные шаги по пути капиталистического развития. Быстро развивалась промышленность с миллионными оборотами, неудержимо развивался кредит, в сельское хозяйство взамен натуральных отношений пришли капиталистические отношения; миллионы пудов зерна деревня производила не только на внутренний, но и на мировой рынок.

Товарные отношения в корне преобразовали старую деревню, деревню примитивных сел.-хоз. орудий—в деревню со сложными сельскохозяйственными отношениями.

Процесс капиталистического развития, проникший во все отдельные уголки патриархальной деревни, произвел колоссальное разложение общины.

Община расслоилась: значительная часть членов общины обнищала, принуждена было отправляться на заработки, сдавая свои наделы в аренду, приплачивая за них арендатору; другая часть с трудом сводила концы с концами—и только незначительная часть крестьянства превратилась в кулаков-ростовщиков.

Под воздействием «тлетворных влияний капитализма» это разложение настолько было велико, что уже к революции 1905 г. община из «союза по владению надельной землей» превратилась в свою противоположность: она превратилась в арену обогащения одних и пролетаризации других.

Кое-где оставшиеся следы прежней общины были докончены царско-помещичьим государством указом от 9 ноября 1906 г. и законом от 14 июля 1910 года (Столыпинская реформа). Сама же община была преобразована в орган административно-сословного управления, за вывеской которого гнездилась целая система грубого засилья кулаков и помещиков.

Нет нужды подробно останавливаться на общине этого периода. Важно отметить, что, будучи превращена в орган административно-сословного управления, община ведала всеми вопросами касавшимися деревни.

Как разрешались эти вопросы? А вот как: «В значительных обществах,—читаем мы в одном из документов, по которым изучалось крестьянское «самоуправление» в последнее десятилетие до революции,—собирающаяся толпа в 150—300 человек... кричит, спорит, сама не зная о чем, сводя более личные друг с другом счеты, доходящие иногда до драки, и не ведая того, что обсуждается.

Затем, соскучившись ожиданием конца сходки, затягивающейся иногда далеко за полночь, одни дремлют и засыпают тут же на полу, другие расходятся по соседним избам.

Наконец, приговоры составлены обыкновенно под влиянием нескольких лиц, и начинается рукоприкладство. Неграмотные, полусонные, ничего не слыхавшие и не обсуждавшие, поручают грамотному приложить руку и спешат домой при полном неведении, что творили; грамотные, если и узнают, в чем заключалось дело, также подписываются без возражений, ибо если решено—значит ничего не поделаешь, только сильных недругов наживешь».

Совершенно очевидно, что при таком положении вещей на сходе кулачеству не стоило большого труда овладеть им. При помощи магарыча—в виде ведра или больше водки—оно без лишних хлопот проводило через сельский сход все, что ему было нужно.

[1]) «Большевик» № 8, стр. 40.

[2]) Подробно о происхождении общины см. книгу М. Н. Покровского «Очерки по истории русской культуры» в отделе «Экономич. строй».

[3]) См. «Письма К. Маркса и Ф. Энгельса». И-во «Московский Рабочий», 1923 г., стр. 341.

«Крик, шум и общее непонимание друг друга,—читаем мы в другом документе,—вот общий фон схода; безусловно сохранение существующего порядка, враждебные отношения, даже без обсуждения, ко всему новому, притеснение и угнетение слабых членов и предоставление произвола богатым, а следовательно, и сильным членам—вот деятельность сельских сходов».

Вот, собственно, с чем вошла община в Октябрьскую революцию. Если и можно говорить о сохранившихся остатках прежней общины, то разве только об общей пастьбе скота по озими и пропивке общественных земельных угодий.

Как-то странно становится, что люди, живущие в наше время, не могут понять того, что понял в 1878 году даже «теоретик» народничества Воронцов, писавший, что «община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле... Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли».

А т. Зданович приходит и вещает миру, что ко времени Октябрьской революции община сохранилась и что в ней живет 50% крестьянского населения.

А как живут, какова организация общины, кто ею руководит, что именно сохранилось от общины былого времени,—обо всем этом Зданович безмолвствует.

Прямо-таки диву даешься: как может человек, прочитавший об общине журнальную статью проф. Першина, приходить к таким вздорным выводам, что современная община—«как нельзя более кстати» в деле перевода крестьян от единоличного хозяйства к хозяйству коллективному?

II. Что представляет собой современная община?

В свое время народники считали, что община «может служить связующим звеном, мостом, через который крестьянство пойдет к социализму». В своей книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин обнаружил всю вздорность, всю нелепость народнических рассуждений. Он утверждал, что община, развивая товарное производство, неизбежно придет к полному своему разложению. Так и сбылось.

Но тов. Зданович этому не верит. Напротив, он пытается «доказать», что и теперь община может служить связующим звеном, мостом, через который крестьянство пойдет к коллективизму.

Поистине мертвый хватает живого.

Обратимся, однако, к действительности и посмотрим, быть может, Зданович и прав, когда он «крошит» тех товарищей, которые видят в современной общине не только барьер, затрудняющий об'единение основной массы крестьянства в единственно-возможной форме—кооперативной, но и тормоз в развитии производительности сельского хозяйства.

Отличительной особенностью современного землепользования была и пока продолжает оставаться неорганизованность сельскохозяйственной территории и неприспособленность ее для экономических нужд сельскохозяйственного производства.

Основные и наиболее вредные недостатки это—дальноземелье, внешняя и внутриселенная чересполосность и т. д. Все эти недостатки наслаивались в течение столетней трансформации общины.

«Общине» наших дней больше всего присущи эти недостатки. Частые уравнительные переделы, ежегодные скидки и накидки с каждым годом все больше и больше усиливают чересполосность, доводя в некоторых местах полосы земли на двор размером с «носовой платок».

Вот таблица [1]), которая рисует современное состояние сельскохозяйственной территории в общине:

[1]) «Контрольные цифры Госплана СССР на 1927/28 г.», стр. 115.

Количество полос на двор.	Районы:		%% хозяйств, имеющих дальние полосы:		
				Районы;	
	Юга и Ю.-В.	Севера и С.-В.	Расстояние от места полос до двора	Юга и Ю.-В.	Севера и С.-В.
От 1 до 5 пол.	29,6	1,7	до 1 км	5,3	54,0
„ 6 „ 10 „	49,3	2,0	от 1—3 км	7,4	42,8
„ 11 „ 20 „	16,7	10,5	„ 3—5 „	11,5	1,9
„ 21 „ 40 „	4,1	32,9	„ 5—10 „	38,7	1,2
„ 41 „ 100 „	0,2	45,2	свыше 10 „	37,1	0,1
„ 100 и выше	0,1	7,7	—	—	—

Из этой таблицы видно, что на севере и северо-западе 86% крестьянских дворов, хотя и имеют землю на расстоянии ближе пяти верст от хозяйственного центра, но зато сама земля разбросана от 20 до 100 полос на каждый двор. На юге и юго-востоке мы имеем хотя и меньшее количество полос на двор, но зато земля находится от усадебного центра на расстоянии свыше пяти верст.

Совершенно очевидно, что при таком положении земельной организованности «общины» нельзя говорить об интенсификации и механизации сельского хозяйства.

Следовательно, современная «община» не может отвечать требованиям, пред'явленным к деревне, именно усиления темпа развития сельского хозяйства и увеличения его товарности.

Община, перманентно переделяясь (иначе в общине быть не может), отнимает у крестьянина желание улучшать свое хозяйство. Крестьянин, живущий в общине, думает не о том, как поднять хозяйство, а о том, как бы побольше прирезать земли. А отсюда враждебные отношения среди членов общины, никогда не способствовавшие и не могущие способствовать об'единению крестьян.

Все, что связано с улучшением хозяйства — мелиорация лугов, полевое травосеяние, многопольные севооброты, переход к коллективным формам землепользования,—все это наталкивается на враждебное отношение большинства членов общины.

С другой стороны, каждому, знающему деревню, хорошо известно, что для кулацких групп в общинах ростовщичество и всякого рода эксплоатация возможны гораздо больше, чем где бы то ни было.

Множественность полос, дальноземелье, недостаток сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота,—все это позволяет кулацким группам эксплоатировать бедноту и на нужде ее строить свое благополучие.

Кулацкие хозяйства, живущие в «общинах», располагая крупным сел.-хоз. инвентарем имеют возможность поэтому вовлекать в свой хозяйственный оборот бедняцкие и маломощные хозяйства. Вот почему кулак против разрушения «общины». Он принимает все меры к тому, чтобы противодействовать мероприятиям, направленным к разрушению общины. Вот почему современные «общины» суть не что иное, как кулацкие гнезда.

«Община»—антагонист социалистического развития деревни. По этой линии и оказывает свое влияние кулак. Он окопался здесь. Современная «община» самая глубокая и самая прочная основа, облегчающая развитие деревенского капитализма. Самая глубокая потому, что под воздействием искусственного сохранения общины, несмотря на целый ряд учреждений, стесняющих, парализую-

щих развитие деревенского капитализма, мы видим постоянное образование элементов капиталистического развития внутри ее. Самая прочная потому, что в сельскомхозяйстветяготеютснаибольшейсилойтрадиции прошлого, традиции старины в смысле ведения сельскохозяйствеиного производства, в силу чего преобразующее действие социалистических элементов в сельском хозяйстве проявляется в общине с наибольшей медленностью и постепенностью.

Таким образом, мы видим, что община не только задерживает хозяйственный и культурный рост бедняцкнх и середняцких масс, не только создает почву для постоянного роста деревенского капнтализма. Против этой формы землепользования, которая связывает развитие сельского хозяйства, ведется усиленная борьба, а директивы партии по составлению союзного закона о землеустройстве и землепользованин прямо-такн обязывают заострить закон против общины, которая отдает еще крепостнической эпохой.

III. Каковы публично-правовые функции общины?

Сложилось прочное мнение, будто современная «община» есть земельное общество, то земельное общество, которое охарактеризовано нашим земельным законодательством н ленинскими статьями о кооперации.

Так, например, Зданович утверждает, что община в основном одно и то же, что и земельное общество.

Такой взгляд безусловно неверен. Земельное общество, в шнроком смысле слова, означает не что иное, как кооператив, организованный на коллективных началах. Так характеризует земельное общество и наше законодательство. И раз земельное общество—кооператив, значит, само собой разумеется, высшая ступень его внутренней организации.

Кто сопрнкасается с деревней, тот знает, что общину от такого земельного общества отделяет пропасть.

В то время, как настоящее земобщество представляет собой добровольное «об'единение» крестьян с плановым, разумным ведением сел. хозяйства, общины—принудительное «об'едииение» с обязательным трехпольным севооборотом, а следовательно, и с обязательным посевом определенных культур,—словом, организация совершенно не организованная. Да, собственно, община с ее передельным механизмом н не требует никакой оргаиизованности. Трехполка ведь не требует особой организованности.

Следовательно, община далеко, очень далеко не одно и то же, что земельное общество. Это—«Федот, да только не тот».

И если Зданович называет общину земельным обществом, но ведь от этого община не станет на самом деле им, как не появятся у сапожной щетки молочные железы, если Зданович назовет ее млекопитающим.

Современная община со стороны ее публично-правовых функций есть обломки дореволюционного сельского общества.

Насколько велики эти обломки, показывает результат обследования рвботников РКИ.

«В итоге приходится признать, что обычный деревенский «сход» (имеется в виду сход земельного общества. *М. У.)* или «общее собрание» есть повсюду сход земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества».

«...Это собрание решает и земельные н все прочие вопросы в одном и том же составе участников».

«Освещенный материалами обследования «сход» более всего приближается по типу своему к дореволюционному «сельскому сходу», который, повидимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революций».

«Земельные общества, со сходами которых приходится иметь дело сельсовету, представляют собою прочно сложившиеся организации, ничем, в сущности, не отличающиеся от прежних «сельских обществ».

Зданович рад, что в современной общине остались все функции прежних «сельских обществ» и что орган этих «обществ»—сход—невредимо «прошел сквозь всю эпоху революций». Нет, тов. Зданович, не радоваться нужно, не консервировать сходы земельных обществ (общины), а принимать самые решительные меры к постепенному упразднению их.

Все вопросы, связанные с распоряжением землею и земельно-хозяйственным устройством, находятся в исключительном ведении «земельного общества» н его органа—схода.

В этом отношении «земобщество» является вполне самоуправляющейся земельно-хозяйственной организацией. В качестве этой организации «земельное общество» устанавливает и изменяет порядок пользования различными угодиями в обществе, разрешает ходатайства о зачислении в общество новых безземельных членов и о выходе из общества с землей, постановляет о производстве землеустройства, о переходе на широкие полосы, о разделе земли между частями общества, производит земельные переделы и разверстки и проч., распоряжается угодиями общего пользования и свободиымн земельными участками,—словом, пользуется всеми правами в области распоряжения землей и земельно-хозяйственного устройства. Все постановления (приговоры) «земобщества» не подлежат утверждению каких-либо органов власти. Постановление «земобщества» вступает в силу одновременно с оформлением его участвовавшими в общем собрании членами.

Простой перечень вопросов, подлежащих исключительному ведению «земобществ», уже показывает, что все основные участки хозяйственной жизни деревни проходят мимо сельсоветов. Что же тут удивительного после этого, что сельсоветы подменяются земельными обществамн?

Имея в своем исключительном ведении и распоряжении основной об'ект жизни и деятельности деревии—землю—земельные общества оказались экономически гораздо сильнее, нежели сельсовет.

Так, по всему Союзу ССР в то время, как общая сумма бюджетов сельсоветов «составляет около 16 млн., земельные общества н другие об'единения крестьянства, по обследованию Наркомфина, нмеют 80 млн., а по данным РКИ больше 100 млн.». (Из речи Енукидзе на XV парт. с'езде).

Материальное преимущество «земельных обществ» перед сельсоветами, с одной стороны, обширность компетенции земобществ, с другой—убивают работу сельсоветов. И в результате мы имеем, что в некоторых обществах еще до сих пор протоколы сельсовета передают на утверждение земельного общества.

Как пример очень знаменательный можно привести следующее: боговское земельное общество Буйгородской волости, Волоколамского уезда, Московской губ. на одном из своих сходов ставит и решает вопрос «об утверждении протокола сельского совета от 26 декабря 1927 г.».

Если под боком центра земельное общество поглотило собою сельсовет, то можно себе представить, что делается в отдаленных уголках нашего Союза.

Сходы «земельных обществ», будучи предоставлены самим себе без всякого надзора, руководства н подчинения сельсоветам, служат тем последним орудием в руках кулаков, при помощи которого они оказывают свое сопротивление. Пока партия оживляла деятельность советов, кулачество стремилось окопаться в «земобществах». «Земельное общество» — последнее убежище кулаков. Из этого убежища нх надо выбить—н чем скорее, тем лучше.

IV. Практические предложения.

Выше уже было отмечено, что вопросы земельно-хозяйственного устройства деревни находятся в исключительном ведении «земельных обществ». На самом же деле эти вопросы должны находиться в ведении сельсоветов, как основа жизни и деятельности их. До тех пор, пока эти вопросы не будут находиться в безраздельном ведении сельсоветов, последние не могут стать действительными руководителями в деле переустройства деревни на социалистический лад. Поэтому при разрешении вопроса о взаимоотношениях сельсоветов с «земобществами», мы прежде всего, упираемся в вопросы земельно-хозяйственного устройства. Это основной вопрос, разрешив который будет легче разрешить все остальные вопросы, связанные с урегулированием взаимоотношений между этими двумя организациями.

Анализ общины с точки зрения ее приспособленности к экономическим нуждам сельскохозяйственного производства, а равно с точки зрения ее публично-правовых функций с логической неизбежностью приводит нас к следующему:

1) Прежде всего надо ускоренным темпом планово расселить (землеустроить) крупные общины с образованием либо коллективов, если для этого имеются материальные и социальные предпосылки, либо поселков и выселков. При этом надо всячески стараться переводить поселки на широкополье и многополье. Плановое расселение общины лучше других мер парализует всякую возможность кулацкого обогащения, а также и образование капиталистических элементов.

2) Затем в законодательном порядке установить, как принцип, что *отныне сельсоветы в вопросах распоряжения землей должны быть руководящими органами над «земельными обществами» не только и не столько в смысле наблюдения и регулирования их работы, сколько в смысле отмены, приостановления постановлений земобщества по всем вопросам, когда сельсовет усмотрит, что данное постановление противоречит законодательству и всей политике в деревне вообще и в отношении бедняцкой части населения в частности.*

3) В вопросах о производстве землеустройства, переходе к другим формам землепользования, переделах, скидках и накидках сельсовету должно быть предоставлено решающее слово.

4) Далее, право распоряжения и заведывание усадебными землями и свободными земельными участками должно быть целиком и полностью передано сельсовету, как органу, ведающему благоустройством деревни.

5) Право решения вопроса о приеме в состав общества новых членов у «земобщества» надо из'ять, передав это право сельсовету.

6) Распоряжение излишними, неиспользованными земобществом, земельными участками, владение и распоряжение оброчными статьями, наблюдение за правильностью сдачи земель в аренду, а равно наблюдение за исполнением арендатором условий арендного договора—передать в исключительное ведение сельсоветов.

7) Выморочное имущество, как отобранное от землепользователей в случаях, указанных в законе, так и оставшееся после смерти всех членов двора, должно быть передано кресткомам, а в тех районах, где крестьянских комитетов обществ взаимопомощи нет—сельсовету.

8) Созыв земельного схода, председательствование на нем, охранение порядка и руководство работой его,—совпадает ли территория данного земобщества с территорией сельсовета или не совпадает,—законодательным путем возложить на председателя или члена сельсовета.

9) Все ныне существующие «земельные общества», оставшиеся от прежних «сельских обществ», форсированным темпом перевести на нормальный устав, иначе сельсовету трудно будет руководить работой «земельных обществ».

Предлагаемые мероприятия, которые, конечно, должны быть конкретизированы, поднимут в гораздо большей степени авторитет сельсоветов в глазах крестьянства и усилят их роль в деле переустройства сельского хозяйства. Кроме того, эти мероприятия парализуют возможность «земобществ» подменять собою сельсовет. Важно установить, чтобы сельсоветы были хозяевами в области земельно-хозяйственных вопросов. Остальное приложится само собой, будет подсказано практикой.

Нужно создать материальную базу для сельсоветов, укрепить ее. Предлагаемые мероприятия как-раз и способствуют этому. «При установлении руководящей роли советов в отношении земельных обществ,—говорит т. Молотов,—сельский совет становится на новую материальную базу, и это есть значительное укрепление основы для дальнейшего оживления советов, развертывания их работы в области хозяйственной, культурной и политической жизни деревни» [1]).

Через посредство советов, являющихся единственным органом пролетарской диктатуры в деревне, мы вытесним кулачество, нашедшее себе последнее убежище в «земельных обществах» и поставим на правильный прочный путь развитие сельского хозяйства—путь социалистический.

---

¹) Речь тов. Молотова на XIV партс'езде, стенографический отчет, стр. 1086.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Г. ЛЕЙТЕЙЗЕН. «Ницше и финансовый капитал». С предисловием А. В. Луначарского. ГИЗ, 1928 г., стр. 144, цена 1 р. 20 коп.

Работа Лейтейзена ставит своей задачей показать на примере анализа основных идей философии, социологии, политики и этики Ницше идеологию финансово-капиталистической олигархии.

Идея сама по себе интересная и оригинальная. Ведь именно изучение буржуазной и мелкобуржуазной идеологии эпохи финансового капитала составляет уязвимое место нашей литературы, интересующейся преимущественно экономикой.

Рецензируя эту работу, мы не задаемся целью осуждать или защищать мысль автора обосновать уже выдвигавшийся марксистской критикой тезис, что Ницше выражал в своем творчестве идеологию зарождающегося империализма.

Спор на эту тему принадлежит, по сути дела, компетенции философского журнала.

Нас интересует в данном случае нечто другое, именно, как автор брошюры со столь претенциозным заголовком расправляется во славу плохо понятого ленинизма с элементарной политической грамотностью и элементарными приемами марксистской методологии.

Собственно, об этой работе можно было бы и не давать журнальной рецензии: мало ли у нас выпускается брошюр и брошюрок, авторы которых бедны, как церковные мыши, но тем не менее считают почему-то непременным долгом делиться с окружающими своей идейной нищетой и убожеством. Еще Д. И. Писарев в свое время резонно замечал, что «без хлама не обходится ни одна литература и что от хлама не отобьешься никакой критикой, потому что на свете всегда будет очень много людей, совмещающих в себе гениальность шестинедельного ягненка с честолюбием Александра Македонского».

Дело, однако, в том, что рецензируемая работа выделяется из общего хлама не только своей претенциозностью, но прежде всего тем, что она рекомендована в предисловии таким квалифицированным человеком и знатоком литературы, как тов. А. В. Луначарский.

Последний пишет в своем предисловии: «Автор настоящей книги обратился ко мне с просьбой сопроводить ее предисловием. Прочитав труд молодого исследователя, я не могу не выразить ему благодарность за это его предложение. Книга т. Лейтейзена представляет собою, несомненно, выдающееся произведение, за которым, надеюсь, последуют и новые его труды, способные обогатить наш анализ культурных сил и течений современности».

Мы охотно допускаем, что т. Луначарский бегло просмотрел книгу, и потому больше обратил внимание на то, что она написана молодым исследователем, нежели на существо дела.

Это, однако, вряд ли может послужить извинением и достаточным основанием к поощрению того некультурного, некритического, смешного

в своей попытке вознаградить себя литературной мишурой за незнание существа дела стиля «работы», типичным образчиком которого служит рецензируемая брошюра. Начать с того, какие представления имеет автор книги, желающий применять марксистский метод, о том самом финансовом капитале, который задорно аншлагирован на обложке брошюры.

Раскрываем главу с претенциозным заголовком «Amor fati и вечное возвращение».

Читаем: «Определение, данное эпохе Гомера, можно почти целиком перенести на эпоху финансового капитала (!). Или, по крайней мере, на его тенденции (!). Мы здесь видим ряд черт феодальной (!) структуры— единое замкнутое хозяйство (!), отсутствие конкуренции (!), у каждого человека свое определенное место (!), иерархия, наверху группка феодалов, рыцарей (!)—финансовая олигархия, внизу миллионные закрепощенные, порабощенные массы... Но самое главное в этой эпохе, это—ее организованность (!), это то, что она должна (!) быть организованной. Конец темному року, конец власти рынка, конец кризисам, сотрясающим капиталистический мир. Отныне всем руководит только воля господствующей касты (!)» (стр. 125—126).

Какими словами квалифицировать эту благодушную дичь? Эта околесица была бы возмутительна, если бы прежде всего она не была комической: человек, который слышал, может быть, лишь «звон» об империализме, не дожидаясь («пока-то улита едет»), пока он прочтет серьезные работы по теории империализма и критике ультра-империализма, с уверенностью знатока срочно погружает читателя в мир таких идей, которые автор в простоте душевной считает марксистскими, но от которых не поднимутся волосы разве только у плешивого.

Мы были бы несправедливы к автору, если бы ограничились перепечаткой приведенного перла, тогда как у автора чуть ли не целая «система» взглядов на империализм. При этом автор дает понять, что его союзником является не кто иной, как... тов. Бухарин. Это уже достаточно интригующее обстоятельство, чтобы можно было пройти мимо него.

Лейтейзен на стр. 45 приводит цитату из «Мирового хозяйства и империализма» Бухарина (2-е изд., ГИЗ, стр. 157, примечание): «Если бы был уничтожен товарный характер производства (например, при организации всего мирового хозяйства, как одного гигантского государственного треста, невозможность чего мы доказывали в главе об ультра-империализме) (эти последние слова, начиная с запятой, между прочим, Лейтейзеном не цитируются. *В. К.*), то у нас была бы совершенно особая хозяйственная форма. Это был бы уже не капитализм, так как исчезло бы производство товаров, но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы всего более замкнутое рабовладельческое хозяйство при отсутствии рабов».

Приведя эту цитату, Лейтейзен соглашается, что перспективы этого «замкнутого рабовладельческого хозяйства»—«будущее, которого не будет».

Тем не менее, это не помешало ему, как мы видели выше, впоследствии «определение, данное эпохе Гомера», куда, между прочим, автор, в интересах борьбы с исторической грамотностью, поместил средневековых рыцарей, «почти целиком перенести на эпоху финансового капитала». Свобода автора от знакомства с основными произведениями по теории империализма и, в частности, с цитируемой им книгой «Мировое хозяйство и империализм», позволила ему не заметить противоречия в своих утверждениях и легко впасть в обычную для людей, изучающих серьезный вопрос по цитатам, ошибку.

Автор, забыв условиость сравнения тов. Бухарнна, ие вдумавшись как следует в утверждение т. Бухарина о невозможности в действительиости экономической структуры единого мирового треста, ориентировался в проблеме «по-своему». Почему, в самом деле, не об'явить, раз допущена возможность «рабовладельческого общества», как итогового результата развития капитализма, всю эпоху фииансового капитализма, если уже не ставшей, то, по крайней мере, становящейся «рабовладельческим обществом» или «феодальной структурой»,—это уже дело вкуса, для автора, например, это все равно: все меньше стаповится рыночной стихии, все меньшую роль играют кризисы, все меньше конкуреиции, все меиьше неорганизоваиности, и капитализм, с легкой руки Лейтейзена, прииимает все более феодальный вид.

Дело, короче говоря, идет совсем так, как в той бочке из детского арифметического задачника, в которой для проверки математических способностей детей отрывался злосчастиый кран и воды, иатурально, становилось все меньше и меиьше.

Эта ошибка, говорящая о полной неискушенности знанием действительной диалектики капитализма, тем более пригодилась автору, что дала ему возможность без особых хлопот, без всякого труда иад выяснением конкретиой сложности и своеобразия общественной почвы, породившей философию Ницше, легко об'яснить некоторые стороны его философии, которые давали повод иным критикам считать Ницше идеологом прусского юнкерства, иапр.: культ кастовости, восхищение перед рабовладельческими эпохамн в истории, апологетика силы и консервативности русского самодержавия и т. д.

Доводы этих критиков могли бы быть отведены на основе конкретиого анализа своеобразия германского империализма, но автор предпочел не тратить на это время.

Зачисление «в рабовладельческое хозяйство» в одном случае, в «феодальное» — в другом всей эпохи империализма разрешило все неразрешенные вопросы.

С гениальиостью, о которой так хорошо сказал критик 60-х годов, Лейтейзен при помощи острейшего ланцета своей схемы вскрыл в этих взглядах чисто империалистическое существо философии Ницше. Одновременио наш автор с бесстрашием исследователя, идущего на все выводы, вытекающие из его конструкции, сделал закоренелым представителем финансового капитала и Гомера. Мы не сомиеваемся, что во имя своей схемы Лейтейзен, если бы еще раз потребовалось его мужество, зачислил в идеологи финансового капитала и царя Хеопса и даже его пирамиду. Впрочем, за последнюю ручаться нельзя.

Весь путь мысли нашего критика служит ярким образчиком неверного мышления, которое, как известно, будучи доведено до конца, приводит к противоречию со своим исходным пунктом.

Если бы Лейтейзеи потрудился ознакомиться с действительной диалектикой развития новейшего капитализма, ои не утверждал бы такого вздорного с теоретической точки зрения, оппортунистического с точки зрения политики тезиса, что «самое главное в новой эпохе это ее организованиость» (стр. 126), он не утверждал бы, споря с тезисом тов. Фриче и Когана, квалифицирующим Ницше, как «пророка индивидуализма», что «основным признаком новейшего капитализма» является «организация хозяйственной жизни человечества (тресты, монополии)» «в противоположность анархии» (стр. 80).

На деле это совсем не так. «Монополия, создающаяся в иекоторых отраслях промышлеиности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» (Ленин. «Империализм»).

«Не чистая монополия, а монополия рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—вот существенная особенность империализма вообще. Именно это соединение противоречивых друг другу «начал»: конкуренции—моиополии и существеино для империализма, именио оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию» (XIV, I, стр. 121).

Это—сердцевина всех противоречий империализма, и без этого противоречия нет эпохи империализма, ибо «империализм есть отживающий, но ие отживший капитализм, умирающий, но ие умерший» (Ленин, там же, стр. 120). Между тем предположение, что империализм «свободеи» от анархии производства, конкуренции, кризисов и т. д. означало бы, что империализм свободеи от основных черт капитализма, следовательно, означало бы, что империализм не есть капитализм, что капитализм уже «умер», уже «отжил».

Не поняв этого, Лейтейзен не мог разобраться и в том, почему лишь абстрактно мыслима возможность единого мирового государствеиио-капиталистического треста.

Конечно, отличие империалистической стадии развития капитализма от классической эпохи промышленного капитализма в господстве монополий, в том, что экономически основным для этого империализма является «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими моиополиями» (Лении).

Было бы недостаточным стоять только на той точке зреиия, что монополия и конкуренция, как два полюса единства противоположностей, переходят друг в друга, предполагают друг друга, неразрывно сосуществуют друг с другом. Это было бы бесконечным кружением, напоминало бы какую-то дурацкую дузль, в которой иикто никого не раиит.

Постановка вопроса о взаимообусловленности, о взаимопроникновеиии моиополии и конкуренции может быть диалектической лишь при одновременном признании для эпохи империализма примата (первенства) монополии в данном единстве противоположиостей.

Отсюда и вытекает абстрактная возможность единого мирового треста. В нем находит свое абстрактное завершение тенденция централизации и концентрации капитала.

«Можно ли, однако, спорить,—писал Ленин,—против того, что абстрактио мыслима новая фаза капитализма после империализма, именно ультра-империализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно... Не подлежит сомнению, что развитие идет в направлеиии к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия, и все без исключения государства».

Но одно дело, разумеется, признание абстрактной возможности и другое дело—может ли коикретно империализм достигнуть такой предельной ступени зрелости. Это—небо и земля. Правда, истина абстрактного в конкретном. Нельзя разрывать конкретное и абстрактное. И с этой точки зрения абстрактная возможность ультра-империализма вытекает из той теиденции к монополии, которая имеется вполне реально. Но абстракция эта не охватывает всей коикретной сложности действительной картины развития, являясь лишь ее моментом. Дело в том, что тенденция к одной всемирной монополии прокладывает себе путь через такие все более обостряющиеся противоречия монополии и конкуренции, через такие кризисы, войны и потрясения, проходит в обстановке такого неравномериого развития капитализма, что, только взяв абстрактную лииию развития коицентрации и централизации капитала, только отвлекшись от классовой борьбы, только представив себе бессуб'ектный экономический процесс — можио утверждать конкретиую возможиость ультра-империализма.

Уже в самих этих обостряющихся противоречиях, «отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр., и пр.» (Ленин), выросшие общественные производительные силы требуют освобождения их от оков капиталистических производственных отношений, требуют, как выразился Энгельс, фактического признания общественного характера современных производительных сил и, следовательно, согласования способа производства, присвоения и обмена с общественным характером средств производства.

Этот рост противоречий на базе господства монополий (а не вообще противоречий) и является основой нашего движения к социалистической революции. Было бы смешно думать, что социалистическая революция вырастает, как итог абсолютного загнивания капитализма. С трупом не борются. Революция побеждает живой капитализм.

Надо отдать справедливость Лейтейзену, он не понял глубоко-противоречивого движения тенденции капитализма к единому мировому тресту, не разобрался с категорией абстрактного и конкретного в применении к империализму и поэтому попал в курьезное положение, которое становится тем более курьезным, что он не хочет один пожинать лавры своей критики, но благородно предпочитает разделить «успех» с тов. Бухариным.

Читатель стал свидетелем комической сцены, когда критик Ницше, поручив ему защиту единого мирового треста, для вящшей убедительности переходит сам на точку зрения своего противника. Это для автора оказалось тем легче, что последний, пытаясь из высказываний Ницше получить ультраимпериализм, оперирует больше своими пространными комментариями, нежели подлинным текстом философа.

Верный себе, автор не только в вопросе о сущности империализма, но и в других «идейных сферах», которые он не оставил своим вниманием, продолжает кормить читателя совершенно неудобоваримой пищей, при этом в лошадиных дозах.

На стр. 42 он соглашается с тем, что будто бы тенденции финансового капитала ведут к отпадению уже в пределах капитализма всякой надобности в государстве.

Этот момент передан автором в высокой степени трогательно и умилительно: «Может быть, это будет напоминать строй пчел, где социальное неравенство осуществляется тоже без государства».

Говоря о демократии, молодой исследователь не подозревает, что «демократия вообще»—в классовом обществе—это такая же дичь, как зеленая лошадь или желтый логарифм. На стр. 57 он, с одной стороны, дает такую формулировку: «Демократия сейчас — исторически обусловленная форма господства финансового капитала».

С другой стороны, для вразумления тех, кто может сделать из этого вывод, что пролетарская демократия (тоже ведь демократия) и в СССР есть форма господства финансового капитала, автор замечает: «что Ницше ненавидит демократию, потому что она означает власть народа, власть большинства». Таким образом, мы в тупике: демократия — и форма господства финансового капитала и в то же время «власть народа» (!).

Как же быть с этим противоречием?

Вероятно, так же, как и со всеми другими. Тут есть о чем поговорить.

На стр. 33, характеризуя процесс углубления классовых противоположностей, автор замечает: «Богатые (!) становятся еще богаче, а бедные (!), если не абсолютно, то относительно еще беднее!».

Как осторожно и мило! Если не так, то этак! Не абсолютно, так относительно. Право же, остается изумляться той легкости, с какой при помощи бумаги и чернил рушится казалось бы прочно стоявший тезис марксизма об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса и

заменяется тезисом Ницше, с которым автор не спорит, что «рабочие (при капитализме. *В. К.*) будут некогда жить так, как живет теперь буржуазия» (стр. 91).

Совсем любопытны места, излагающие отношение нашей идеологии к идеологии Ницше. Автор пишет: «Центр тяжести... лежит... в коллективе (в нашей идеологии. *В. К.*). Его создать—наша цель и задача. То же и у Ницше. И у него в конечном итоге новая аристократия состоит из личностей, из сверхчеловеков». «И у него»? Что это значит? Значит и у нас «в конечном счете» новое общество состоит из ницшеанских сверхчеловеков?

Так? Или не так? Или и здесь: если не так, то этак! «Все дозволено»,—как сказал Ницше.

На стр. 72 автор пишет:

«Если финансовый капитализм в области экономики создает все необходимые предпосылки и расчищает путь коммунизму, то то же самое в области идеологии проделывает идеолог финансового капитала Ницше. Ницше делает н а ш е д е л о—во многих отношениях делает н а ш е дело. Такова диалектика истории».

Это не диалектика, а сущая нелепица в лучшем случае. Если автор думал сказать, что Ницше, как представитель идеологии финансового капитала, прогрессивней, нежели идеологи старой классической эпохи капитализма, то зачем же писать совсем в духе достопамятного Струве, что Ницше делает наше дело.

Автор высказывается и на боевые темы. Он, например, считает—и эту ошибку заметил т. Луначарский,—что финансовая олигархия сейчас чуть ли не побита, что единственное место, где капитализм идет еще вверх,— это Америка (92).

«Разве какая-нибудь Англия, — грозная Англия, — способна сейчас к большой политике?». Это говорится, когда всюду подчеркивается опасность войны против СССР со стороны капиталистических держав, инспирируемых «какой-нибудь Англией».

Небезынтересен, наконец, комментарий автора к подзаголовку книги Ницше «Так говорил Заратустра»—«Книга для всех и ни для кого».

Автор, разумеется, не может пропустить случай «пролить свет» своим компетентным раз'яснением на этот предмет.

«Если перевести это на несколько более понятный язык, это будет просто значить—книга для немногих».

Веселое примечание! Как тут не вспомнить глубокого человека, раз'яснившего лет пятьдесят назад слово «нигилист». «Что такое нигилист? Сказать по-простому, так просто глист».

Но довольно с нас Ницше и его горе-критика, хотя афоризмы последнего отнюдь еще и не исчерпаны.

Мы только напомним читателю, что его читательские интересы предполагается не обходить и впредь. Автор предисловия сообщает об этом, по крайней мере, с достаточной определенностью. «Если кому-нибудь придет на ум,—говорится в предисловии,—еще более внимательно пересмотреть все исследование Ницше, посвятив ему значительно большее сочинение, чем предлагаемое сейчас вниманию читателя, то и этому автору, в главном, придется итти все же п о с т о п а м тов. Лейтейзена, и б о п у т ь н а м е ч е н н а ш и м м о л о д ы м а в т о р о м с о в е р ш е н н о п р а в и л ь н о».

Едва ли можно завидовать читателю.

В. К.

Н. Д. КОНДРАТЬЕВ и Д. И. ОПАРИН. «Большие циклы кон'юнктуры». Ранион. 1928 г. Стр. 288. Цена 2 руб. 50 коп.

Профессор Кондратьев уже не в первый раз отдает свою оригинальную концепцию кон'юнктурного процесса на суд научной критики. В рецензируемой книге он в наиболее развернутом и детализированном виде излагает свою точку зрения. Вместе с тем именно здесь впервые сделана попытка дать этой точке зрения принципиальное теоретическое обоснование: в предшествовавших работах автор концепции «больших циклов» ограничивался лишь статистическими иллюстрациями и некоторыми эмпирическими обобщениями. На ряду со статьей профессора Кондратьева, представляющей несколько исправленный доклад, зачитанный им свыше двух лет назад в Ранионе, в книгу включены и те прения, которые выросли из этого доклада. Здесь мы имеем прежде всего обширный контрдоклад Д. И. Опарина и затем речи выступавших оппонентов. Заключительное слово докладчика углубляет и оттеняет некоторые моменты его позиции. Не имея возможности давать подробный разбор идеи «больших циклов» в ограниченных рамках рецензии, мы попытаемся сформулировать лишь основные и принципиальные ошибки новой концепции.

Капиталистическое хозяйство живет закономерным внутренним ритмом. Своеобразной фигурой движения процесса воспроизводства общественного капитала является трехфазный в своей основной структуре экономический цикл. В ходе исторической эволюции капитализма многосторонне изменяется и в количественном и в качественном отношении стиль хозяйственного цикла. Но пока капитализм существует, общественное хозяйство автоматически воспроизводит волнообразный тип колебания его различных элементов. Проф. Кондратьев утверждает, что обычные периодические циклы еще не исчерпывают всех тех повторных типов колебаний хозяйственной жизни, которые внутренне присущи капиталистическому процессу. На ряду с этим типом внутренних колебательных процессов необходимо признать наличие «длительных, очень глубоких и значительных по своему влиянию колебательных процессов в народнохозяйственной динамике». Эти длительные циклы охватывают циклы обычного типа, вернее, последние укладываются в них так, что на каждую под'емную и падающую волну большого цикла приходится несколько сомкнутых фаз большого цикла. Последуем за профессором Кондратьевым и присмотримся к его построениям.

Внешним выражением циклической динамики капиталистического процесса является регулярное волнообразное движение общего уровня товарных цен. Но исследовательская мысль давно уже обратила внимание на тот крайне интересный факт, что, помимо подобных коротких колебаний ценового уровня, существовали еще более крупные и длительные колебания, охватывавшие несколько десятков лет. Эти крупные колебания цен и составляют внутреннюю подоснову всей концепции проф. Кондратьева. К поворотным точкам длительных колебаний общего уровня товарных цен, он приурочивает границы «больших циклов», замыкая свою периодизацию в следующую схему:

1. Повышательная волна первого цикла—с конца восьмидесятых, начала девяностых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг.

2. Понижательная волна первого цикла с периода 1810—1817 гг., до периода 1844—1851 гг.

1. Повышательная волна второго цикла с периода 1844—1855 гг. до периода 1870—1875 гг.

2. Понижательная волна второго цикла с периода 1870—1875 гг. до периода 1890—1896 гг.

1. Повышательная волна третьего цикла с периода 1891—1896 гг. до периода 1914—1920 гг.

2. Вероятная понижательная волна третьего цикла с периода 1914—1920 гг.

Основное положение, выдвигаемое проф. Кондратьевым, можно формулировать следующим образом. Продолжительные волны повышения и понижения цен аналогичны по своей структуре обычным колебаниям уровня цен в пределах нормального капиталистического цикла, и подобно тому как фазы последнего сменяют друг друга, так автоматически чередуются через двадцатипятилетие в среднем интервалы кон'юнктурные полосы оживления и застоя капитализма.

Но удалось ли проф. Кондратьеву доказать, что последовательные крупные волны цен отражают ритм материального процесса накопления? Не представляет ли змеевидная кривая вековой динамики цен лишь внешнюю обманчивую видимость цикличности?—таков первый и важнейший критический вопрос при разборе идеи «больших циклов». Внимательное изучение доказательств проф. Кондратьева необходимо приводит к отрицательному ответу на этот вопрос. Это не только наше мнение. Д. И. Опарин производит кропотливую и даже несколько педантичную работу над соответствующим статистическим материалом и приходит к аналогичному выводу. К нему же склоняется и С. Фалькнер в своем выступлении по докладу. В самом деле, длительные волнообразные колебания, границы которых фиксированы вышеприведенной схемой, существуют в сколько-нибудь ясной форме лишь в динамике общего уровня товарных цен и процента по долгосрочным помещениям капитала. Совсем иное приходится сказать об остальных показателях, проанализированных Кондратьевым. По своему характеру они распадаются на две группы. ценностные и натуральные. К ценностным относятся: заработная плата и обороты внешней торговли Англии и Франции, а натуральным—рост добычи угля в Англии и потребление его во Франции, а также производство чугуна и свинца в Англии. И если хотя бы с маленькой дозой скептицизма отнестись к тем результатам, которые получил Кондратьев, то оказывается следующее. Динамика номинальной заработной платы и суммарных оборотов внешней торговли дает видимость параллельных направлению движения уровня цен длительных колебаний до тех пор, пока мы не внесем поправки на индекс цен. Но стоит лишь проследить эти явления в их собственном внутреннем движении, освободив их от ценовой оболочки, то окажется, что они описывают ту или иную кривую, но какого-либо совпадения с границами намеченных Кондратьевым больших циклов абсолютно не имеется. Что же касается динамики натуральных показателей, то и здесь нет опоры для теории больших циклов. Амплитуда колебаний в точках максимума и минимума волн здесь настолько незначительна, что укладывается в рамки простой арифметической ошибки. В этих точках масштаб колебаний вещественных элементов составляет 3—7%, в то время как,—по признанию самого Кондратьева,—амплитуда отклонения для соответствующих элементов в границах обычных циклов больше в $2^1/_2$ раза. Чтобы понять все уничтожающее для идеи Кондратьева значение этого факта, необходимо иметь в виду, что по его теории под'емные волны больших циклов характеризуются радикальным массовым обновлением и расширением производительных сил. Если это действительно так, то остается совершенно непонятным, почему в эти периоды относительно более чем скромен рост основных натуральных элементов общественного производства.

Повторяем еще раз: проф. Кондратьеву не удалось доказать соответствия между длительными колебаниями цен и изменением темпа роста материальных производитель-

ных сил. Больше того, если мы несколько внимательнее продумзем предлагаемую им периодизацию «больших циклов», то придется сказать, что его схема *извращает* действительный ход эволюции капитализма. Не имея возможности останавливаться сейчас на более подробном анализе этого положения, приведем лишь два наглядные примера.

Повышательную волну первого большого цикла проф. Кондратьев относит к промежутку времени от конца восьмидесятых годов XVIII века до периода 1810—1817 гг. Он делает это на том основании, что в указанный период происходил заметный под'ем общего уровня цен. У порога второго десятилетия XIX века уровень цен ломается и, на протяжении последующих тридцати лет, обнаруживает понижательную тенденцию. Но динамика материальных производительных сил, происходящая в Англии в оба эти периода, решительно *опрокидывает* представление о каком-то «первом большом цикле». В самом деле. С точки зрения проф. Кондратьева материальной подкладкой под'емной волны большого цикла служит создание крупных масс долгосрочного основного капитала—фабрик, заводов, портов, каналов, железных дорог и т. д. Но разве темп расширения этих фундаментальных элементов общественных производительных сил в двадцатилетний период, следовавший непосредственно за наполеоновскими войнами, был *ниже*, чем в предшествовавший период войн с французской революцией и Наполеоном (1796—1815 гг.)? Все крупные и самостоятельные историки английского народного хозяйства: Гобсон, Гиббинс, Леви, Туган-Барановский, Ноуэлс, Клаффам и др.—в один голос утверждают, что период *после* наполеоновских войн характеризуется мощным и ярким ростом туземного капитализма. Механизация текстильной промышленности и развитие железнодорожного транспорта начинается именно в ту эпоху, которую проф. Кондратьев относит к понижательной волне «большого цикла». Наоборот, в ту эпоху, которую он квалифицирует, как «повышательную волну» большого цикла, процесс капиталистической эволюции страны был *задержан* событиями военно-политического порядка. Повышение цен во вторую эпоху и понижение в первую обусловлено не механизмом кон'юнктурного ритма, а причинами *внекон'юнктурного* характера. Условия военного хозяйства гнали цены вверх, а следовавший за периодом войн радикальный технический прогресс был основной причиной понижательного движения уровня цен, идущего рука об руку с интенсивным развитием материальных производительных сил.

Другой пример. Обратимся ко *второму* «большому циклу» и возьмем уже не Англию, а Соединенные Штаты. Уровень цен повышается с середины столетия вплоть до 1873 г. и затем понижается почти до начала XX века. Ставим вновь основной вопрос: действительно ли во второй период *темп* роста производительных сил был *ниже*, чем в первый период? На этот раз приведем несколько цифр:

Годы	Выплавка чугуна (коэффициент прироста или упадка)	Добыча угля (коэффициент прироста или упадка)	Колич. лош. сил в нар. хоз. (1899 = 100)	Ср. годичн. прирост нар. дохода в %% на душу населения
1850	+ 1,9	+ 4,4	25	— 0,14
1860	+ 1,5	+ 1,6	35	0,22
1870	+ 2,0	+ 2,3	45	3,12
1880	+ 2,3	+ 2,2	74	2,28
1890	+ 2,4	+ 2,2	100	3,30

Данные о чугуне и угле согласно говорят *против* того взгляда, что в двадцатилетие третьей четверти прошлого века темп роста тяжелой индустрии был выше, чем в двадцатилетие четвертой четверти. С другой стороны,

два такие обобщающие показателя, как количество лошадиных сил в народном хозяйстве и сумма национального дохода в очень выпуклой форме подтверждают только-что сказанное: нормы роста материальных производительных сил дают нечто *прямо противоположное* тому, что следовало бы ожидать, исходя из разграничения периода 1850—1896 гг. на две большие кон'юнктурные волны. Укажем, наконец, еще на одно существенное обстоятельство. Ведь именно на семидесятые и восьмидесятые годы, рассматриваемые проф. Кондратьевым, как «понижательная волна» большого цикла, приходится в Соед. Штатах создание основного железнодорожного скелета. В период 1850—1875 гг. железнодорожная сеть выросла на 63 тысячи миль, а в период 1875—1896 гг.—на 106,6! «Этот быстрый промышленный прогресс,—пишет Богарт,—дал Соед. Штатам возможность опередить всех своих соперников в отношении об'ема своих производств. С четвертого места в 1860 г. страна достигает к 1894 г. первого положения и с того времени стала главной промышленной страной в мире». Таким образом, реальная динамика производительных сил вновь противоречит сконструированной Кондратьевым идее «больших циклов».

Обратимся теперь к концепции проф. Кондратьева со стороны ее принципиального теоретического обоснования. Если попытка исторической констатации периодически сменяющихся больших кон'юнктурных волн терпит крушение на фактах экономической действительности, то, может быть, проф. Кондратьеву удалось в плане абстрактного анализа доказать иманентность больших циклов для капиталистического процесса?

Предлагаемая проф. Кондратьевым *теория* больших циклов (он называет ее «первой гипотезой») состоит из двух идей: 1) идеи периодического накопления и истощения свободных ссудных капиталов, и 2) идеи своеобразия кругооборота различных видов общественного основного капитала.

В самых общих чертах содержание и связь этих идей следующие: материальной подкладкой «большого цикла» служит воспроизводство *фундаментальных* видов основного капитала подобно тому, как материальным стержнем обычных периодических циклов является, по мнению профессора, воспроизводство менее массовидных и более быстро снашивающихся частей основного капитала (машины, орудия и проч.). Механизм, управляющий динамикой большого цикла, то создавая об'ективную возможность воспроизводства крупных масс основного капитала (повышательная волна), то ставя этому процессу предельные границы (понижательная волна), образуется периодической сменой накопления и истощения ссудных капиталов. Мы начнем критику теории проф. Кондратьева именно с этой второй идеи.

В период понижательной волны большого цикла в различных слоях капиталистического общества, — утверждает проф. Кондратьев, — накапливаются многочисленные сбережения. Источники аккумуляции этих сбережений *двоякого* рода: *во-первых*, те социальные группы, которые имеют фиксированные доходы и выигрывают на понижении цен, и, *во-вторых*, сельское хозяйство, покупательная сила продуктов которого падает в этот период относительно *сильнее*, чем промышленных продуктов, в силу чего промышленность, торговля и банки накопляют за счет сельского хозяйства. Достигнув через 15—20 лет (!) «значительных размеров», накопленный денежный капитал устремляется в производство и расходуется на сооружение крупных производительных сил. Но сумма накопленного фонда постепенно растрачивается на цели инвестиции, спрос на ссудный капитал все в большей мере обгоняет предложение, темп производства основного капитала падает, повышательная волна «большого цикла» автоматически сменяется понижательной.

Не трудно прежде всего вспомнить, что автором этой теории циклов является Туган-Барановский. Перед нами механически перенесенная на «большие волны» кон'юнктуры и дополненная лишь некоторыми деталями известная концепция Туган-Барановского о движущих силах циклического процесса. С легкой руки проф. Кондратьева она празднует сейчас свою вторую молодость. Но внутренняя дефектность ее столь велика, что лишь в состоянии полной теоретической импотенции можно было прибегнуть к подобного рода познавательному оружию. Оставляя за собой право дать в другом месте детальный разбор этой концепции, сформулируем здесь основные критические замечания.

В основе этой идеи лежат две принципиальные ошибки. С одной стороны, непонимание механизма образования ссудных капиталов, с другой,— неправильное представление о взаимоотношении ссудного и производительного капиталов в процессе их движения. Расшифровывая только-что сказанное, можно свести содержание этих ошибок к следующим положениям.

1. Неверно представлена система источников образования ссудных капиталов. Кондратьев видит лишь один источник, вызванный ценовыми сдвигами: процесс распределения различных видов дохода в период депрессии. Такой односторонний взгляд извращает всю перспективу. В основе процесса образования ссудных денежных капиталов лежат различные по своей экономической природе явления — амортизация основного капитала, изменения периода обращения, капитализация прибыли, сбережения зарплаты, кредитная эмиссия банков и т. д., и т. п. Свести весь процесс ссудного капитализирования к моментам перераспределения дохода абсолютно неправильно.

2. Неверно утверждение, что ссудный капитал образуется только в период депрессии. Если неправильно думать, что образование ссудного капитала всегда совпадает с накоплением производительного капитала, то столь же неправильно представлять,—как это делает, вслед за Туган-Барановским, Кондратьев,—будто эти два процесса лишь противоположны друг другу. Кондратьев не доказал, что в период под'ема образование ссудных капиталов происходит быстрее, чем в период депрессии.

3. Неверно положение о зависимости расширения материального производства от наличного предложения ссудного капитала. Это одна из наиболее абсурдных мыслей в построениях Кондратьева. Не кредит определяет границы расширения производства. Наоборот, наличные об'ективные возможности расширения общественного производства (достигнутый уровень развития общественных сил, норма накопления прибавочной стоимости, пропорциональность различных отраслей) определяют рациональные границы самого кредита.

4. Неверна, наконец, мысль о том, что кризисный перелом промышленного цикла обусловлен исчерпанием рынка ссудных капиталов. Ошибочность этой мысли—не только в совершенно необоснованном представлении о ссудном капитале, как лимите производства. Суть дела еще и в том, что вообще ни о каком исчерпании ссудного рынка к концу под'ема не может быть и речи. Стеснение в получении кредита лишь отражает трудности превращения товаров в деньги, но вовсе не выражает израсходования ссудного капитала. Превышение общественного спроса на свободный денежный капитал, как платежное средство, над его предложением есть обратная сторона превышения предложения товарных масс над платежеспособным общественным спросом. Кризис происходит не от недостатка ссудного, а от избытка товарного капитала.

Так обстоит дело с механизмом, движущим «большой цикл». Весь этот механизм — продукт сплошного теоретического недоразумения. Обратимся теперь ко второй идее теории «большого цикла» — своеобразию воспроизводства основного капитала.

Проф. Кондратьев мысленно разграничивает основной капитал на две группы: 1) продукты, воспроизводство которых совершается относительно быстро и не требует особенно крупных затрат капитала, и 2) продукты, характеризующиеся значительными интервалами времени между двумя смежными периодами реконструкции и требующие очень крупных одновременных затрат капитала. К первой группе относятся машины и орудия, ко второй— массовидные постройки, основные железнодорожные линии, каналы, порты и т. п. Вся оригинальность позиции проф. Кондратьева по данному вопросу заключается в том, что он связывает динамику малых циклов с воспроизводством первой группы элементов основного капитала, а динамику больших циклов — с воспроизводством второй группы этих элементов.

«...Если Маркс утверждал, что материальной основой периодически повторяющихся в каждое десятилетие кризисов или редких циклов является материальное изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ в виде машин, служащих в среднем в течение десяти лет, то можно полагать, что материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени для своего производства (стр. 61)».

Принципиальная ошибка проф. Кондратьева по этому вопросу заключается в попытке доказать имманентную неизбежность двуцикличности, исходя из различий в периодах кругооборота составных видов основного капитала. В действительности диапазон сроков службы технического оборудования настолько велик, что устанавливать различные типы циклов, опираясь на диференциацию продолжительности жизненного существования различных групп продуктов, совершенно неверно. Если уже исходить из различий во времени кругооборота элементов основного капитала, то нужно было бы говорить не о двуцикличности, а о многоцикличности. Мы утверждаем, что своеобразие производства и снашивание основного капитала действительно играет существенную роль в динамике цикла. Но Кондратьев не понял сущности связанных с кругооборотом основного капитала экономических процессов в ходе цикла и в перевернутом виде представил истинное положение вещей.

Прежде всего смешно утверждение, будто Маркс связывал динамику обычных циклов лишь с воспроизводством машин и орудий труда. Это прямая и крайне неудачная выдумка проф. Кондратьева. Говоря о роли основного капитала в ходе цикла, Маркс имел в виду весь общественный основной капитал и среднюю продолжительность существования именно этого общественного капитала. Кондратьев не понимает всей той специфичности, которая вносится фактом существования основного капитала в движение капиталистического процесса. Важна не техническая многочисленность периодов кругооборота различных типов основного капитала, а экономическая однозначность действия всеобщего промышленного кризиса на общественное хозяйство. Суть дела вовсе не в различии сроков службы разных групп основного капитала. Ударение надо поставить на том, что всякий очередной кризис, круто ускоряя процесс морального снашивания технических конструкций, дает насильственный толчок переоборудованию, а затем расширению основного капитала, во всех его без исключения составных вещественных частях. Несмотря на то, что основной капитал еще материально жизнеспособен и технически прочен, он становится в большей или меньшей мере морально негодным или экономически нецелесообразным. Многочисленная шкала нормальных сроков службы и сложившихся к моменту кризиса степеней факти-

ческого износа материальных производительных сил *принудительно нивелируется* сложным действием конкурентного винта, вызывающего процесс *всесторонней* реконструкции технического скелета общественного хозяйства. Попытка проф. Кондратьева *разорвать* единый процесс обновления основного капитала и отнести массовое единовременное воспроизводство одной его части (постройки, транспорт, каналы) к одним периодам, а другой (машины и инструменты)—к другим, должна быть решительно отвергнута.

Таким образом, обе линии теоретической аргументации проф. Кондратьева в защиту идеи *двуциклической* формы движения капиталистического процесса: 1) автоматическое накопление и истощение ссудного капитала, и 2) разорванность воспроизводства элементов основного капитала,—явно несостоятельны.

В заключение нашего краткого разбора концепции «больших циклов» остановимся еще на одном важном моменте.

Внимательный читатель работ Кондратьева, посвященных большим циклам, не может не заметить между прочим одной замечательной особенности. Куда, собственно говоря, исчезла в его построениях *эволюция* капиталистического хозяйства? Если бы Кондратьев поставил своей целью исследовать, каким образом в различные исторические периоды в одной и той же стране или в один и тот же период в различных странах меняется в количественном и качественном отношениях структура цикла под влиянием общей поступательной динамики капитализма данной страны и отражения на ней хозяйственного развития других стран — это была бы крайне интересная научная задача. Но он делает нечто иное. Он не интересуется влиянием общей динамики на кон'юнктуру, как *форму* динамики. Он группирует крупные поворотные моменты в историческом развитии мирового хозяйства (промышленный переворот в Англии, прорыв индустриального капитализма на европейский континент, выступление Соед. Штатов, России, Индии, как главных поставщиков аграрных продуктов и т. п.), приурочивает их (подчас совершенно искусственно) хронологически к смене длительных волн цен и рассматривает все эти эволюционные сдвиги и радикальные исторические зарубки, как простые *симптомы* колебания больших циклов. Н. Суханов в своей критике концепции больших циклов совершенно правильно указал тот путь, по которому должно направиться исследование проблемы. Надо ставить вопрос не о «больших циклах», а о том, «какие темпы развития производительных сил были свойственны отдельным периодам развития капитализма». Крайне интересен ответ Кондратьева на это замечание.

«Но позвольте, ведь смена темпов по вашему же определению и есть смена кон'юнктур? Значит, вы не только отрицаете, а даже сами рекомендуете поставить проблему о смене кон'юнктур по различным периодам, и притом не оговаривая длительности последних. И если ограничиться пока постановкой вопроса и не касаться методов исследования и выводов, то чем же ваша постановка отличается от моей? Ведь я именно и исследую смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма» [1].

Это маленькое «контрвозражение» оголяет *корень* ошибок проф. Кондратьева.

В самом деле, ведь спор идет вовсе не о том, одинаков ли в капиталистической стране за каждое десятилетие *средний* темп расширения производительных сил, выведенный путем сглаживания под'емных и депрессивных темпов приходящегося на это десятилетие обычного торгово-промышленного цикла. Нет никакого сомнения, что эти выглаженные сред-

[1]) «Плановое Хозяйство» № 8, стр. 169

ние десятилетние темпы *не однозначны* и дают в одни исторические периоды более высокую норму, в другие — менее высокую. Вся суть проблемы в следующем: является ли это изменение средних десятилетних темпов *циклическим* процессом, в котором длительные повышательные волны *автоматически* сменяют друг друга в каждой капиталистической стране, или же экономическая сущность наблюдающейся неравномерности развития носит совершенно *иной* характер? Мы утверждаем следующее: не в том центральная ошибка проф. Кондратьева, что он выставил положение о неодинаковости темпа роста производительных сил капиталистических стран в различные исторические периоды. *Ошибка его в том, что он думает, будто эта неодинаковость выражает собой регулярную смену длительных кон'юнктурных фаз.* Задавшись целью «исследовать смену темпов развития хозяйственной жизни в прошлом капитализма», он, исходя из обманчивой циклической видимости движения «больших волн цен», произвольно приписал неоднозначности темпа динамики материальных производительных сил механизм кон'юнктурного ритма и,—как это ни покажется странным,—полностью *прошел мимо* действительно существующей проблемы, разрешение которой надо искать в иной плоскости и связать со специфическим *законом неравномерности* капиталистического развития. Смутно сознавая, что существует какая-то неравномерность роста капиталистического производства в различные периоды для одной и той же страны и в одинаковые периоды для различных стран, он в насквозь искривленном виде отображает этот факт своей идеей последовательной смены цикловых оборотов полувековой продолжительности. Рассматривая процесс неравномерности развития капитализма по аналогии с процессом чередующихся фаз кон'юнктуры, он превращает крупные *ступени* неравномерной эволюции капитализма в переломные грани длительных цикловых фаз. Неудивительно, что общая эволюция капитализма *растворилась* в ритмических изгибах хозяйственного процесса. *Исторические периоды склассифицированы, как периодические циклы.* В действительности же, структурные мирохозяйственные сдвиги, приходившиеся на разграниченные им интервалы, различным,— подчас противоположным,— образом отражались на росте материальных масс продукции разных стран, и, следовательно, движение капиталистического процесса воспроизводства в соответствующие отрезки времени ни с национальной, ни с мировой точки зрения не обнаруживают *типичной* для кон'юнктуры *смены темпов* [1]. Действительно, существующая проблема *неравномерности* развития капитализма не поставлена. Зато капитализм, как растущая, трансформирующаяся и отмирающая система, исчез: осталась периодическая смена «больших циклов», наподобие вращения махового колеса в безвоздушном пространстве. И, быть может, нигде этот апологетический подход не сказался так сильно, как в оценке современного состояния мирового хозяйства. Проф. Кондратьев квалифицирует переживаемую нами стадию в мировом хозяйстве, как «вероятную (!!) понижательную волну». Но это—пустая фраза, в которой молча постулируется продолжение нормального капиталистического развития. В чем качественная особенность, своеобразие, неповторяемость современного этапа эволюции капитализма? Как в аспекте «больших циклов», понять, например, современное экономическое положение Англии? Если Англия свыше ста лет назад (после наполеоновских войн) также стояла под знаком депрессивной волны «большого цикла», как утверждает Кондратьев, то означает ли это, что общее хозяйственное положение

[1]) На это последнее обстоятельство указывает Базаров в своей книге «Капиталистические циклы и восстановительный процесс СССР». «Плановое Хозяйство», 1927 г.

страны одинаково в обе эти эпохи? Проф. Кондратьев ответит нам: он знает, что мирохозяйственные позиции Англии глубоко иные сейчас, чем в первой четверти прошлого века. Еще бы! Кто этого не знает? Но ведь исходя из его концепции, надо сделать вывод, что мы имеем не бесповоротный надлом и органический кризис системы английского капитализма, а просто длительную депрессивную волну «большого цикла», которая автоматически сменится мощной очередной под'емной волной.

Несколько слов о прениях по докладу. Если не считать выступлений М. Подтягина и М. Игнатьева, которые пытались защитить не содержание концепции проф. Кондратьева, а его метод обработки статистических рядов, то все остальные выступления были направлены против основных положений автора «больших циклов». Особенное внимание заслуживает, несомненно, очень содержательный контрдоклад Д. И. Опарина. Расходясь с его положительными построениями (причины больших волн цен), мы считаем ценным и вполне убедительным большинство его критических аргументов. Правильны и метки возражения С. А. Фалькнера. Из марксистских выступлений наиболее удачны критические соображения В. Богданова, поставившего спор в плоскость принципиальных расхождений по вопросу о закономерности капиталистического процесса.

А. Герценштейн.

ОПЕЧАТКА:

Автором статьи «Капиталистический и социалистический путь развития крестьянского хозяйства и машинизация», напечатанной в № 15 «Большевика», является не А. Анисимов, как было напечатано, а М. Анисимов. *Ред.*
